

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

**ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY**

Выпуск № 3(33)

июль – сентябрь

2021

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
Состав редакционного совета журнала	6
Состав редакционной коллегии журнала	8
От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала	10
Философия информационного общества	
Причины и последствия успеха современного леволиберального прогрессизма в США	
<i>О. К. Трубицын.</i>	12
Место человека в цифровом мире: мифы и факты	
<i>А. Л. Крайнов.</i>	37
Философская концепция трагического оптимизма В. Франкла в его методике осознанного преодоления страдания	
<i>Ю. В. Андреева.</i>	45
Теория и история культуры	
Социокультурные трансформации в условиях информационного общества	
<i>В. А. Максимович (Республика Беларусь).</i>	55
Из истории отечественной науки	
Комментарий и примечания к статье В. С. Дерябина и Л. Н. Дерябина «О влиянии симпатической нервной системы на трофику скелетных мышц»	
<i>О. Н. Забродин</i>	71
О влиянии симпатической нервной системы на трофику скелетных мышц	
<i>В. С. Дерябин, Л. Н. Дерябин.</i>	75
Русская позитивно-реалистическая идея	
<i>С. Н. Коробкова.</i>	82
Проблематика философии жизни в русском эмпириокритицизме	
<i>А. Е. Рыбас.</i>	93
Требования к оформлению статей	
Требования к оформлению статей.	103

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial Council of the Journal	6
Editorial Board of the Journal.	8
Editorial. Summary of the Issue.	10
Philosophy of Information Society	
Causes and Consequences of the Contemporary Left-Liberal Progressism Success in the United States <i>O. K. Trubitsyn</i>	12
Human Place in the Digital World: Myths and Facts <i>A. L. Krainov</i>	37
V. Frankl's Philosophical Concept of Tragic Optimism (the Method of Conscious Overcoming of Suffering) <i>Y. V. Andreeva</i>	45
Theory and History of Culture	
Sociocultural Transformations in the Context of Information Society <i>V. A. Maksimovich (Belarus)</i>	55
From the History of the Science of Our Country	
Comments and Notes to the Article by V. S. Deryabin and L. N. Deryabin "The Influence of the Sympathetic Nervous System on the Trophism of the Skeletal Muscles" <i>O. N. Zabrodin</i>	71
The Influence of the Sympathetic Nervous System on the Trophism of the Skeletal Muscles <i>V. S. Deryabin, L. N. Deryabin</i>	75
Russian Positivist and Realistic Idea <i>S. N. Korobkova</i>	82
Problems of Philosophy of Life in Russian Empiriocriticism <i>A. E. Rybas</i>	93
Article Presentation Rule	
Article Presentation Rules.	103

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих групп специальностей научных работников:

09.00.00 – философские науки;

23.00.00 – политология;

24.00.00 – культурология.

Журнал выходит четыре раза в год.

Главный редактор – доктор философских наук, профессор Орлов Сергей Владимирович. Email: orlov5508@rambler.ru.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. Email: orlov5508@rambler.ru

Editorial board

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Бояр Виктор Матвеевич – декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, профессор.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедра автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Айдахо (США), PhD по русской литературе, PhD по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – директор института философии и права Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, председатель Сибирского отделения Российского философского общества (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра ноосферного развития Научно-исследовательской лаборатории россиеведения, Евразии и устойчивого развития Северо-Западного института управления (филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России) (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института проблем транспорта Российской академии наук им. Н. С. Соломенко (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Михайловской военной артиллерийской академии, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

**Состав редакционной коллегии журнала
«Философия и гуманитарные науки
в информационном обществе»**

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Оконская Наталия Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологии:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Университи, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Санкт-Петербургского горного университета (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, директор Учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Распределение обязанностей в редакции

Орлов Сергей Владимирович – выпускающий редактор.
Коломийцев Сергей Юрьевич – технический редактор.
Дмитренко Нина Андреевна – переводчик.

От редакции. Краткая аннотация выпуска журнала

Третий выпуск журнала за 2021 год содержит в основном материалы, связанные с подготовкой Девятой международной научно-практической конференции «Философия и культура информационного общества».

Номер журнала по традиции открывает раздел «Философия информационного общества». В статье кандидата философских наук, доцента **О. К. Трубицына «Причины и последствия успеха современного леволиберального прогрессизма в США»** ставится одна из новейших проблем социальной философии и политологии – раскол современного американского общества на враждующие группировки, связанный с деятельностью разнородных политических сил – черного антирасизма, феминизма, движений в поддержку ЛГБТ, Black Lives Matter и т. п. Автор обосновывает мысль, что такого рода конфликты выражают в конечном счете противоречия интересов различных фракций американского крупного капитала. Публикация кандидата философских наук, доцента **А. Л. Крайнова «Место человека в цифровом мире: мифы и факты»** подчеркивает как неоднозначность воздействия цифровизации на экономику и человеческую личность (например, особенно опасно обострение проблемы безработицы), так и неоднозначность реакции людей на развитие цифровых технологий (например, создание новой мифологии как реакции на пандемию коронавируса в противовес рациональному, научному подходу к возникающим медицинским, экономическим и политическим вызовам). Кандидат педагогических наук, доцент **Ю. В. Андреева** обсуждает концепцию трагического оптимизма Виктора Франкла, позволяющую опираться в практике психоанализа не на глубины подсознания (как З. Фрейд), а на исследование сильных сторон человека, его духовно-личностных высот (статья **«Философская концепция трагического оптимизма В. Франкла в его методике осознанного преодоления страдания»**). Опора логотерапии В. Франкла на лучшие, позитивные черты личности открывает перспективы ее использования для социализации человека цифрового, информационного общества.

В разделе «Теория и история культуры» со статьей **«Социокультурные трансформации в условиях информационного общества»** выступает заведующий отделом философии литературы и эстетики Института философии НАН Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор **В. А. Максимович**. Он обращает внимание на сложность, многомерность и многонаправленность процессов социокультурной трансформации. Инновационная составляющая не может развиваться без опоры на те культурные основания, которые прошли проверку временем и сохраняют огромный культурно-созидательный потенциал.

Раздел «Из истории отечественной науки» открывает публикация статьи **В. С. Дерябина и Л. Н. Дерябина «О влиянии симпатической нервной системы на трофику скелетных мышц»**, подготовленная к печати доктором медицинских наук **О. Н. Забродиным**. Непосредственное содержание работы последователей И. П. Павлова – исследование физиологии нервной системы. В

то же время в их небольшом научном труде со свойственным В. С. Дерябину методологическим мастерством используется диалектико-материалистический подход к разрешению парадоксальной ситуации, возникшей при изучении различными специалистами трофической функции нервной системы. Доктор философских наук, доцент **С. Н. Коробкова** продолжает в статье **«Русская позитивно-реалистическая идея»** исследование сформировавшегося среди российских естествоиспытателей научного течения – философского реализма. Реализм, во многом сходный с концепцией философского материализма, опирался на естествознание начала XX века и обращал внимание прежде всего на раскрытие связи мира физического и мира психического, принцип всеобщей связи явлений целого, понимание эволюции, понятие энергии в естествознании, ключевую позицию человека как познающего субъекта. Кандидат философских наук, доцент **А. Е. Рыбас** в публикации **«Проблематика философии жизни в русском эмпириокритицизме»** показывает ключевое значение понятия «жизнь» для второго позитивизма в России. Фактически особая позитивная философия жизни выступает общим теоретическим базисом различных версий русского позитивизма.

Главный редактор

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 329.13

Причины и последствия успеха современного леволиберального прогрессизма в США*

Трубицын Олег Константинович – Новосибирский государственный университет, институт философии и права, доцент, кандидат философских наук, Новосибирск, Россия.

Email: trubitsyn77@mail.ru

SPIN: 5197-9813

Авторское резюме

Состояние вопроса: За последние годы американское леволиберальное движение достигло существенного успеха в продвижении своих идей. Однако последствия этой популярности не вполне очевидны, а причины остаются предметом для споров.

Результаты: В настоящее время стали понятны основные идеологические и социальные компоненты, образующие современное леволиберальное движение. Интерсекционное движение образуется сочетанием таких течений как черный (анти)расизм, феминизм, движение в поддержку ЛГБТ и др. В совокупности результаты их деятельности можно назвать культурной революцией. Эта революция вытесняет традиционные ценности американского этоса и достоинства американского национального характера, сделавшие США великой страной. Этот процесс ведет к росту социальных проблем, снижению экономической конкурентоспособности США.

Область применения результатов: Уже сейчас мы можем в общих чертах сформулировать причины, приведшие к негативным последствиям в развитии США. Это позволяет учесть негативный опыт данной страны, попавшей в идеологическую ловушку, чтобы избежать, в частности, подобного развития событий в России.

Методы исследования: Проведен сравнительный анализ ценностей традиционного американского этоса и ценностей, продвигаемых современным леволиберальным прогрессистским движением. Сопоставлены различные гипотезы, претендующие на объяснение происходящей в США культурной революции. Произведен синтез объяснительных подходов.

Выводы: Все рассмотренные варианты объяснения успеха контркультурного движения в США оказываются недостаточно убедительными, если их использовать по отдельности. Логично предположить, что новая американская идеология порождена не исключительным действием какого-либо одного фактора, а скорее их сочетанием. Поэтому приходится

* © Трубицын О. К., 2021.

признать частичную истинность большинства из представленных гипотез и использовать их как взаимодополняющие друг друга.

Ключевые слова: идеология; этос; либерализм; неомарксизм; контркультурное движение; феминизм; расизм; общественный кризис.

Causes and Consequences of the Contemporary Left-Liberal Progressivism Success in the United States

Trubitsyn Oleg Konstantinovich – Novosibirsk State University, Institute of Philosophy and Law, Associate Professor, PhD (Philosophy), Novosibirsk, Russia.

Email: trubitsyn77@mail.ru

Abstract

Background: In recent years, the American left-liberal movement has made significant progress in promoting its ideas. However, the consequences of this popularity are not obvious, and the causes remain a matter of controversy.

Results: At present, the main ideological and social components that form the modern left-liberal movement have become clear. The intersectional movement is formed by a combination of such trends as black (anti)racism, feminism, the movement in support of LGBT people, etc. Taken together, the results of their activities can be called a cultural revolution. This revolution supplants the traditional values of the American ethos and the virtues of the American national character that made the United States a great power. This process leads to an increase in social problems, a decrease in the economic competitiveness of the United States.

Implications: We can formulate in general terms the reasons that led to the negative consequences in the development of the United States. This makes it possible to take into account the negative experience of this country, which has fallen into an ideological trap, in order to avoid such a development of events in Russia, in particular.

Research methods: A comparative analysis of the traditional American ethos values and the ones promoted by the modern left-liberal progressive movement was carried out. Various hypotheses that claim to explain the cultural revolution taking place in the United States were compared. Explanatory approaches were synthesized.

Conclusion: None of the considered options for explaining the success of the countercultural movement in the United States are convincing enough if they are used separately. It is logical to assume that the new American ideology is not generated by the exclusive action of one factor, but rather by their combination. Therefore, it is necessary to recognize the partial truth of most of the hypotheses presented and to use them as complementary to one another.

Keywords: ideology; ethos; liberalism; neo-Marxism; countercultural movement; feminism; racism; social crisis.

США являются страной, изначально либеральной в идеологическом плане, поскольку само их основание в ходе борьбы за независимость происходило под либеральным флагом. Однако американская идеология строилась не исключительно на либерализме, а на сочетании его с патриотизмом и некоторыми традиционными ценностями, унаследованными от христианства. В последние годы в США происходят процессы, которые справедливо можно назвать культурной революцией. Формируется новая американская идеология. Классический либерализм заменяется неклассической формой либерализма, которую можно назвать левым либерализмом, или, точнее, леволиберальным прогрессизмом. Также ее можно назвать идеологией нового равенства, если учесть особый акцент именно на равенство, а не на свободу. В наше время эта социал-либеральная идеология уже практически стала официальной идеологией Демократической партии США и особенно активно продвигается левым крылом данной партии. Пока нельзя сказать, что она стала в США тотально господствующей, поскольку республиканцы оказывают ей некоторое сопротивление. Однако она доминирует в американском публичном дискурсе, задает тон работе ведущих СМИ, пропагандируется через систему образования. Так что в целом леволиберальный прогрессизм близок к установлению в США своей идеологической гегемонии. Сходная картина наблюдается и во многих других странах Запада.

Практические последствия реализации требований данной идеологии уже наглядно продемонстрировали ее деструктивный характер. И это притом, что некоторые наиболее радикальные лозунги еще не воплощены в жизнь и не успели проявить свою общественную опасность. Тем не менее ее сторонники продолжают реализовывать активную наступательную стратегию, рассчитывая на дальнейшее продвижение по пути специфически понимаемого социального прогресса.

Возникает вопрос: почему идеология леволиберального прогрессизма получила такое распространение и смогла добиться существенного успеха? Чем можно объяснить успех осуществляемой в наши дни культурной революции? Именно такие вопросы ставятся перед настоящим исследованием. В данной статье предпринимается попытка сопоставить некоторые возможные гипотезы, объясняющие подъем леволиберального прогрессизма.

Для начала нужно подробнее раскрыть суть данной идеологии и объяснить, почему столь решительно утверждается ее деструктивность. Здесь нужно для начала заметить, что структура данной идеологии строится иначе, чем это характерно для большинства идеологий модерна. Здесь нет своего «Манифеста Коммунистической партии» или чего-либо подобного, нет исходного ядра – социального и организационного. Истоки этой идеологии и соответствующего движения в США обнаруживаются еще в 1960-х годах, когда развиваются феминизм второй волны и антирасизм афроамериканских революционных активистов. Ими была позаимствована из марксизма идея неустранимости классовых противоречий и необходимости классовой борьбы, но тема защиты интересов рабочего класса была отброшена, и борьба классов

была заменена феминистками на борьбу полов, а антирасистами – на борьбу рас. Со временем эти потоки слились с другими движениями (борцов за права ЛГБТ, мигрантов, животных) под лозунгом «сближения борьбы» или, в более современной терминологии, «интерсекционности». Главными врагами были объявлены «гетеро-патриархальная система» и «системный расизм», в конечном счете объединяемые под маркой «господства привилегированной группы белых гетеросексуальных мужчин». В настоящее время существует широкая коалиция крайне разнородных движений со своими лозунгами, требованиями, социальной базой и историей, которые образуют в совокупности сетевое интерсекционное движение борьбы за права определенных социальных групп. В США это движение связано с Демократической партией, но не тождественно ей, оказывает ей электоральную и пропагандистскую поддержку в обмен на реализацию некоторых требований.

Чтобы понять причины деструктивности идеологии левого либерализма, нужно сначала определить, благодаря чему Америка стала великой страной? Конечно, стоит отметить некоторые объективные материальные факторы. Изобилие природных ресурсов – плодородные земли, большие запасы нефти и прочих полезных ископаемых. Выгодное геополитическое положение с отсутствием сильных потенциальных противников на суше. Это позволяло в начальные годы развития страны экономить на оборонных расходах, а в дальнейшем сделать упор на развитие ВМФ. Последнее, в соответствии с доктриной А. Мэхэна, позволило обеспечить контроль над морскими торговыми путями, что дало серьезные экономические преимущества и возможность оказывать влияние на другие страны. Можно также говорить об институциональной структуре и законах, благоприятных для развития индустриального общества. Но помимо этих объективных обстоятельств важную роль сыграл американский менталитет, определенные морально-психологические характеристики населения, способствовавшие развитию индустриального капитализма. К таковым относятся патриотизм, законопослушность, сильная трудовая и семейная этика, готовность полагаться на свои силы и брать на себя ответственность за свою судьбу, рациональность и прагматизм. Эти качества были сформированы в значительной степени под влиянием христианства в его протестантской версии. Они побуждали американцев стремиться к повышению своего благосостояния за счет честного упорного труда, готовности учиться, планировать свою жизнь. Семейные ценности делали американцев готовыми к определенным трудностям и лишениям, связанным с рождением и воспитанием детей, что обеспечивало устойчивый прирост населения. Рационализм способствовал развитию в стране науки, а прагматизм – готовности применять достижения науки на практике.

Конечно, не все американцы полностью соответствовали этому идеальному типу. Да и те, что соответствовали, имели свои недостатки, нередко вытекающие из достоинств. Американская история, как и история многих других стран мира, полна примеров преступлений в отношении собственного населения, коренных народов, народов других стран. Но это не отменяет сути

дела: великой Америку сделали, прежде всего, отмеченные выше достоинства американцев.

Теперь посмотрим, какое влияние движения, связанные с идеологией нового равенства, оказывают на этос современных американцев, какие качества они воспитывают в своих согражданах. Для начала рассмотрим проявления критической расовой теории. По мнению А. Лукина, в перспективе расовая теория наложится на все прочие «прогрессивные» принципы, типа «гендерного неравноправия», исламофобии, угнетения сексуальных меньшинств, классового и социального неравенства, станет для них основной и потребует перестроиться в соответствии с ней [см.: 1]. По существу, это уже произошло. Теперь борьба с расизмом стала модой, распространяющейся как снежный ком, который постепенно заслоняет и подминает под себя другие элементы левого либерализма, делая их своими частями.

Для примера возьмем The National Museum of African American History & Culture [см.: 2]. Его сотрудницы Р. Ди Анжело и П. Макинтош разработали специальный курс о том, как лицам, принадлежащим белой расе, следует избавляться от своей «белизны» («dismantle whiteness»). Они говорят о «доминирующей культуре белых» которая означает, что «белые люди и их обычаи, верования и культура со временем нормализовались и в настоящее время считаются стандартными в Соединенных Штатах. В результате все американцы восприняли различные аспекты белой культуры, включая цветных» [2]. Это то, с чем, по их мнению, необходимо бороться. Но ведь традиционная американская «белая культура» – это не только широко распространенный расизм и прочие негативные явления, но также и достижения, ставшие основой культуры модерна, психологическим базисом развитого индустриального общества. Речь идет о тех характеристиках, о которых говорилось ранее, прежде всего рациональности, прагматизме, ответственности за свою судьбу, протестантской трудовой этике. Отказ от «нормализации» WASP-овского стандарта и апология практик поведения и систем ценностей маргинализированных групп означает подрыв культурно-психологических основ американского общества. То, что Р. Ди Анжело и П. Макинтош являются значимыми идеологами современного американского прогрессизма, а не просто парой сумасшедших маргиналов, говорит список спонсоров организации, среди которых, помимо правительственных органов, можно обнаружить Фонд Рокфеллера, Благотворительный фонд Опри Уинфри, Благотворительный фонд Билла и Мелинды Гейтс, Дэвида М. Рубенштейна, Джеффа и Мак Кензи Безос, Майкла Блумберга, а также «Боинг», «Кока-Кола», «Макдональдс». Музей действует не только как собственно музей, но и как педагогически-идеологическая организация, – он уже подготовил более 2 тыс. учителей для школ в 15 штатах.

Боевыми отрядами идеологии антирасизма (по сути антибелого расизма) являются подразделения Движения за черные жизни (M4BL) – зонтичной организации, одним из участников которой является BLM. Вот некоторые цитаты из их программы: «Мы требуем возмещения ущерба за причиненный в прошлом и продолжающийся вред. Правительство, ответственные корпорации

и другие учреждения, которые извлекли выгоду из вреда, который они причинили чернокожим людям, – от колониализма до рабства, через сокращение продовольствия и жилья, массовое лишение свободы и наблюдение – должны исправить причиненный вред» [3]. Это подразумевает в том числе «Возмещение ущерба за продолжающееся отчуждение, дискриминацию и эксплуатацию наших общин в форме гарантированного минимального дохода, пригодного для жизни всех» [3]. В целом они поддерживают левую повестку, в частности требуя «ввести прогрессивные подоходные налоги в каждом штате и перераспределять доходы по мере необходимости между муниципалитетами» [4]. Но она дополняется специфически расовыми требованиями, а также требованиями интерсекционной борьбы.

Движение Black Lives Matter было создано в 2013 году тремя «марксистско-ленинскими революционерами», как они себя называют, которые выбрали в качестве символа своего движения осужденную за убийство полицейского участницу Черной освободительной армии Ассату Шакур. BLM выступает не столько против конкретных несправедливостей, сколько против предполагаемой несправедливости американской системы в целом, капитализма и системного «превосходства белых». Активисты BLM заявляют: «Мы стремимся вместе бороться, придумывать и создавать свободный от античерного расизма мир, в котором каждый черный человек обладает социальной, экономической и политической силой для процветания» [5]. Также в программных установках BLM отдается дань целям интерсекционной борьбы и звучит «намерение освободиться от жесткой хватки гетеронормативного мышления, или, скорее, веры в то, что все в мире гетеросексуальны» [5].

Хотя оно и связано с широким леволиберальным фронтом, само это движение выходит далеко за границы либерализма, хотя бы и левого. Как было отмечено выше, эта организация находится в центре очень большой сети, включающей сотни левых организаций, разделяющих основные ключевые идеи. Несмотря на провозглашаемую левизну и революционную радикальность, многие из этих организаций финансируются крупнейшими американскими корпорациями и благотворительными организациями, включая Фонд Бен и Джерри, Фонд Форда, Фонд Рокфеллера, Фонд Маргарет Кейси, Фонд Натана Каммингса и Институт открытого общества Джорджа Сороса. Летом 2016 года Фонд Форда и Благотворительная организация «Бореалис» объявили о создании Фонда (BLMF), который «предоставляет гранты, ресурсы для создания движения и техническую помощь организациям, работающим над продвижением лидерства и видения молодых, черных, гомосексуалистов, феминисток и лидеров иммигрантов, которые формируют и ведут национальный разговор о криминализации, полиции и расе в Америке» [6]. Д. Горовиц обращает внимание на тот удивительный факт, что, хотя «Black Lives Matter теперь является крупным национальным движением, финансируемым элитами американского истеблишмента, [это] не побудило его коммунистических основателей пересмотреть свое политическое увлечение тоталитаризмом или свои антиамериканские программы» [6].

Лозунги и требования антирасистского движения проникли глубоко в систему американского преподавания и воспитания молодежи. Преподавание принципов критической расовой теории становится повсеместно обязательным. Более того, многие учреждения образования сами проявляют инициативу и требуют усилить и углубить этот процесс. В качестве примера приведем письмо преподавателей одного из ведущих вузов страны. В открытом письме от 4 июля более 350 преподавателей Принстонского университета призвали президента университета Кристофера Л. Эйсгрубера и других высокопоставленных администраторов принять 48 антирасистских мер. В письме утверждается, что деятельность университета строилась до сих пор на скрытом системном расизме. С пафосом провозглашается, что «подлинное служение человечеству начинается с демонтажа неестественных и аморальных иерархий, которые университеты уже давно увековечили, как активно, так и своим бездействием» [7]. «Мы призываем администрацию заблокировать механизмы, которые позволили системному расизму работать, явно и незаметно, в деятельности Принстона. Мы призываем Университет усилить свою приверженность чернокожим и всем цветным людям в этом кампусе как центральной части своей миссии и впервые в своей истории стать антирасистским учреждением» [7]. Предлагается продвигать на руководящие посты активных антирасистов, которые обеспечат инклюзивность посредством усиленного приема на работу преподавателей и зачисления студентов по расовым, этническим и прочим признакам, а также пересмотреть систему стандартных академических тестов, несправедливую к «людям цвета». По сути речь идет о том, что при приеме в вуз и при оценивании результатов обучения нужно исходить не из способностей и знаний, а из принципа «позитивной дискриминации» в отношении представителей некоторых меньшинств. Белые же люди должны проходить регулярные тренинги, направленные на выдавливание из себя внутреннего скрытого расиста.

Теперь перейдем от расового фронта борьбы за справедливость к гендерному. Здесь интерсекционное сообщество борьбы за права представлено двумя крупными фракциями – феминистками и борцами за права ЛГБТ. Современный феминизм представлен предельно широким рядом движений, принципиально различающихся между собой по многим ключевым для них самим вопросам. Из наиболее популярных в последнее время можно назвать такое течение как радикальный феминизм, наследник лесбийского радикализма М. Виттиг. В данном случае феминизм доходит до прямого и открытого мужененавистничества и требований дискриминации мужчин, скромно замаскированных лозунгом позитивной дискриминации. Но более интересным для нас, популярным и пользующимся широкой медийной и финансовой поддержкой течением является андрогинный феминизм. Его сторонница Г. Рубин мечтает «об устранении обязательной сексуальности и обязательных половых ролей. Моя мечта – это андрогинное и безгендерное (хотя и не бесполое) общество, в котором анатомическое устройство половых органов человека не играет никакой роли в том, какую профессию он выберет... и с кем занимается любовью» [8, с. 130]. То есть феминистки данного толка выступают

против навязывания обществом определенных половых ролей, когда мальчикам говорят, например, веди себя так-то, ведь ты – мужчина. Человек должен определять свое поведение, в том числе сексуальное, свободно, по ситуации и желанию.

Трактовки гендерных проблем с позиции андрогинного феминизма являются достаточно специфическими, но некоторые базисные положения данного подхода стали среди представителей разных течений феминизма (и не только) практически общепринятыми. Так, установилась преобладающая точка зрения, что гендер является социальным конструктом, условностью, причем крайне произвольной. «Гендер создается (конструируется) обществом как социальная модель женщин и мужчин, определяющая их положение и роль в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании, и др.)» [9, с. 20].

Через посредство андрогинного направления феминизм пересекается и объединяется с ЛГБТ-активизмом, а через посредство «черного» феминизма – с так называемым антирасистским движением. В целом для всей совокупности этих движений характерна такая особенность, которая конституирует сущность идеологии нового равенства: начиная с лозунга справедливости как равенства для всех, затем они фактически переходят к требованию построения новой социальной иерархии. Эта иерархия прав и привилегий выглядит как инверсия иерархии, традиционной для прежнего американского общества: теперь белые гетеросексуальные мужчины находятся в самом низу (они должны платить и каяться), а над ними возвышаются черные мужчины и белые женщины, еще выше – черные женщины, а на вершине – трансгендеры.

Интерсекционное движение либерального и левого прогрессизма включает в себя еще ряд значимых фракций, но ограничимся пока только этими. Какое влияние оказывают они на ценности, нормы и образ жизни американцев и, следовательно, на успешность американского общества в целом? Для ответа на этот вопрос достаточно сопоставить те характеристики традиционного американского этоса, которые способствовали превращению бывшей английской колонии в великую мировую державу, с той культурной программой, которую продвигают прогрессисты.

Например, рационализм, способствовавший развитию науки, даже способность к выяснению причинно-следственных связей теперь оцениваются как подозрительные качества, чуть ли не пороки. В систему образования внедряется постмодернистский подход, согласно которому любая научная теория – не более, чем форма агональной риторики, выражающая специфический взгляд на мир с позиции определенной социальной группы. Получается, например, что принципы математики не универсальны, и если чернокожий ученик дает неправильный ответ математической задаче, то ему не нужно ставить плохую оценку и говорить, что он не прав, – просто он так видит. В перспективе такой подход разрушительно скажется на американской науке и инженерии, хотя уже сейчас очень значительную часть научных и инженерных кадров составляют иммигранты.

Американское общество никогда, конечно, не было идеальным воплощением принципов равенства возможностей и карьеры, открытой талантам, – всегда существовали различные наследуемые преимущества и ограничения. Однако в целом оно стремилось к образцу меритократического общества, где личные способности и упорные усилия открывали дорогу к восходящей социальной мобильности. Но теперь новая этика, вытекающая из идеологии нового равенства, требует от преподавателей и работодателей отдавать приоритет не способностям, знаниям и квалификации, а специфическим характеристикам человека, никак не связанным с его профессиональными качествами. Применительно к вопросу о приеме абитуриентов в вуз такой подход получил даже философское обоснование. Так, по мнению Р. Дворкина [см.: 10], отказ при поступлении в вуз по причине принадлежности к африканской расе в эпоху сегрегации являлся аморальным, поскольку базировался на отвратительной идее, что одна раса может быть лучше другой. А вот отказ на поступление в вуз по причине принадлежности к европеоидной расе в наше время, вызванный необходимостью принять черного абитуриента, набравшего меньше баллов, не связан с расовыми предрассудками. Следовательно, такая практика расовых предпочтений для черных никого не оскорбляет и является справедливой. М. Сэндэл [см.: 11] признает правильность выводов, но пытается дать этому более убедительные обоснования. Практика расовых предпочтений, объясняемая необходимостью достижения расового разнообразия в различных сферах жизни общества, более убедительно обосновывается коммунитаристским принципом государства, обеспечивающего общее благо (в данном случае в качестве такового рассматривается расовое разнообразие), чем либеральным принципом нейтрального государства. Также леволиберальные философы обосновали концепцию исторической справедливости – коллективной ответственности представителей «угнетательских» сообществ в отношении «угнетенных», что дает последним привилегии, в частности, при поступлении в вузы [см.: 12].

То же самое происходит и при приеме на работу: необходимо соблюдать квоты для женщин, секс-меньшинств, расовых меньшинств. Не стоит удивляться проблемам, например, корпорации «Боинг», которая не в состоянии обеспечить разработку новых моделей и бывшее качество сборки самолетов, когда кадры подбираются по идейному, а не профессиональному принципу.

Современное афроамериканское сообщество страдает не столько от мнимого системного расизма, сколько от недостаточной социализированности, когда упорная учеба и честный труд считаются чем-то непрестижным. И вот, вместо того, чтобы побуждать их усваивать этику личной ответственности, трудолюбия и законопослушности, им внушают, что в их проблемах виновато общество, белые сограждане, расизм, а не их собственные качества. Более того, человеческие качества, нормы поведения и ценности, формируемые в уличных бандах люмпенизированных гетто – лень, неумение сдерживать сиюминутные желания, неспособность к самодисциплине, самоконтролю – это теперь объявляется модным, современным, примером для подражания для всех остальных. Людям популярно объясняют, что вместо того, чтобы упорно

учиться и работать, добиваться лучшей жизни стоит через политическую борьбу за групповые привилегии. Фактически в них взращивается социальное изживенчество, а их энергия направляется не на созидательные, а на разрушительные цели.

Если общество желает быть здоровым и стабильно развиваться, то оно должно поощрять позитивные, общественно полезные формы поведения и противодействовать (хотя бы на уровне пропаганды) деструктивным, общественно вредным. (Легко представить, что случится с обществом в противном случае. Допустим, пьянство будет признано не пороком, а гастрономическим предпочтением, а алкоголики – группой, заслуживающей привилегий и всеобщего уважения. В такой ситуации несложно будет предсказать повсеместное распространение алкоголизма. Общество же с повальной алкоголизацией неизбежно будет деградировать в физическом, моральном и умственном отношении). Но именно это и делает пропагандистская машина США, включая СМИ, школы и т. д. по отношению к собственному населению.

И самый яркий пример этого – пропаганда так называемой толерантности. Оттого, что сексуальные перверсии исключены из списка психических заболеваний и стали считаться исключительно делом личного выбора, достойного всеобщего уважения, они не стали объективно менее общественно вредными. О том, насколько радикальны произошедшие перемены говорит следующая цитата из статьи американского социолога, написанной тогда (рубеж 1960–1970-х гг.), когда отмеченные тенденции изменения моральных оценок только начинались: «...во всем мире наблюдается тенденция, получившая наиболее яркое выражение в Соединенных Штатах, особенно в кругу высокообразованных людей, по-новому определять многие виды отклонений, усматривая в них не полицейские, а медицинские проблемы, проявления болезни, а не порочности или преступности. Речь идет о гомосексуализме, алкоголизме и наркомании. Однако нигде, даже в Соединенных Штатах, эта точка зрения не стала господствующей» [13, с. 286]. Сейчас гомосексуализм не определяется не только как преступление или порок, но даже как болезнь – скорее, наоборот, достоинство, поскольку дает право на привилегии. Как результат – рост числа гомосексуалистов. По оценкам американских социологов (социологическое агентство Гэллап) [см.: 14], в период с 2012 г. по 2020 г. число лиц нетрадиционной сексуальной ориентации в США возросло с 3,5 % до 5,6 %, причем среди молодежи их доля достигает 15,9 %, и рост предположительно продолжится. Существуют предположения, что это не лучшим образом сказывается на физическом и психическом здоровье нации (хотя здесь требуются дополнительные исследования, чтобы уверенно прояснить этот вопрос). Но наиболее достоверным является предположение, что это подрывает демографический потенциал, негативно влияя на уровень рождаемости. В условиях демографического кризиса, вызванного низкой рождаемостью, который переживают сейчас практически все развитые страны, дополнительный фактор сокращения рождаемости может иметь катастрофические последствия. То есть независимо от субъективных этических

предпочтений стоит признать, что политика поощрения данного явления негативно сказывается на человеческом капитале нации.

Итак, изначальная американская идеология строилась на сочетании классического либерализма и протестантских ценностей. И то, и другое поощряло индивидуализм, личную ответственность, инициативность. Но христианство, даже в такой специфической нетрадиционной версии, способствовало также уравниванию индивидуалистического эгоизма коллективистскими ценностями, ставшими основой общегражданского патриотизма. Новая идеология, активно продвигаемая сейчас в США, подрывает те основы американской культуры, которые позволили Америке стать самой сильной страной мира. Ослабляются и в перспективе ликвидируются одновременно уважение к науке и к христианству, рациональность и технооптимизм, подрываются трудовая этика, патриотизм и семейные ценности, пропагандируется образ жизни, наносящий ущерб психическому и физическому здоровью. Новая идеология выглядит разрушительной и опасной для будущего страны. Масштаб изменений таков, что процесс этот нельзя назвать иначе, как культурной революцией. Соответственно возникает вопрос: что способствовало этой революции, почему эти идеи превратились из маргинальных в доминирующие? Нужно рассмотреть различные альтернативные объясняющие гипотезы.

Начать стоит с предположения о том, что мы просто наблюдаем последовательное развитие изначальных прогрессистских идеалов, заключенных в лозунге «свобода, равенство, братство». Согласно распространенному либеральному взгляду, в людях заложено неискоренимое стремление к свободе и стремление довести ее до возможных пределов, что предполагает отказ от большинства традиционных правовых ограничений и культурных табу. Однако для новой версии левого либерализма и сомкнувшегося с ним демократического социализма более важна идея равенства, а для продвижения прогрессивных ценностей допускается широкое использование мер принуждения. М. Фридман [см.: 15] пишет о том, что изначально в США под равенством понимали равенство всех граждан перед Богом, затем произошел переход к трактовке равенства как равенства возможностей и, наконец, к популярной в последнее время трактовке равенства как равенства результатов, несовместимой с идеалом свободы. Получается, что даже признавая стремление людей к свободе, справедливости и равенству, мы не приходим автоматически к именно такому их пониманию, которое продвигается идеологией нового равенства, поскольку возможны и совершенно иные их интерпретации.

Каковы причины популярности и влиятельности именно такой трактовки, которая требует разрушения традиционных американских ценностей? В качестве возможного объяснения можно рассмотреть модель деградации общества, предложенную Платоном. Точнее говоря, в целом она едва ли адекватна для объяснения социальных процессов в современном обществе, но определенный интерес представляет описание вырождения олигархии в демократию, а той – в тиранию. Основная предпосылка этого процесса –

популистская политика как результат союза безответственных политиков-демагогов и люмпенизированных слоев общества. Это подводит к гипотезе, что демократия по сути своей имеет тенденцию к вырождению в охлократию (а в перспективе и тиранию), что мы и наблюдаем в современных США. Эта гипотеза интересна, но у нее имеются очевидные слабости. Во-первых, форма правления в Америке представляет собой не демократию в классическом античном смысле этого слова, а комбинацию демократии и олигархии (что, по мнению Аристотеля, создает такую наилучшую форму правления как полития). Во-вторых, данная форма правления установилась в США с самого момента их возникновения, но до определенного момента не приводила к охлократическому вырождению. Почему же это произошло именно сейчас?

Как вариант можно обратиться к объяснению П. Бьюкенена [см.: 16]: неомарксисты проникли в систему американского высшего образования и распространили свои идеи, которые усвоила бесившаяся с жиру молодежь поколения бэби-бумеров. Однако марксизм проникал в США еще в XIX веке, но не получил распространения. Также и всплеск его популярности после Октябрьской революции был легко подавлен. Без поддержки неомарксистских идей со стороны влиятельных социальных групп они не смогли бы получить распространения. К тому же, прежде чем перейти к интерсекциональности и объединению разнородных движений на базе так называемого культурного марксизма (имеющего весьма опосредованное отношение к ортодоксальному марксизму), эти движения (экологи, феминистки, черные расисты и прочие) развивались самостоятельно и не обязательно испытывали хоть какое-то идейное влияние неомарксистов. Таким образом, свалить все исключительно на неомарксистов не получится, поскольку они были только одной из составных частей общего процесса и главное потому, что без санкции свыше радикальные контркультурные идеи не смогли бы свободно распространяться.

Мы подходим к предположению, что сами эти контркультурные движения различных, чаще всего маргинальных групп американского общества выполняют роль исполнителя, а заказчиками выступают влиятельные и обеспеченные социальные группы. У такого предположения есть очевидные основания. С теоретической точки зрения можно сослаться на марксистский принцип обнаружения за всеми идеями и лозунгами интересов определенных классов. С практической – на факт масштабной медийной и финансовой поддержки этих движений со стороны крупнейших частных благотворительных фондов и корпораций США. К тому же, как уже отмечалось ранее, политическим агентом культурной революции в США выступает Демократическая партия, которую поддерживают не только потомственные получатели пособий, но также значительная часть среднего и высшего классов. Соответственно вопрос должен ставиться в несколько иной плоскости: почему определенные фракции американской олигархии и среднего класса поддерживают происходящую культурную революцию? Если учесть то, что уже говорилось о сути этой революции, ценностях, которые она несет, и последствиях этого для страны, то возникает удивление по поводу того, кому и зачем это нужно.

Если говорить о том, какая часть среднего класса поддерживает культурную революцию, то первым на ум приходит так называемый креативный класс. Понятие креативного класса пока не получило достаточного социологического обоснования, в частности, отсутствуют четкие определения и перечень признаков принадлежности к данному классу. Р. Флорида, автор концепции креативного класса, определяет его следующим образом: «Подобно другим классам, новый класс выделяется на базе экономики. Если для феодальной аристократии источником власти и классовой идентичности служили наследственный контроль над землей и населением, а для буржуазии – присущие ей “роли” коммерсантов и фабрикантов, то особенности креативного класса определены творческой функцией его членов. Поскольку креативность – это движущая сила экономического развития, креативный класс к настоящему времени занял в обществе доминирующее значение» [17, с. 11]. «Суперкреативное ядро нового класса включает ученых и инженеров, университетских профессоров, поэтов и писателей, художников и актеров, дизайнеров и архитекторов, равно как интеллектуальную элиту современного общества: публицистов, редакторов, крупных деятелей культуры, экспертов аналитических центров, обозревателей и других людей, чьи взгляды формируют общественное мнение» [17, с. 85]. Эти люди занимаются творчеством, то есть производством «новых форм и моделей, которые можно с легкостью распространять и широко использовать» [там же].

Р. Флорида не вполне обоснованно объединяет в одну группу инженеров и ученых, с одной стороны, и представителей богемы и идеологов различного рода, с другой. Нарастающее идеологическое вмешательство в научную деятельность едва ли идет на пользу науке, а разрушение трудовой этики и прочие последствия культурной революции негативно влияют на промышленное производство, следовательно, положение инженеров. Более обоснованным представляется рассматривать в качестве «подозреваемого» в осуществлении культурной революции гуманитарную составляющую креативного класса – богему, профессиональных идеологов и прочих «инженеров человеческих душ». Ускоренное развитие данного класса связано с информационной революцией, а также развитием культурного сектора экономики. Существуют тенденции если не полного слияния, то усиления взаимообусловленности сфер культуры и экономики. Большая часть культуры сейчас коммерциализирована и функционирует как культурная экономика. Но в то же время происходит расширение в рамках экономической сферы этого культурного сектора, так что все большая часть экономики становится культурной экономикой. Это способствует увеличению численности и усилению данной фракции креативного класса.

Классические представления о классе подразумевают не только одинаковое место в общественном разделении труда, отношение к собственности и уровень доходов у определенной группы людей, но и сходство их мировоззрения, образа жизни. Из общности классовых интересов следует преобладание среди его представителей одинаковых, специфических для данного класса политических взглядов. «Мои практические исследования и

интервью дают все больше свидетельств тому, что если представители креативного класса пока и не рассматривают себя в качестве единой общественной группы, в реальности их объединяют общие вкусы, желания и предпочтения» [17, с. 84]. Можно предположить, что этос богемы обладает сродством с ценностями современного прогрессизма, так что идеальные интересы (по терминологии М. Вебера) побуждают ее поддержать культурную революцию. Однако же прямая материальная заинтересованность богемы не очевидна. Профессиональные же идеологи (журналисты, преподаватели, литературные критики и т. п.) продвигают определенные идеи по большей части в соответствии с задачами, которые ставят перед ними владельцы издательств, спонсоры, т. е. представители крупного капитала. Так что роль креативного класса в процессе культурной революции скорее вспомогательная, чем определяющая. Они выступают коллективным «организатором, агитатором и пропагандистом», посредником между олигархией и массовыми движениями гражданских активистов разного рода, способствуют установлению гегемонии (в грамшианском смысле) левого либерализма.

Здесь мы подходим к самому сложному вопросу – а зачем все это нужно представителям крупного капитала? Зачем им поддерживать, например, радикальных левых популистов, требующих отнять и поделить? Для начала стоит заметить, что капиталистический класс по всей видимости не является монолитной силой. Напротив, можно предположить существование нескольких капиталистических классов, в зависимости от преобладающей формы капитала, которые имеют не только совпадающие, но и противоречащие друг другу интересы. Основные фракции капиталистического класса – это промышленники и финансисты. В последнее время в связи с информационной революцией к ним добавился еще один достаточно влиятельный и специфический подкласс, формируемый на основе информационного капитала. Впрочем, современные американские корпорации по большей части не стремятся ограничиваться специализацией на какой-то одной форме деятельности и одном способе вложения капитала. Поэтому значительное число корпораций представляет собой финансово-промышленные группы. (На срастание промышленного и финансового капитала под контролем последнего обратили внимание сто лет назад теоретики империализма, в частности В. И. Ленин [см.: 18].) В то же время глобализация способствовала возникновению еще одного основания для различия между типами капитала. Имеется в виду различие между бизнесом, локализованным на территории одной страны, с одной стороны, и транснациональным (ТНК) – с другой. Но также и среди самих ТНК выделяются те, которые можно назвать национально ориентированными (поскольку основная часть их активов приходится на страны их происхождения, где расположены их штаб-квартиры), и те, которые являются глобально ориентированными (и для которых привязка к стране происхождения является сугубо условной). Поэтому скорее всего основной водораздел между разными фракциями американских капиталистов пролегает не столько по линии финансисты – промышленники, сколько по другому основанию: национальный капитал или транснациональный. Тем не менее

определенная корреляция между преимущественно промышленной специализацией и национальной ориентацией, с одной стороны, и преимущественно финансовой специализацией и глобалистской ориентацией, с другой стороны, видимо, существует, поскольку промышленность теснее связана с государством, а финансовый капитал более мобилен.

Помимо финансового и промышленного капитала в современную информационную эпоху формируется еще один капиталистический подкласс со своими специфическими интересами – информационный. По мнению политолога-американиста Д. Дробницкого именно он выступает основным инициатором и спонсором (финансовым и информационным) современного леволиберального контркультурного движения. IT-корпорации стремятся к власти, поэтому им «нужна своя политическая проекция в реальном мире. Как и все транснациональные корпорации, они сделали ставку на те силы, которые максимально негативно относятся к государственному суверенитету, семье, церкви и прочим традиционным ценностям. Для чего? Для того, чтобы лояльность международной корпорации со стороны работников и потребителей была максимальной, чтобы ни государство, ни семья, ни сограждане “не отвлекали” людей от производства и потребления контента. И что немаловажно – от соответствующих действий в офлайне. А именно: от защиты “свободы интернета”, то есть правил, устанавливаемых IT-гигантами [см.: 19]. И здесь не столь важно, политические ли амбиции либералов или корпоративные интересы «цифровиков» являются первичными. «Леволлиберальные партии Европы и Америки составляют с киберкорпорациями идеальный политико-экономический симбиоз. Партийные функционеры и партийная пресса, равно как и ставшие предельно идеологизированными суды либеральных юрисдикций, обеспечивают легальное прикрытие для деятельности Большой Цифры, а та, в свою очередь, осуществляет информационную поддержку этих функционеров, журналистов и судей» [19]. Это проявляется, например, в цензуре, которую IT-гиганты вводят в подконтрольных сетях, ограничивая распространение альтернативных точек зрения. Наиболее яркий пример здесь – бойкот в отношении Д. Трампа.

Итак, гипотеза состоит в том, что глобализация и информационная революция способствовали формированию достаточно организованного и сплоченного класса капиталистов (по преимуществу финансистов или «информационщиков»), чьи интересы носят глобальный характер и слабо связаны с интересами любого национального государства, в том числе США. Эти глобалисты заинтересованы в ослаблении налогового бремени и контроля со стороны национальных государств, для чего требуется ослабить сами эти государства¹. Соответственно их интерес может состоять в подрыве дееспособности института национального государства, его ослаблении вплоть

¹ По мнению У. Бека, «приведение в действие механизма глобализации позволяет предпринимателям и их объединениям отвоевать у демократически организованного капитализма свободу действий, сдерживаемую политикой социального государства. Глобализация делает возможным то, что, по-видимому, всегда скрыто присутствовало в капитализме, но на стадии его укрощения социальным демократическим государством оставалось замаскированным» [20, с. 10].

до уровня, предполагаемого минархистской версией либертарианства. При таком раскладе сети ТНК стали бы сильнейшей формой организации, наделенной максимальным могуществом, хотя и без обладания формальной публичной властью. Последняя сохранилась бы за государствами, выполняющими функцию прикрытия для реальной власти ТНК.

Эта гипотеза обладает тем достоинством, что обосновывает рациональные мотивы влиятельных слоев американского общества, толкающие их к предательству национальных интересов – стремлению ослабить национальное государство и подчинить его своим интересам и целям, далеким от общенациональных. Для этого они поддерживают два вроде бы противоположных течения – либертарианство и демократический социализм. Первое требует немедленного урезания полномочий государства в пользу корпораций, второе, напротив, чрезмерного увеличения государственных расходов, ведущее государство к банкротству. Временный успех социалистов означает реализацию стратегии ликвидации социального государства путем его чрезмерного расширения, что откроет дорогу реализации либертарианской программы, которая окончательно превратит государство в полицейскую надстройку транснационального капитала².

Эта гипотеза выглядит несколько конспирологической, но в достаточно приемлемой мере. Любая теория классового господства предполагает определенный уровень самоорганизации господствующего класса, наличие механизмов координации и выработки общей стратегии, что со стороны может выглядеть как заговор. Сомнения здесь возникают скорее по поводу реалистичности предположения о том, что ТНК, базирующиеся в США, настолько глобализовались, что им вообще не нужна поддержка американского государства. До сих пор капиталистические корпорации всегда нуждались в государстве, настолько эффективном, чтобы поддерживать функционирование инфраструктуры в национальном масштабе, и настолько сильным, чтобы быть способным защищать интересы своих корпораций за рубежом. Определенно, стремление несколько ослабить роль государства у значительной части капиталистического класса существует. Иначе бы не было продвижения принципов так называемого «вашингтонского консенсуса», то есть программы масштабной приватизации и сокращения государственного регулирования. Однако цель эта, как представляется, быстрее достигается прямым путем – через поддержку правого либерализма и либертарианства, а не обходным – через продвижение левого либерализма и социализма. Стратегия с поддержкой популистских деструктивных движений ради того, чтобы в перспективе обанкротить государство выглядит слишком сложной и непредсказуемой по своим последствиям, чтобы рационально мыслящие олигархи стали дружно поддерживать такую авантюру. Конечно, у транснациональной финансовой

² З. Бауман пишет, что по мере снижения суверенитета национального государства само государство все больше переходит под контроль ТНК и становится службой безопасности для них, теряет все функции, кроме репрессивных. Отсюда он делает вывод, что наблюдаемые ныне процессы экономической глобализации и политической дезинтеграции, роста сепаратизма – это не противники, не противоположные тенденции, а два взаимосвязанных проявления одного процесса. «Слабые государства – это именно то, в чем нуждается Новый Мировой Порядок...» [21, с. 98].

фракции американского капиталистического класса есть свои специфические интересы, отчасти противоположные интересам американского национального промышленного капитала и государственного класса. Но нужны серьезные дополнительные аргументы, чтобы счесть этот конфликт антагонистическим. А без этого нет достаточных резонов предполагать использование ими столь разрушительного оружия как политический радикализм и культурная революция в стране своего расположения. Ведь это, как уже было отмечено, ведет к депопуляции и снижению трудовой этики, а также другим последствиям, снижающим производительность, а, следовательно, и прибыль. Точнее говоря, по факту мы видим, что финансисты и «информационщики» поддерживают современное лево-популистское контркультурное движение, но ссылка только на специфические классовые материальные интересы выглядит по крайней мере не вполне достаточной.

В качестве возможного мотива стоит рассмотреть то, что представители американской элиты опасаются негативных последствий экологического кризиса, вызываемого перенаселением и чрезмерным потреблением. Иначе говоря, они всерьез воспринимают алармистские прогнозы Римского клуба и, презрев соображения собственной сегодняшней выгоды, альтруистически заботятся о будущем Земли. Для чего поддерживают те субкультуры, которые поощряют отказ от продолжения рода (то есть всевозможные формы феминизма и ЛГБТ). Однако мало того, что предположение об альтруизме американских олигархов выглядит анекдотичным, но также остается открытым вопрос – а остальное (антирасизм, поддержка иммиграции, требования перераспределения и введения безусловного базисного дохода) тогда зачем?

Остается предположить совершенно противоположный мотив – иррациональная мизантропия. Здесь мы подходим уже к полноценной конспирологии, что, конечно, сомнительно в научном плане, но имеет свои объяснительные преимущества. Конспирологические теории очень разнообразны и нередко уходят в совершенно антинаучное пространство. Тем не менее, некоторые умеренные версии достаточно рациональны и не должны быть отвергнуты без должного рассмотрения. Если не концентрироваться на конкретных авторских версиях конспирологии, то основные ее положения сводятся к тому, что существуют более-менее секретные и закрытые сообщества, состоящие из богатых и влиятельных людей, которые стремятся к предельному расширению своего богатства и власти, вплоть до всемирных масштабов. Еще один возможный и интересный для решения нашей задачи мотив данного сообщества – это реализация определенных идей и ценностей, объединяющих членов данного сообщества, наряду с прагматическими интересами. Можно предположить, что данное сообщество представляет собой что-то вроде религиозной секты антихристианской направленности.

В чем состоит достоинство данной версии? Версия хороша тем, что предполагает сочетание материальных интересов и специфической идейности, создающее сильный стимул к активности, групповой солидарности и достижению радикальных целей, наподобие культурной революции. Если мы предположим, что финансисты-спонсоры контркультурного движения

являются сатанистами или чем-то вроде этого, то это, на первый взгляд, дает объяснение их действиям: они ненавидят христианскую цивилизацию и стремятся ее разрушить, поощряя самые деструктивные и антитрадиционалистские силы.

С другой стороны, помимо методологических трудностей – нефальсифицируемости основных положений конспирологии – данная версия создает и другие затруднения. Несомненно, различные секты, в том числе откровенно антихристианские, существуют. Не исключено, что кто-то из американских богачей входит в их состав. Но сложно предположить, что большинство представителей богатого и влиятельного класса выступают приверженцами одной и той же экстремисткой секты. По большей части это люди прагматичные и циничные, а не высокоидейные в каком-либо плане. Да и не все лозунги и требования современного левого либерализма хорошо объясняются версией об идейном сатанизме элит. Так, возникает сомнение, что прежний американский белый расизм был более христианским по своей сути, чем современный антирасизм. В таком случае в чем смысл поддержки антирасизма с точки зрения антихристианства?

Наконец, стоит рассмотреть объективистские версии объяснения данной культурной революции. Сначала обратимся к теории модернизации. Процесс модернизации, с точки зрения Р. Коллинза [см.: 22], включает следующие четыре основных параметра: бюрократизация, секуляризация, капиталистическая индустриализация, демократизация. Впрочем, в статье «Четыре корня модернизма», он дает несколько иной перечень оснований общества модерна: бюрократизация, массовая мобилизация, капиталистические рынки, секуляризация [см.: 23]. Ш. Айзенштадт [см.: 24, с. 68] под модернизацией подразумевает серию эмпирически фиксируемых с начала XIX века изменений: индустриализация, демократизация, секуляризация, урбанизация, научно-техническая революция. Действительно, эмпирически можно обнаружить некоторые корреляции между уровнем модернизованности страны и уровнями ее секуляризации, либерализации и демократизации. Но, скорее всего, это не потому, что данные процессы являются факторами модернизации, а потому, что на все три параметра влияет один и тот же фактор – массовизация. Массовизация, в том числе массовое светское образование, необходимое для осуществления индустриализации и организации управления масштабными бюрократическими структурами, косвенным образом способствует секуляризации сознания. А эффективность массовой пропаганды принципов современных светских идеологий – либерализма, социализма и национализма (фашизма), более гармонично сочетающихся с культурой модерна, чем традиционное религиозное сознание, позволяет правящим элитам заменить Церковь в качестве института легитимации светскими институтами агитпропа. Таким образом, можно предположить, что детрадиционализация присуща процессу модернизации как таковому, а сама модернизация является объективным историческим процессом – необходимым ответом на вызовы конкурентной межгосударственной среды. И действительно, во всех странах, осуществляющих модернизацию, можно

увидеть сходные культурные процессы, включающие рост массового образования, распространение высшего образования, увеличение доли интеллигенции, вхождение женщин в трудовой рынок и т. п., что способствует женской эмансипации, повышению способности всех прочих социальных групп к мобилизации и борьбе за свои специфические интересы. Однако стоит заметить, что в середине XX века США уже были высоко модернизированной страной, но культурной революции это не вызывало. Почему же именно в последнее время начался процесс радикальной детрадиционализации? Теория модернизации убедительного ответа на этот вопрос не дает. Она может объяснить подъем классического либерализма, но не его современных мутаций.

Теперь перейдем к гипотезам, основанным на моделях цикла подъема и упадка обществ. Для цивилизационного подхода утверждение о том, что общества проходят стадии подъема, расцвета, надлома и упадка является одним из базисных положений, начиная с Н. Я. Данилевского и О. Шпенглера. У А. Тойнби [см.: 25] появляется рациональное объяснение причин этого упадка: истощение творческой энергии и волевых качеств у господствующей элиты (творческого меньшинства), снижение их способности находить ответы на вызовы для общества, вести за собой народ и морального авторитета, побуждающего народ следовать за ними. Однако в модели А. Тойнби остается открытым вопрос, почему же происходит это оскудение творческих способностей элиты? Интересную версию ответа на этот вопрос предложил Л. Гумилев [см.: 26]. По Л. Гумилеву, подъем общества связан с тем, что государствообразующий этнос получил некий пассионарный импульс – заряд энергии, который тратится на развитие данного общества, постепенно истощаясь. Для каждой стадии развития общества характерен свой уровень пассионарности и соответствующие ему ценности и идеалы. Наиболее убедительную обобщенную модель типичного жизненного цикла аграрного государства сформулировал Дж. Глабб [см.: 27]. Обычно эти государства проходят несколько последовательных стадий (по сути цикл Ибн Халдуна): от вторжения варваров через расцвет к последующей деградации и гибели. Согласно модели Глабба, непосредственной причиной падения держав прошлого обычно выступало вторжение варварских племен. Но фактором падения стоит признать не столько само иноземное нашествие, сколько неспособность данной державы оказать эффективное сопротивление. Эта неспособность проистекает из морально-психологического фактора – отказа от традиционной морали, снижения военного могущества и финансово-экономического кризиса. Причем ключевым является морально-психологический фактор, способствующий упадку общества как непосредственно, так и косвенно – через военный и экономический упадок. Предпосылкой же упадка морали выступает длительное благополучие, материальное изобилие и безопасность жизни в успешной империи. Эпоха упадка общества характеризуется тем, что устанавливается доминирование популизма в политике, и это, в частности, проявляется в расширении социальных программ («хлеба и зрелищ»!) на фоне финансового кризиса. Наблюдается социокультурное доминирование богемы и ее ценностей, когда

героями становятся певцы, актеры, спортсмены. Процветает толерантность, любовь ко всему иностранному. Происходит рост атеистических и скептических настроений, социального пессимизма, гедонизма и половой распушенности. Появляются тенденции и движения наподобие современного феминизма. В конце концов такая держава оказывается не в состоянии оказать сопротивление вторжению варваров извне.

Объяснение процессов в современных США, связанное с проведением аналогий между этими процессами и теми, что происходили в различных аграрных обществах прошлого, имеет свои достоинства и недостатки. С одной стороны, достаточно привлекательным кажется связать современные процессы общественного упадка с упадком традиционной морали, вызванной предыдущими успехами в достижении богатой, безопасной и благополучной в целом жизни. С другой стороны, не вполне очевиден механизм объективного упадка морали. Связан ли он непосредственно с усилением определенной социокультурной группы (богема), которая почему-то обретает чрезвычайное влияние, или со сходными тенденциями в области морали, характерными для всех слоев общества? Почему относительное изобилие благ и благополучие жизни (по критериям своего времени) в США XIX века не приводили к упадку традиционных ценностей, а в конце XX века привели? Наконец, возникает вопрос, насколько корректно переносить выводы, полученные при анализе аграрных обществ, на современные общества?

Итак, анализ процессов в современных США позволяет обнаружить негативные тенденции, вызванные, как представляется, не столько объективными обстоятельствами, сколько политическим выбором. Леволлиберальная культурная гегемония способствует уничтожению или по крайней мере ослаблению тех традиционных добродетелей американского национального характера, которые и сделали эту страну великой. Новые ценности, навязываемые пропагандой, ослабляют научный и промышленный потенциал, способствуют депопуляции. Помимо тех движений, которые были рассмотрены выше, можно отметить негативную роль еще ряда других, связанных с ними общей стратегией интерсекционной борьбы. Например, нынешняя «зеленая» повестка способствует не столько защите природы, сколько угнетению промышленного развития. Поощрение инокультурной иммиграции провоцирует разрастание диаспор, разрушающих единство общества. Но сильнее всего единство общества разрушает сама эта прогрессистская борьба, раскалывающая нацию на взаимно враждебные партии и сообщества.

Таким образом, негативные последствия леволиберальной политики достаточно очевидны для объективного, не ангажированного наблюдателя. Однако далеко не столь очевиден ответ на вопрос, что же способствовало такому успеху контркультурного движения. Все рассмотренные варианты ответа на этот вопрос оказываются не вполне убедительными или, точнее говоря, не вполне достаточными по отдельности. Можно предположить, что новая американская идеология порождена не исключительным действием какого-либо одного фактора, а скорее их сочетанием. Поэтому лучшее, что пока

получается сделать – это допустить частичную истинность большинства из представленных гипотез и использовать их как взаимодополнительные. Так что объяснение получается несколько эклектичным.

Общая тенденция и фундаментальный базис идеологического процесса, происходящего в Америке, заданы процессами технико-экономического прогресса и длительного улучшения материальных условий жизни, а также расслабляющим действием уверенности в непоколебимой гегемонии США после окончания холодной войны. Последнее породило чувство полной национальной безопасности. Сочетание этих обстоятельств послужило общей предпосылкой масштабного углубления процесса детрадиционализации, характерного для модернизации в целом. Эта детрадиционализация подразумевает очищение общественного сознания от влияния традиционных ценностей, распад идеологического тандема либерализма и протестантизма, когда первый освобождается от сдерживающего действия последнего.

Рост благосостояния способствовал также росту потребительского спроса на продукцию сферы развлечений, что означает опережающий рост шоу-бизнеса в структуре экономики и усиление влияния богемы как специфической социокультурной группы. Богемный этос сродственен мировоззрению антитрадиционализма, так что свое растущее влияние богема направляет на углубление детрадиционализации.

Массовую поддержку контркультурному движению обеспечило интерсекционное объединение требований различных социальных групп, ощущающих себя угнетенными. Практика социального демократического государства способствует тому, чтобы люди стремились к формированию коллективных идентичностей, дающих основания претендовать на какие-либо привилегии. Поскольку изначальная американская идеология была нацелена на поощрение экономического и демографического роста, то поощрялись те группы и ценности, которые этому способствовали; соответственно социальные категории с антиобщественным поведением прежде ограничивались, что дает им теперь повод провозглашать свою историческую угнетенность и требовать компенсации. Хотя такие группы с особыми интересами как правило представляют собой социальные меньшинства, в сумме они образуют весьма существенную часть населения. Значительная часть успеха в достижении их требований может быть приписана эффективности деятельности идеологов современного прогрессизма, которые сумели сформировать общую платформу для столь разнородных движений с отчасти конфликтующими требованиями. Этому поспособствовало формирование общего образа врага в лице традиционной культуры и белых гетеросексуальных мужчин-христиан как социокультурной группы. Многочисленность разнообразных «угнетенных» меньшинств означает наличие обширного электорального ресурса для левых популистов в политике. Попадая во власть благодаря таким избирателям эти политики начинают продвигать свою стратегию. И поскольку в своей деятельности они опираются на деструктивные социальные группы, продвигаемая ими стратегия сама является деструктивной.

Наиболее сложным представляется объяснение поддержки контркультурного движения со стороны части американской бизнес-элиты. Леволлиберальное движение, плавно перерастающее в социалистическое, все активнее требует перераспределения общественных богатств, а богачи его поддерживают финансово и медийно. Отчасти это можно объяснить тем, что некоторые представители американской олигархии сами подвержены леволлиберальной пропаганде и могут искренне принимать ее ценности. Другие могут являться представителями каких-то деструктивных антихристианских культов. Но, скорее всего, достаточно широкая поддержка левой повестки ее классовыми врагами объясняется не их специфической идейностью или хитрыми стратегическими планами, а напротив, отсутствием стратегического мышления и тактическими корыстными соображениями. Напряженность межпартийной борьбы и готовность прибегать к сотрудничеству с маргинальными группами и политическими радикалами усиливается по мере того как увеличивается доля ВВП, перераспределяемая через государственный бюджет, следовательно, возрастает ценность доступа к распределению бюджетных средств. Одна фракция американского капитала (преимущественно состоящая из глобалистски ориентированных финансистов) стремится отодвинуть от доступа к властным рычагам другую фракцию (состоящую в основном из национально ориентированных промышленников), чтобы через продвинутых во власть лоббистов обеспечить себе преимущественный доступ к сокращающейся ресурсной базе (финансовым потокам и т. п.). Это отчасти похоже на то, как российские капиталисты в начале XX века финансировали революционеров различного толка, включая большевиков, рассчитывая с их помощью добиться усиления собственных позиций.

Список литературы

1. Лукин А. В. Теория всеобщего расизма – новая версия американского культурного доминирования // Россия в глобальной политике. – 2020. – Т. 18. – № 5. – С. 119–136.
2. Talking About Race // National Museum of African American History and Culture. – URL: <https://nmaahc.si.edu/learn/talking-about-race/topics/whiteness> (дата обращения 19.07.2021).
3. Reparations // The Movement for Black Lives. – URL: <https://web.archive.org/web/20190509024316/https://policy.m4bl.org/reparations/> (дата обращения 19.07.2021).
4. Economic Justice // The Movement for Black Lives. – URL: <https://web.archive.org/web/20190502093831/https://policy.m4bl.org/economic-justice/> (дата обращения 19.07.2021).
5. Бацазова Ф. Движение Black Lives Matter выдвинуло требование «коммунистической семьи» // Московский комсомолец. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/06/30/dvizhenie-black-lives-matter-vydvinulo-trebovanie-kommunisticheskoy-semi.html> (дата обращения 19.07.2021).

6. Horowitz D. Black Lives Are a Pretext // Frontpagemag. – URL: <https://www.frontpagemag.com/fpm/2020/06/black-lives-are-pretext-david-horowitz/> (дата обращения 06.07.2021).
7. Princeton University Faculty Letter re: Anti-Blackness // Not in Our Town Princeton. – URL: <https://niotprinceton.org/2020/07/06/princeton-university-faculty-letter-re-anti-blackness/> (дата обращения 19.07.2021).
8. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов: переводы. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2000. – С. 89–139.
9. Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. – М.: Информация – XXI век, 2002. – 256 с.
10. Dworkin R. Why Bakke Has No Case // New York Review of Books, vol. 24, November 10, 1977. – URL: <https://www.nybooks.com/articles/1977/11/10/why-bakke-has-no-case/> (дата обращения 19.07.2021).
11. Сэндэл М. Справедливость. Как поступать правильно? – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 352 с.
12. Трубицын О. К. Философские истоки идеологии нового равенства // Сибирский философский журнал. – 2021. – Т. 19. – № 1. – С. 17–30.
13. Коэн А. К. Отклоняющееся поведение и контроль над ним // Американская социология. – М.: Прогресс, 1972. – С. 282–296.
14. Jones J. M. LGBT Identification Rises to 5.6% in Latest U.S. Estimate // Gallup – Analytics & Advice About Everything That Matters. – URL: <https://news.gallup.com/poll/329708/lgbt-identification-rises-latest-estimate.aspx> (дата обращения 19.07.2021).
15. Фридман М. Свобода, равенство и эгалитаризм // Фридман и Хайек о свободе: сборник статей. – Минск: Полифакт-Референдум, 1990. – С. 69–99.
16. Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. – М.: Издательство АСТ, 2004. – 444 с.
17. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Классика-XXI, 2007. – 421 с.
18. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Избранные произведения: в 3-х т. Т. 1. – М.: Политиздат, 1966. – С. 638–742.
19. Дробницкий Д. Властелинам цифровой среды нужна безраздельная власть // Взгляд. – URL: <https://vz.ru/opinions/2021/7/21/1109940.html> (дата обращения 19.07.2021).
20. Бек У. Что такое глобализация? – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
21. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004. – 188 с.
22. Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира: Альманах. Вып. 1. Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. – С. 234–278.
23. Коллинз Р. Четыре корня модернизма // Русский журнал. – URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/CHetyre-kornya-modernizma> (дата обращения: 19.07.2021).

24. Иванов Д. В. Виртуализация общества. Версия 2.0. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 224 с.
25. Тойнби А. Дж. Постигание истории: сборник. – М.: Рольф, 2001. – 640 с.
26. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Издательство АСТ, 2001. – 560 с.
27. Glubb J. The Fate of Empires and Search for Survival // University of North Carolina Wilmington. – URL: <http://people.uncw.edu/kozloffm/glubb.pdf> (дата обращения 19.07.2021).

References

1. Lukin A. V. The Theory of Universal Racism [Teoriya vseobshchego rasizma]. *Rossiya v globalnoy politike* (Russia in Global Affairs), 2020, vol. 18, no. 5, pp. 119–136.
2. *Talking About Race*. Available at: <https://nmaahc.si.edu/learn/talking-about-race/topics/whiteness> (accessed 19 July 2021).
3. *Reparations – The Movement for Black Lives*. Available at: <https://web.archive.org/web/20190509024316/https://policy.m4bl.org/reparations/> (accessed 19 July 2021).
4. *Economic Justice – The Movement for Black Lives*. Available at: <https://web.archive.org/web/20190502093831/https://policy.m4bl.org/economic-justice/> (accessed 19 July 2021).
5. Batsazova F. The Black Lives Matter Movement Has Put Forward the Demand for a “Communist Family” [Dvizhenie Black Lives Matter vydvinulo trebovanie “kommunisticheskoy semi”]. Available at: <https://www.mk.ru/politics/2020/06/30/dvizhenie-black-lives-matter-vydvinulo-trebovanie-kommunisticheskoy-semi.html> (accessed 19 July 2021).
6. Horowitz D. *Black Lives Are a Pretext*. Available at: <https://www.frontpagemag.com/fpm/2020/06/black-lives-are-pretext-david-horowitz/> (accessed 19 July 2021).
7. *Princeton University Faculty Letter re: Anti-Blackness*. Available at: <https://niotprinceton.org/2020/07/06/princeton-university-faculty-letter-re-anti-blackness/> (accessed 19 July 2021).
8. Rubin G. The Traffic in Women: Notes on the “Political Economy” of Sex [Obmen zhenschinami: zametki o “politicheskoy ekonomii” pola]. *Khrestomatiya feministskikh tekstov* (Anthology of Feminist Texts). Saint Petersburg: “Dmitriy Bulanin”, 2000, 303 p.
9. Denisova A. A. (Ed.) Dictionary of Gender Terms [Slovar gendernykh terminov]. Moscow: Informatsiya – XXI vek, 2002, 256 p.
10. Dworkin R. Why Bakke Has No Case. *New York Review of Books*, vol. 24, November 10, 1977. Available at: <https://www.nybooks.com/articles/1977/11/10/why-bakke-has-no-case/> (accessed 19 July 2021).
11. Sandel M. Justice. What’s the Right Thing to Do? [Spravedlivost. Kak postupat pravilno?]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2013, 352 p.

12. Trubitsyn O. K. Philosophical Origins of the Ideology of New Equality [Filosofskie istoki ideologii novogo ravenstva]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* (Siberian Journal of Philosophy), 2021, vol. 19, no. 1, pp. 17–30.

13. Cohen A. K. Deviance and Control [Otklonyayuscheesya povedenie i kontrol nad nim]. *Amerikanskaya sotsiologiya* (American Sociology). Moscow: Progress, 1972, pp. 282–296.

14. Jones J. M. *LGBT Identification Rises to 5.6% in Latest U.S. Estimate*. Available at: <https://news.gallup.com/poll/329708/lgbt-identification-rises-latest-estimate.aspx> (accessed 19 July 2021).

15. Friedman M. Freedom, Equality and Egalitarianism [Svoboda, ravenstvo i e`galitarizm]. *Fridman i Hayek o svobode: Sbornik statey* (Friedman and Hayek on Freedom: Collected Articles). Minsk: Polifakt Referendum, 1990, pp. 69–99.

16. Buchanan P. J. The Death of the West [*Smert Zapada*]. Moscow: Izdatelstvo AST, 2004, 444 p.

17. Florida R. The Rise of the Creative Class [*Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushee*]. Moscow: Klassika-XXI, 2007, 421 p.

18. Lenin V. I. Imperialism, the Highest Stage of Capitalism [Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma]. *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. T. 1* (Selected Works, in 3 vol. Vol. 1). Moscow: Politizdat, 1966, pp. 638–742.

19. Drobnitsky D. The Rulers of the Digital Environment Need Undivided Power [*Vlastelinam cifrovoy sredy nuzhna bezrazdelnaya vlast*]. Available at: <https://vz.ru/opinions/2021/7/21/1109940.html> (accessed 19 July 2021).

20. Beck U. What Is Globalization? [*Chto takoe globalizatsiya?*]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2001, 304 p.

21. Bauman Z. Globalization: The Human Consequences [*Globalizatsiya. Posledstviya dlya cheloveka i obschestva*]. Moscow: Ves mir, 2004, 188 p.

22. Collins R. Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse [Predskazanie v makrosotsiologii: sluchay sovetskogo kollapsa]. *Vremya mira: Almanakh. Vyp. 1. Istoricheskaya makrosotsiologiya v XX veke* (The World Time: Almanac. Issue 1. Historical Macrosociology in the XX Century). Novosibirsk: Sibirskiy khronograf, 2000, pp. 234–278.

23. Collins R. The Four Roots of Modernism [*Chetyre kornya modernizma*]. Available at: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/CHetyre-kornya-modernizma> (accessed 19 July 2021).

24. Ivanov D. V. Virtualization of Society. Version 2.0 [*Virtualizatsiya obschestva. Versiya 2.0*]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002, 224 p.

25. Toynbee A. J. A Study of History [*Postizhenie istorii*]. Moscow: Rolf, 2001, 640 p.

26. Gumilev L. Ethnogenesis and the Biosphere of Earth [*Etnogenez i biosfera Zemli*]. Moscow: Izdatelstvo AST, 2001, 560 p.

27. Glubb J. *The Fate of Empires and Search for Survival*. Available at: <http://people.uncw.edu/kozloffm/glubb.pdf> (accessed 19 July 2021).

УДК 316.42; 316.324.8

Место человека в цифровом мире: мифы и факты*

Крайнов Андрей Леонидович – Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова, кафедра социально-гуманитарных наук, доцент, кандидат философских наук, доцент, Саратов, Россия.

Email: krainoval@sgau.ru

SPIN: 1008-4432

ORCID: 0000-0002-2129-0065

Авторское резюме

Состояние вопроса: Проблема бытия человека в цифровом мире чрезвычайно актуальна. Информационные технологии прочно вошли в социальное бытие, став его неотъемлемой частью. Дальнейшее развитие процесса цифровизации требует философского осмысления, так как оно порождает социальную тревожность и социальные опасения.

Результаты: В ходе исследования было выявлено, что процесс цифровизации, особенно активизировавшийся во время пандемии коронавируса, неоднозначно воспринимается людьми. Множество возникших на этой основе социальных мифов рисуют угрозу там, где ее нет. Зарождению подобных мифов во многом способствуют конспирологи, видящие за каждой вышкой сотовой связи и объективом видеокамеры механизмы подавления человека. Реальной опасностью, сопряженной с вхождением общества в цифровой мир, является безработица.

Область применения результатов: Результаты, полученные в процессе исследования, могут быть использованы при подготовке курсов по социальной философии.

Выводы: Цифровизация и роботизация затронет новые сферы деятельности человека, поставив его перед дилеммой: стать безработным или освоить специальность в сфере информационных технологий. Пока данный вопрос не является жизненно важным, человеку необходимо задуматься о совершенствовании своих знаний, умений и навыков в этой области.

Ключевые слова: цифровое общество; цифровые технологии; цифровой мир; цифровой контроль; искусственный интеллект; пандемия коронавируса.

Human Place in the Digital World: Myths and Facts

Krainov Andrei Leonidovich – Saratov State Agrarian University named after N. I. Vavilov, Department of Humanities, associate professor, PhD (Philosophy), Saratov, Russia.

Email: krainoval@sgau.ru

* © Крайнов А. Л., 2021.

Abstract

Background: The problem of human being in the digital world is extremely relevant. Information technologies have firmly entered social life, becoming its integral part. Further development of the digitalization process requires philosophical reflection, as it generates social anxiety and social fears.

Results: The study revealed that people perceived ambiguously the digitalization process, especially intensified during a coronavirus pandemic. Many social myths that have arisen on this basis present a threat where it does not exist. Conspiracy theorists facilitate the origin of such myths. They see mechanisms for suppressing a person in every cell tower and video camera lens. Unemployment is a real danger associated with society entering the digital world.

Implications: The results obtained during the research can be used while running courses in social philosophy.

Conclusion: Digitalization and robotization will affect new areas of human activity, putting people on the horns of a dilemma: to become unemployed or acquire a qualification in the field of information technology. While this issue is not vital, people have to think about improving their knowledge and skills in this field.

Keywords: Digital society; digital technology; digital world; digital control; artificial intelligence; coronavirus pandemic.

Проблема цифровизации социального бытия чрезвычайно актуальна. Если на заре возникновения информационного общества цифровые технологии безапелляционно воспринимались как абсолютное благо, то сегодня их стремительное развитие заставляет критически относиться к данному процессу. Опасения связаны прежде всего с появлением цифрового контроля и искусственного интеллекта. Также немалую долю истерии по поводу нарастающей цифровизации привнесла пандемия коронавируса, которая послужила катализатором для интенсивного встраивания человечества в цифровой мир.

В условиях глобальной эпидемии, повсеместно сопровождающейся ношением масок, самоизоляцией, социальным дистанцированием и вакцинацией, зарождаются разнообразные мифы о месте человека в цифровом мире. К ним можно отнести следующие.

1) Миф о превращении человека в биоробота сразу после вакцинации, так как во всех вакцинах содержится оксид графена, способствующий металлизации человеческого тела со всеми вытекающими последствиями. В качестве фейков в Интернете размещаются картинки с прилипшими к телу вакцинировавшихся людей металлическими предметами.

2) Миф о чипизации человека через вакцинацию, основывающийся на убеждениях, что посредством вакцинирования наше тело будет подключено к квантовому улью и станет частичкой единой квантовой системы. Некоторые недобросовестные пользователи сети Интернет даже распространяют изображения, на которых поиск устройств Bluetooth находит вакцинированных

людей. Таким образом человечество подключат к глобальной квантовой сети и будут им управлять.

3) Миф о регулярном распылении с самолетов умной пыли, которая активируется сразу же после включения вышек связи стандарта 5G. Умная пыль или моты – мельчайшие невидимые глазу самоорганизующиеся устройства-роботы, которые можно проглотить с едой и водой. Окутав все Землю, они смогут передать информацию обо всем в некий глобальный дата-центр. Также при необходимости их можно дистанционно взорвать, следовательно, уничтожить искомый объект.

Все вышеперечисленные мифы цифровизации изрядно сдабриваются апокалиптическими представлениями, на основе чего QR-код становится числом зверя, паспорт вакцинации печатью антихриста, миллионы камер распознавания лиц – всевидящим оком...

К сожалению, данные мифы-фейки цифровизации вносят в общество деструктивные настроения, способствуют появлению эсхатологических ожиданий и социальной напряженности.

Действительно, за последние 20 лет цифровые технологии совершили грандиозный прорыв. В начале нулевых в России были в моде записываемые компакт диски, а в ходу оставались еще дискеты, старые «четверки» и пентиумы не везде были соединены локальной сетью. Сегодня разрабатываются нейронные сети с искусственным интеллектом, а на смену старой технике пришли квантовые компьютеры, оперирующие кубитами, которые в отличие от битов способны принимать значения нуля и единицы одновременно, реализуя тем самым основы квантово-полевой картины мира.

Безусловно, одним из серьезных моментов современного этапа цифровизации общества является создание искусственного интеллекта, в частности, человекообразных роботов-андроидов, обладающих его задатками. Вопрос особенно актуален не столько в плане потенциальной угрозы, исходящей от умных машин, сколько в аспекте правового взаимодействия человека и робота. Первый в мире робот-гуманоид с искусственным интеллектом София, созданная в 2015 году, в 2017 получила официальное гражданство Саудовской Аравии, следовательно, стала субъектом права [см.: 1]. По мнению Е. В. Аристова, юридический мир сегодня волнуют этико-правовые проблемы взаимоотношения человека с роботом [см.: 2, с. 60–61]. Это, в частности, проблема использования роботов в сфере здравоохранения, правовой статус роботов, ответственность за реализацию некачественной продукции в сфере робототехники, проблема нарушения роботами права человека на приватность и многие другие. Интенсивное применение роботов и робототехники в современной социальной среде способствует сужению личного пространства человека, выставляет его на всеобщее обозрение против его воли, вносит кардинальные изменения в привычный социальный уклад.

Еще в 70-е годы XX века английский фантаст Фредерик Чиландер в своем произведении «Судебный процесс» описал суд над человеком, повредившим, следовательно, убившим робота. Сам потерпевший присутствовал на процессе со сварным швом на шее и с радостью наблюдал как судьи-роботы

приговорили обвиняемого к высшей мере наказания. Сюжет данного произведения в 1985 году вошел в короткометражку «С роботами не шутят», показывавшуюся в СССР перед началом киносеансов. Квинтэссенцией рассказа является утверждение обвинительной стороны, что робот есть совершенство, уничтожить которое равносильно посягательству на прогресс нации и человечества [см.: 3].

В серии приквелов «Прометей» (2012) и «Чужой: Завет» (2017), режиссера Ридли Скотта, снятых к фильму «Чужой» (1979), робот-андроид Дэвид приходит к мысли о совершенстве андроидов по сравнению с человеком, о том, что эра человечества подошла к концу, а будущее за ним. Он возомнил себя Творцом новой жизни, создавая чудовищ, возвращённых из тел принесенных в жертву людей.

Описанные примеры, к счастью, далеки от реализации в силу низкого уровня развития цифровых технологий и робототехники на данный момент, но исключать подобный сценарий развития событий нельзя. Согласно Е. Н. Пашенцеву, искусственный интеллект сегодня злонамеренно используется в Северо-Восточной Азии для дестабилизации международных отношений путем целевого высокотехнологичного информационного воздействия на сознание граждан [см.: 4]. Основные участники конфликта – Китай, КНДР, Япония, Южная Корея и США. Все они применяют технологии на основе искусственного интеллекта в информационно-психологической войне друг с другом. К национальным программам по развитию искусственного интеллекта, используемым участниками информационных войн в данном регионе, относятся: «Сделано в Китае – 2025» (Китай), «Пятый базовый научно-технический план» (Япония), «Двигатель инновационного роста» (Южная Корея) [см.: 4, с. 183–184].

Среди вариантов злонамеренного использования искусственного интеллекта авторы статьи отмечают [см.: 4, с. 185–187]:

– использование беспилотных такси или дронов (данные технологии очень распространены в Китае) для перевозки взрывчатки;

– дистанционный перехват транспортных средств с целью устройства катастроф;

– перепрограммирование бытовых роботов на причинение вреда человеку; в Японии, например, роботы и роботы-андроиды используются практически повсеместно: есть роботы-няни, роботы-метрдотели, роботы-переводчики, роботы-уборщики и т. д.;

– использование военных роботов (в частности в Южной Корее роботы-часовые от компании Samsung обеспечивают покой на границе с КНДР) для провокаций и развязывания международных конфликтов;

– создание *deepfakes* – метод синтеза человеческого изображения и голоса; на основе данного метода нейросеть способна любому человеку создать речь, которая будет произнесена сто процентным его голосом; данный метод особенно опасен, так как голос – это то, чему пока доверяют большинство людей, не видя собеседника; с помощью данной технологии мошенники могут

особенно эффективно влиять на сознание человека и заставлять его совершать определенные действия;

– создание Fake People – технология создания псевдо-людей, являющаяся частью deepfakes; нейросети способны создавать несуществующих людей, несуществующие сцены из жизни, делать стопроцентное сходство псевдо-людей с известными политиками или артистами, выдавая их за родственников последних; более того, обучаемые нейросети способны создавать различные видеоролики, аудиоролики и просто изображения, где знакомые люди будут представлены в несуществующих условиях, будут говорить то, что они никогда не говорили и делать то, чего никогда не делали.

Технологии deepfakes представляют собой воплощение искусственного интеллекта сегодня и по праву считаются несущими в себе большую угрозу для человечества. Для использования этих технологий не нужно быть суперагентом или состоять в интернациональной IT-корпорации. Любой опытный пользователь компьютера и сети Интернет способен создать fake, некоторые способны наделить его ареалом правдоподобности и привлечь к нему целевую аудиторию. Таким образом, большая или глубинная (deep – глубокий, глубинный) ложь становится сегодня одним из синонимов искусственного интеллекта.

А. И. Фалько выделяет в качестве рисков применения технологий искусственного интеллекта его проникновение во все аспекты жизнедеятельности человека и угрозу национальной кибербезопасности [см.: 5, с. 281]. Действительно, понятия личного пространства и личной свободы в эпоху цифрового контроля становятся абсурдными. Каждое действие человека не только в сети, но и в обычной жизни подслушивается и подсматривается миллионами гаджетов вокруг него. Примером этого выступает контекстная реклама, появляющаяся на смартфоне сразу же после того, как человек обсуждал что-то с друзьями и знакомыми в офлайн режиме. Рекламуемый товар или услуга всегда будет связан с темой дискуссии, что подчеркивает незримое присутствие искусственного интеллекта в повседневной жизни человека.

Тем не менее главной угрозой, которая исходит от искусственного интеллекта, является сокращение рабочих мест, то есть безработица. Автоматизация и цифровизация производства способствует замене людей роботами практически во всех сферах жизнедеятельности человека. Причина данного тренда чисто экономическая. Роботу не надо платить зарплату, он не уйдет в декрет, не заболеет, может работать 24/7 без усталости. А. Д. Иоселиани указывает, что в условиях цифровизации потребность общества в неквалифицированном труде уменьшится, в связи с чем увеличится количество безработных [см.: 6, с. 118].

Согласно докладу МВФ “Should We Fear the Robot Revolution? (The Correct Answer Is Yes)” (Должны ли мы бояться восстания роботов? Правильный ответ – да), роботизация может привести к снижению зарплат и увеличению рынка безработицы [см.: 7]. Чем сильнее роботизация будет способствовать увеличению ВВП, тем больше будет расти безработица.

Внедрение искусственного интеллекта в различные отрасли экономики приведет к потере работы не только низкоквалифицированным персоналом, но и так называемыми синими воротничками. Безусловно, новая элита – представители IT-профессий не пострадают, хотя в перспективе искусственный интеллект сможет заменить часть из них, занятую на рутинных операциях.

На сегодняшний день проблема безработицы в мировом масштабе является самой главной проблемой цифровизации общества, которую лучшие экономические умы планеты не смогли решить. Эксперимент по введению безусловного базового дохода для безработных с целью их стимуляции к поиску работы и переквалификации, имевший мест в Финляндии в 2017–2018 годах, с треском провалился, полностью показав свою несостоятельность. Безработные безвозмездно получали по 500 евро, не облагаемых налогом, но при этом ни один из них не предпринял попытки пойти работать или изменить свой образ жизни. Таким образом, проблема осталась открытой.

Подводя итоги размышлениям о месте человека в цифровом мире, хочется обозначить такие два немаловажных фактора, влияющих на цифровизацию, как техническая отсталость регионов и недоверие граждан. На российском примере можно показать, как смещаются вехи цифровизации. В 2015 году универсальная электронная карта (УЭК), анонсированная тремя годами ранее, так и не стала полной заменой всем бумажным документам, данный проект просто не реализовался. Было выпущено всего 700 тысяч карт, и в 2017 году проект закрылся как убыточный. Сроки введения электронного паспорта гражданина России отложились с 2022 на 2023 год. При этом получение документа стало добровольным. Цифровые трудовые книжки также не пользуются большой любовью россиян. Люди старшего возраста и те, у кого накопился приличный трудовой стаж, предпочитают пользоваться бумажными трудовыми книжками, не доверяя цифровизации.

Исходя из данных примеров, можно заключить, что процесс цифровизации будет носить фрагментарный характер – как в России, так и во всем мире. Крупные мегаполисы и города миллионники будут первыми вовлечены в него. Регионы и провинция ощутят блага цифрового мира не скоро и фрагментарно. Мифы цифровизации также будут тормозить развитие данного процесса, рисуя в сознании человека апокалиптические картины цифрового концлагеря. Подобно движению луддитов в XIX веке в Англии, сегодня по всему миру стихийно вспыхивают движения сторонников погрома вышек связи стандарта 5G [см.: 8]. Несомненно, что цифровой мир будет развиваться наряду с ростом безработицы. Это развитие не будет столь стремительным и ужасным, как оно представлено в современном цифровом мифотворчестве, подогретым событиями пандемии. Но проблема комфортного пребывания в этом мире зависит только от отдельно взятого человека и связана, прежде всего, с его знаниями, умениями и навыками в сфере информационных цифровых технологий.

Список литературы

1. Правда ли, что у робота-гражданика больше прав, чем у саудиток? // BBC News Русская служба. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41778669> (дата обращения: 26.07.2021).
2. Аристов Е. В., Кузнецова О. А. К вопросу о формировании и развитии права роботов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 8(99). – С. 58–62.
3. Чиландер Ф. Судебный процесс // Цвет надежд – зеленый: сборник научно-фантастических произведений. – М.: Мир, 1982. – С. 404–412.
4. Пашенцев Е. Н., Фан К. Н. А., Дам В. Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта в Северо-Восточной Азии и угрозы международной информационно-психологической безопасности // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 80. – С. 175–196. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10069
5. Фалько А. И. Угрозы и возможности применения технологий искусственного интеллекта в условиях цифровой трансформации экономики // Экономика. Общество. Человек. Материалы национальной научно-практической конференции с международным участием. – Белгород: БГТУ им. В. Г. Шухова, 2020. – С. 277–283.
6. Иоселиани А. Д. Особенности повседневной жизни человека в цифровом мире // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – № 4. – С. 115–119. DOI: 10.30853/manuscript.2020.4.23
7. Berg A., Buffie E. F., Zanna L.-F. Should We Fear the Robot Revolution? (The Correct Answer Is Yes) // Journal of Monetary Economics. – 2018. – Vol. 97. – Pp. 117–148. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2018.05.014
8. «Хотят истребить нас»: как связаны 5G и коронавирус // Газета.Ru. – URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/04/06/13037767/5g_corona.shtml (дата обращения: 26.07.2021).

References

1. Is It True That the Civilian Robot Has More Rights Than the Saudis? [*Pravda li, chto u robota-grazhdanki bolshe prav, chem u sauditok?*]. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-41778669> (accessed: 26 July 2021).
2. Aristov E. V., Kuznetsova O. A. On the Formation and Development of the Law of Robots [K voprosu o formirovanii i razvitii prava robotov] *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie* (Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Administration), 2018, no. 8(99), pp. 58–62.
3. Kilander F. Trial [Sudebnyy protsess]. *Tsvet nadezhd – zelenyy: sbornik nauchno-fantasticheskikh proizvedeniy* (The Color of Hope Is Green: Collected Science Fiction Works). Moscow: Mir, 1982, pp. 404–412.
4. Pashentsev E. N., Phan C. N. A., Dam V. N. Malicious Use of Artificial Intelligence in North-East Asia and Threats of International Psychological Security [Zlonamerennoe ispolzovanie iskusstvennogo intellekta v Severo-Vostochnoy Azii i ugrozy mezhdunarodnoy informatsionno-psikhologicheskoy bezopastnosti].

Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik (Public Administration. E-Journal), 2020, no. 80. pp. 175–196. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10069

5. Falko A. I. Threats and Opportunities for Using Artificial Intelligence Technologies in the Context of Digital Transformation of the Economy [Ugrozy i vozmozhnosti primeneniya tekhnologiy iskusstvennogo intellekta v usloviyakh tsifrovoy transformatsii ekonomiki]. *Ekonomika. Obschestvo. Chelovek. Materialy natsionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (Economy. Society. Man. Materials of the National Scientific-Practical Conference with International Participation), Belgorod: BGTU im. V. G. Shukhova, 2020, pp. 277–283.

6. Ioseliani A. D. Specificity of Human Everyday Life in the Digital World [Osobennosti povsednevnoy zhizni cheloveka v tsifrovom mire]. *Manuscript* (Manuscript), 2020, vol. 13, no. 4, pp. 115–119. DOI: 10.30853/manuscript.2020.4.23

7. Berg A., Buffie E. F., Zanna L.-F. Should We Fear the Robot Revolution? (The Correct Answer Is Yes). *Journal of Monetary Economics*, 2018, vol. 97, pp. 117–148. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2018.05.014

8. “They Want to Exterminate Us”: How 5G and Coronavirus Are Connected [“Khotyat istrebit nas”: kak svyazany 5G i koronavirus]. Available at: https://www.gazeta.ru/tech/2020/04/06/13037767/5g_corona.shtml (accessed: 26 July 2021).

УДК 141.21; 159.964.2

Философская концепция трагического оптимизма В. Франкла в его методике осознанного преодоления страдания*

Андреева Юлия Владимировна – Башкирский институт социальных технологий (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», кафедра политологии, истории и гражданского права, доцент, кандидат педагогических наук, Уфа, Россия.

Email: andreeva_u_v@insto.ru
SPIN: 3581-7400

Авторское резюме

Цель исследования: В философии экзистенциального анализа широко известна позитивная психотерапия Виктора Франкла, названная им логотерапией (лечение смыслом). Данная статья имеет целью проследить эволюцию взглядов В. Франкла на страдание, которое в случае его позитивного переосмысления способно раскрыть перед человеком смыслы и знания, а также способы его преодоления. Трагический оптимизм в рамках данной теории – это способность человека самостоятельно, своими силами преодолеть страдания путем выявления собственных ресурсов и обнаружения жизненных возможностей и смыслов как перспектив личностного развития. Такой оптимизм парадоксален.

Результаты: Принципиальное отличие венской школы В. Франкла от психоанализа З. Фрейда состоит в том, что первый предлагал изучить высоты личности, а не ее глубины. До Франкла психологи стремились помочь человеку в его трудностях, исследуя глубины подсознания, а В. Франкл настоял на раскрытии потенциала человека и исследовании его духовно-личностных высот. За основу логотерапии был взят курс на изучение достоинств и сильных сторон личности, а не на анализ комплексов или низменных страстей. В центре позитивной психотерапии В. Франкла был человек такой, каким он мог бы стать. В своей знаменитой речи 1972 года Виктор Франкл приводил пример того, что о человеке следовало бы думать чуть лучше, тогда он проявит себя тем, кем может стать. Поэтому не следует лишать человека его значения, а его действия – смысла. Вот эта способность человека быть лучше (от лат. «optimum» – наилучший) и составляет основу эвристического (осознанного) оптимизма В. Франкла. В позитивных оценках негативных реалий жизни Виктором Франклом формируются методика преодоления жизненных трудностей; основы воспитания осознанного оптимизма; основы формирования сильной личности, способной путем опоры на добродетели, на свои ценности и нравственные ориентиры преодолеть трудности на пути к успеху.

Выводы: Осознанный оптимизм выступает в концепции В. Франкла как духовная стойкость, как нравственная свобода и способность обрести позитивный смысл в страдании, точнее в его преодолении путем возможностей

* © Андреева Ю. В., 2021.

разума. Такой разумный оптимизм строится на осознанном отношении к трудностям и на системе психотехник.

Ключевые слова: оптимизм; философия; ноэтический (осознанный) оптимизм; трагический оптимизм; разум; ответственность; совесть; логотерапия В. Франкла.

V. Frankl's Philosophical Concept of Tragic Optimism (the Method of Conscious Overcoming of Suffering)

Andreeva Yulia Vladimirovna – Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the OUP VO “Academy of Labor and Social Relations”, Department of Political Science, History and Civil Law, Associate Professor, PhD (Pedagogy), Ufa, Russia.

Email: andreeva_u_v@insto.ru

Abstract

Purpose of the research: In the philosophy of existential analysis, Viktor Frankl's positive psychotherapy, which he called logotherapy (meaning treatment), is widely known. The article aim is to trace the evolution of V. Frankl's views on suffering, which, if positively reconsidered, can reveal to an individual the meanings and knowledge, as well as ways to overcome it. Tragic optimism within the framework of this theory is the ability of an individual to overcome suffering on their own by identifying their own resources and discovering life opportunities and meanings as prospects for personal development. Such optimism is paradoxical.

Results: The fundamental difference between the Viennese school of V. Frankl and psychoanalysis of Z. Freud is that the former proposed to study the heights of the personality, not its depth. Prior to Frankl, psychologists sought to help a person in their difficulties by exploring the depths of the subconscious, and V. Frankl insisted on revealing an individual's potential and exploring their spiritual and personal heights. Logotherapy was based on the study of the merits and strengths of the individual, and not on the analysis of complexes or base passions. At the center of V. Frankl's positive psychotherapy was the person that they could be. In his famous speech in 1972, Viktor Frankl gave an example that one should think of a person a little better, and then they would prove themselves as individuals they could be. Therefore, one should not deprive of meaning people and their actions. It is this human ability to be better (from the Latin “optimum” – the best) that constitutes the basis of V. Frankl's heuristic (conscious) optimism. In the positive assessments of the negative realities of life, Viktor Frankl forms a methodology for overcoming life's difficulties; the basics of conscious optimism training; the basis for the formation of a strong personality, capable of overcoming difficulties on the way to success by relying on virtues, on their values and moral guidelines.

Conclusion: Conscious optimism appears in V. Frankl's concept as spiritual fortitude, as moral freedom and the ability to find a positive meaning in suffering, more precisely, in overcoming it through the possibilities of reason. Such reasonable

optimism is based on a conscious attitude to difficulties and the system of psychotechnology.

Keywords: optimism; philosophy; noetic (conscious) optimism; tragic optimism; intelligence; responsibility; conscience; V. Frankl's logotherapy.

Если дела плохи, то они могут, кстати, стать ещё хуже, если мы не будем делать всё то, что в наших силах, чтобы улучшить их.
(Виктор Франкл)

Любовь к себе – это отправная точка развития человека, которому хватает мужества взять на себя ответственность за свое существование
(В. Франкл)

Начиная с марта 2020 года пандемия коронавируса стала одной из самых актуальных проблем человечества. Рост заболеваемости коронавирусной инфекцией привел к ряду сложностей в укладе общественной жизни: сокращению социальных контактов, социальной дистанции и растущей вместе с тем психологической напряженности. Научное сообщество оказалось перед необходимостью поиска новых исследовательских направлений и психотерапевтических практик, способных вернуть человечеству смысл жизни и найти способы преодоления трудностей.

События последнего времени показали зыбкость культурных и нравственных ценностей, а также самого существования человечества. Обращаясь к опыту прошлого можно заметить, что человечество переживало схожие ситуации не один раз. Поиском смысла жизни и ответов на похожие вопросы интересовался в свое время известный австрийский доктор медицины, психолог, невролог, психотерапевт, который прошел несколько концлагерей – Виктор Эмиль Франкл. Парадоксально, но факт: по мнению В. Франкла, в самых трудных обстоятельствах жизни выживают не самые сильные и физически здоровые, а те, кто не утратил веры в себя и смысл жизни.

Основные положения своей теории Виктор Франкл сформулировал еще в 1930-х годах, когда общеполитическая ситуация в Вене характеризовалась сменой монархии республикой, поражением Австрии и Германии в Первой мировой войне и Великой депрессией.

Методологическую основу для своей теории он нашел в психоаналитических школах З. Фрейда и А. Адлера, но разошелся с ними в вопросе нивелирования человека до существа, руководимого низменными инстинктами – от получения удовольствия до стремления к власти. В. Франкл духовно и личностно вырос из этих концепций и естественнонаучных представлений о человеке, считая, что человеческое существование начинается там, где главенствует возможность выбора, свобода и ответственность, духовность и вера в лучшее.

В антропологии Виктора Франкла человек в любой ситуации и в любом состоянии стремится к смыслу, к обоснованию своего существования. В модели

В. Франкла человек выступает целостно в трех измерениях: телесном, психическом (в горизонтальной плоскости) и ноэтическом (в вертикальной плоскости).

Ноэтическое (от греч. «ноос» – разум) – термин, введенный Франклом, который объединяет в себе все три измерения и синтезирует их в единое целое. Вот это последнее можно было бы трактовать как «духовное», но Франкл не приводит его, во избежание трактовки проблемы в теологическом, религиозном аспекте. Автор отмечает, что понятие «духовный» обычно носит в английском языке религиозную окраску, но он предпочитает говорить о ноэтических, в противоположность психическим, феноменах, а также о ноэтическом, в противоположность психическому, измерении [см.: 1, с. 77]. И далее: «То, что мы понимаем как ноэтическое измерение, является антропологическим, а не теологическим» [см.: там же, с. 229].

Итак, в своем физическом измерении человек стремится к здоровью и регулирует это стремление потребностями в еде, отдыхе и сне. В своем психическом измерении он пытается избегать напряжения и стремится к гомеостазу, здесь ему нужны удовольствия и ощущения своей витальной силы, эти стремления выражаются в аффектах, эмоциях, настроениях, которые не регулируются свободной волей человека. Но если человек не будет испытывать хотя бы малого психологического напряжения, то он не будет духовно мотивирован, он просто будет поживать на лаврах. В этом смысле страдание, наряду с радостью, не только делает жизнь человека полной и полноценной; не только побуждает его к позитивному действию, направленному на преодоление страдания, но и учит человека справляться с ним, вырабатывать свои пути и методы самосовершенствования и полноценного функционирования.

В ноэтическом измерении человек переживает ощущение своей духовной мощи и черпает из нее источник своей мотивации. Ноэтическое измерение – это та внутренняя сила Человека, которая выгодно отличает его от животных и позволяет ему дистанцироваться от переживаний и трудностей, взглянув на себя как бы со стороны. Самому В. Франклу, пережившему четыре концлагеря, такая способность к дистанцированию не раз спасала жизнь.

Благодаря качествам ноэтического измерения (интуиции, вдохновению, совести, юмору, любви, кодексу чести, творчеству, свободе выбора и ответственности) человеку открывается возможность управлять собой и своей жизнью, преодолевать трудности и достигать успеха. Ноэтическое измерение находится в динамике и содержит личностные ресурсы для личностного роста и преодоления кризисов, оно создает необходимое напряжение между тем, что достигнуто и тем, что еще предстоит осуществить; напряжение, направленное на осуществление смысла, напряжение, направленное к чему-то вперед и выше, расположенному вовне, отличному от того, что есть в человеке. Такая экзистенциальная трансценденция открывается человеку не в психологическом равновесии и душевном комфорте, а в борьбе.

Все три измерения взаимосвязаны (то есть человека нельзя рассматривать по частям): физические лишения, голод и болезни могут захватить человека настолько, что остальные проблемы покажутся ему несущественными. Это, в

свою очередь, может послужить источником нравственного конфликта, который проявляет себя во всех измерениях: на физическом уровне – в напряжении мышц, в психическом плане – в неудовольствии, которое может дорасти до депрессии; а на ноэтическом уровне – до отчаяния.

Главный смысл позитивной психотерапии В. Франкла – *в умении человека находить баланс между своими расходящимися устремлениями*. Сам Франкл так выразил эту мысль: «Человек свободен подняться выше плоскости телесных и психических условий своего существования. Тем самым он открывает новое измерение. Человек вступает в сферу ноэтического, в противостояние телесным и психическим феноменам. Он становится способным занимать позицию не только по отношению к миру, но и по отношению к самому себе» [1, с. 11]. И еще: «Не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней». Человек всегда обладает внутренней свободой и у него есть ценность отношения к событиям.

Это умение человека дистанцироваться от своего психофизического «Я» выражается в его умении посвятить себя чему-то большему, чем он есть сам, в способности выйти за пределы своего «Я» ради чего-то большего, другими словами – найти высший смысл. Ноэтическое измерение человека характеризуется такими понятиями, как совесть, смысл, свобода и ответственность. В целом ноэтическое измерение – это антропологическое измерение, в котором совесть служит «духовным оком» и основой психологической зоркости, позволяющей человеку, при ее должном развитии, избрать верные пути собственной жизни, соизмеримые с разумом.

Такое умение обеспечивает человеку особую внутреннюю позицию, которая проявляется в ситуациях неизбежного страдания и защищает его достоинство от неотвратимых ударов судьбы. Здесь все качества субъекта и свободы воли проявляют себя в полную силу и не позволяют личности сломиться под ударами судьбы, погрязнуть в негативных переживаниях и перестать действовать, чтобы начать жить. Проживание своего ноэтического измерения составляет полноту духовного бытия человека, его трансцендентную экзистенцию.

Условно психическое измерение выражается в том, что человек имеет (как проявляет свое внешнее «Я»); а ноэтическое (греч. «ноос» – разум) – то, кем он является (как проявляет свое внутреннее, подлинное «Я»). И если в психическом измерении кто-то или что-то управляет человеком, человек стремится к материальным ценностям, к тому, что имеет: власти, статусу, социальному престижу; то в ноэтическом измерении своей жизнью человек управляет сам и стремится к поиску смысла.

Пространством для поиска смысла является внутренняя базовая свобода человека, благодаря которой он может ответственно и самостоятельно принимать решения за себя и свою жизнь, пусть даже с некоторым риском ошибиться.

Эвристический оптимизм В. Франкла состоит в его представлении том, что человек в ноэтическом измерении сам (а не его инстинкты и реакции, обстоятельства и трудности) определяет свою судьбу: то, как он живет, то, что

чувствует, каким будет он сам, каким будет его жизненный путь. Эвристический оптимизм коротко можно выразить в принципе Виктора Франкла: «Не можешь изменить ситуацию, измени отношение к ней». Человеческие возможности не ограничены. Человеческие трудности, детские комплексы не имеют значения, если человек знает свой ресурс, а минусы не мешают реализовывать потенциал и оставаться в плюсе. Таким образом, осознанный оптимизм связан с внутренней свободой, свободой воли, а в некоторых случаях он сам является ею. «У человека можно отнять все, кроме одного – его последней свободы: выбрать свое отношение к любым данным обстоятельствам, выбрать свой собственный путь» [3, с. 18].

Самой знаменитой практикой психологического консультирования и психотерапии Виктора Франкла является логотерапия – лечение смыслом – конкретная процедура поиска и обретения смысла своего существования, которая позволяет человеку «выдержать любое как». Сам Виктор Франкл писал: «Человеческое бытие, как я снова и снова подчеркиваю, в своей глубинной основе есть бытие ответственное. Это означает нечто большее, чем просто свободное бытие: в ответственности содержится еще и “зачем” человеческой свободы – то, ради чего человек свободен, за что или против чего он принимает решение» [2, с. 14–15].

Логотерапия – способ, который позволяет обнаружить те плюсы, личностные ресурсы, жизненные возможности и смыслы, которые при любых обстоятельствах позволяют человеку преодолевать трудности. При этом чтобы найти плюсы, В. Франкл предложил изучать высоты личности, а не ее глубины. И в этом принципиальное отличие венской школы В. Франкла от психоанализа З. Фрейда. До Франкла психологи стремились помочь человеку в его трудностях, исследуя глубины подсознания, а В. Франкл настоял на раскрытии потенциала человека и исследовании его духовно-личностных высот. И если З. Фрейд был ориентирован на изучение инстинктов и считал, что «человек не хозяин в собственном доме», им управляют инстинкты, то В. Франкл знал, что человек как «Я», как разумное существо ориентирован на ценности и способен сам управлять своей жизнью с помощью высокой ответственности и осознанности. За основу логотерапии был взят курс на изучение достоинств и сильных сторон личности, а не на анализ комплексов или низменных страстей. В центре – человек такой, каким он мог бы стать. В своей знаменитой речи 1972 года Виктор Франкл приводит пример того, как, если бы Вы хотели попасть в цель, то стремились бы чуть выше, так и о человеке следовало бы думать чуть лучше, тогда он проявит себя тем, кем может стать. Оставляя его самим собой, мы делаем человека только хуже. Поэтому не следует лишать человека его значения, а его действия – смысла.

Вот эта способность человека быть лучше (от лат. «optimum» – наилучший) и составляет основу эвристического оптимизма. Такая мотивация всегда несет в себе смыслы и работает на развитие и личностный рост.

Поскольку часть жизненного опыта Виктора Франкла была приобретена в борьбе и преодолении и построена на его способности выжить, то мы имеем основания утверждать следующее.

Во-первых, оптимизм В. Франкла можно назвать трагическим. Он использовал веру в высший смысл, визуализацию лучшего в самых сложных обстоятельствах жизни, интуицию как внутренний голос разума или совести. Трагический оптимизм В. Франкла выступает с позиции наименьшего зла: парадоксальной экзистенциальной веры в то, что даже на пороге смерти найдется спасительный выход.

Во-вторых, оптимизм В. Франкла можно назвать ноэтическим (нус – от греч. «разум»): именно разум дан человеку в утешение, во спасение. Позитивное мышление (точнее – позитивный анализ) помогает человеку в самых трудных обстоятельствах жизни.

В позитивных оценках негативных реалий жизни Виктором Франклом мы усматриваем методику преодоления жизненных трудностей, основы воспитания осознанного оптимизма, основы формирования сильной личности, способной путем опоры на добродетели, на свои ценности и нравственные ориентиры, преодолеть трудности на пути к успеху.

Активизация способностей к самодистанцированию и переживанию своего ноэтического измерения с целью продвижения от избавления от неврозов к обретению жизненных смыслов происходит посредством применения нескольких психотерапевтических техник. *Техника парадоксальной интенции* (парадоксального намерения) – дабы преодолеть страх, пациенту предлагают совершить действие, которое вызывает страх. Например, тому, кто боится заикаться, предлагают заикаться намеренно. Постепенно человек убеждается в безосновательности своих страхов. Техника построена на том, что в неврозе человек запрещает себе испытывать негативные эмоции, подавляет их, и это приводит к еще большим неврозам. Здесь, в логотерапии, разрешается испытывать переживания «по полной». *Техника деревфлексии* (противостояние бессмысленной рефлексии, бесцельному самокопанию) мотивирует человека к самоотдаче и переключению внимания от себя и собственных трудностей на другого человека и на то, что он сам может воплотить в окружающем его мире. Применение данных практик, конечно, ограничено конкретными показаниями.

В. Франкл является автором термина «*медицинское пастырство*» – это тоже прием воспитания смыслом, выраженный в помощи людям по обретению смысла при соматических неврозах. С точки зрения В. Франкла, смысл есть даже в страдании. Более того, у человека есть даже некая здоровая потребность в страдании, которое приносит ему очищающий смысл и делает его жизнь полноценной. Тогда как бегство от страданий и выдавливание из сознания негативных переживаний приводит к неврозу и к новому страданию. Существенная часть логотерапии состоит не в устранении страдания, а в установлении определенного смысла страдания, которое либо надо философски принять, либо наметить строгую линию и стратегию выхода из страданий.

Учитывая возможности психодрамы в спонтанном раскрытии возможностей человека, Франкл преобразовал ее в *логодраму*, задачей которой являлся поиск и выявление положительных жизненных смыслов посредством ролевой игры, тогда как психодрама была направлена на выявление подавленных отрицательных эмоций.

Анализ сновидений, который З. Фрейд использовал для выявления скрытых причин неврозов, Франкл использовал для выявления скрытых *позитивных* смыслов.

Мотивация и поиск смысла реализуются человеком благодаря его решению действовать. Существенные новшества в психотерапевтическую практику В. Франкл привнес благодаря своим представлениям о человеке, способном отделять себя от своих переживаний, и, если нужно, от горестных событий своей жизни. Благодаря отделению человека от мира сохраняется напряжение между тем, что уже достигнуто, и тем, чего еще требуется достичь. Постепенно в своем ноэтическом движении человек обретает себя и жизненные смыслы.

В своей книге: «Сказать жизни “Да!”: психолог в концлагере» В. Франкл писал, что любовь по своей силе равна смерти, но она дарует спасение. Сосредотачиваясь на образе любимой, на образах, которые человек может встретить в природе (красота заката), радуясь жизни, он практикует позитивное мышление, которое как личностный ресурс выводит человека из смертельно опасных ситуаций, позволяя телу быть не напряженным, а разуму – готовым к борьбе и преодолению.

В другой книге: «Я убежден в том, что человек может развивать свою личность; его личность будет совершенствоваться по мере того, как он будет верить себе чему-то, что выше него, делу, более великому, чем он сам» [1, с. 5].

Выводы В. Франкла.

1) Жизнь имеет смысл во всех своих проявлениях: страдать со смыслом тоже нужно уметь. Отчаяние равносильно страданию, лишенному всякого смысла. Возможность увидеть смысл бережет человека от отчаяния.

2) У человека всегда есть возможность выбора: он может сохранять свое достоинство в самых сложных обстоятельствах жизни и действовать вопреки обстоятельствам, преодолевать неудачи и трудности, самому выбирать свой жизненный путь. Неудачи превращаются в достижения, если они преодолены. Смысл не в самом страдании, а в его преодолении.

В своей книге «Человек в поисках смысла» В. Франкл писал о том, что «человек может сохранить остатки духовной свободы и независимости мышления даже в условиях крайнего психического и физического напряжения». «Человек обладает достаточной силой воли и свободой выбора, чтобы соткать из тонких нитей своей изломанной жизни прочную картину смысла и ответственности» [5, с. 62].

Воспринимая человека как целостную и цельную личность, В. Франкл демонстрировал веру в него, что, собственно, и является проявлением ноэтического оптимизма. Анализируя его работы, мы можем выделить несколько принципов, которые способны воспитать оптимиста.

1) Возможно, следует допустить, что страдание необходимо человеку, поскольку несет в себе функцию катарсиса, очищения, переосмысления и наполняет жизнь смыслом, делая ее более полной. Принцип сочетания любви и требовательности к себе.

2) Человек развивает себя сам, становится лучшей версией себя, если задумывается над тем, кем бы он хотел стать и кто он, чтобы быть собой. Принцип И. Фихте: Сделай себя сам!

3) Смысл жизни – та причина, которая заставляет человека двигаться, совершенствоваться, становится лучше, то, ради чего он готов жить. Если человек не в силах изменить ситуацию, он может изменить отношение к ней. Главное – перестать постоянно чего-то хотеть от жизни и задуматься над тем, чего жизнь хочет от нас: чего она требует, какие посылает испытания; что можно сделать, чтобы изменить жизнь и действовать в соответствии с ответом и в связи с тем, что имеет смысл. Принцип И. Канта: «Имей мужество пользоваться собственным умом!».

4) Трудности реально существуют в жизни и их нужно признавать. Есть такой термин – «токсичная позитивность», он выражает нежелание признавать неудачи и делать вид, что все прекрасно; в отрицании негативных эмоций и в запрете их выражать: «Не плачь, не переживай!». Принцип «Будь самим собой!».

5) Каждый нужен и незаменим – осознавая это, человек берет ответственность за себя и свою жизнь на себя: он понимает, что не должен бесконечно страдать, но может найти смысл даже в страданиях. Никто не может страдать вместо нас и занять наше место. Вариантом изменения ситуации может стать изменение отношения к ней. Принцип самооценности личности.

Практическое и теоретическое значение теории Виктора Франкла для философии и психотерапии связано не только с разработкой новых психотехник, но и с обоснованием новой методологии в психотерапии. Вывод Франкла о том, что ценностная дезориентация человека способна приводить его к физическому недугу, а наличие цели в жизни позволяет его преодолеть, является ценным методологическим посылом в изучении проблемы оптимизма.

Логотерапия обогащает философию и традиционную психотерапию пониманием и учетом нозтического: всего Человеческого в человеке, его основополагающей сущности и умения справляться с трудностями, преодолевая их и обретая смыслы. Как говорил сам Виктор Франкл, только так «человек может сохранить остатки духовной свободы». Перефразируя слова Ф. Ницше о том, что нас не убило, сделало нас сильнее, В. Франкл искал и показывал способы сделать человека увереннее и сильнее, достойнее своих страданий, рассказывая людям о многих возможностях найти в жизни смысл. В. Франкл считал, что пока человек не умер, у него есть все основания для надежды. И эта оптимистическая уверенность как личностный ресурс до сих пор и сейчас позволяет человеку не только жить дальше, но и самостоятельно, ответственно вести свою жизнь к новым свершениям.

Концепция трагического оптимизма В. Франкла зиждется на его убежденности в способности человека найти возможность в череде тяжелейших обстоятельств воспринять их не как непреодолимую трудность, а как череду вызовов и вопросов, на которые надо отвечать, находя смысл всякий раз и воспринимая их как своё маленькое будущее. Каждая трудность

воспринималась им как испытание на прочность. Виктор Франкл пользовался древнегреческим принципом: «Если не я, то кто, если не сейчас, то когда»? Этот принцип учил человека ценить своё время протяженностью в жизнь, и помнить, что человек не вечен, а конечен; этот принцип учил признавать ценность каждой личности и ценить возможность усилий по достижению успеха в жизни и преодолению трудностей на пути к нему.

Концепция трагического оптимизма В. Франкла возникла из утверждения поиска смысла как главной мотивации человеческой жизни. В. Франкл учил находить смысл. И понял, что эта способность и умение человека находить смысл излечивает его от болезней, страданий и даже спасает или смягчает риск самой смерти. Таким образом, трагический оптимизм В. Франкла – это его вера в способность человека переосмыслить своё страдание. Такая способность излечивает человека.

Литература

1. Франкл В. Воля к смыслу. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 228 с.
2. Франкл В. Психотерапия и экзистенциализм. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. – 192 с.
3. Франкл В. Сказать жизни «Да!»: психолог в концлагере. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2009. – 140 с.
4. Франкл В. Э. Основы логотерапии: психотерапия и религия. – СПб.: Речь, 2000. – 285 с.
5. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

Referenses

1. Frankl V. The Will to Meaning [*Volya k smyslu*]. Moscow: Alpina Publisher, 2019, 228 p.
2. Frankl V. Psychotherapy and Existentialism. [*Psikhoterapiya i ekzistentsializm*]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2015, 192 p.
3. Frankl V. Yes to Life: In Spite of Everything. [*Skasat zhizni "Da!"*]: *psikholog v kontslagere*]. Moscow: Alpina Non-fiction, 2009, 140 p.
4. Frankl V. Fundamentals of Logotherapy: Psychotherapy and Religion [*Osnovy logoterapii: psikhoterapiya i religiya*]. Saint Petersburg: Rech, 2000, 285 p.
5. Frankl V. Man's Search for Meaning. [*Chelovek v poiskakh smysla*]. Moscow: Progress, 1990, 368 p.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 304.4

Социокультурные трансформации в условиях информационного общества

Максимович Валерий Александрович – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, заведующий отделом философии литературы и эстетики, доктор филологических наук, профессор, Минск, Беларусь.

Email: valery.maximovich@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9062-6984

Авторское резюме

Состояние вопроса: Временные социокультурные трансформации представляют собой масштабные интерактивные преобразования системного типа, имеющие тотальный характер. Они напрямую влияют на процесс становления сознания, формирование мировоззренческих установок, норм и принципов жизнедеятельности.

Результаты: Обращение к понятию «социокультурная трансформация» открывает возможность более рационального осознания изменений, происходящих в обществе и культуре, и компетентного управленческого воздействия с целью стимулирования, торможения или коррекции процесса в целом или каких-либо его отдельных структурных элементов. Социальная трансформация как амбивалентный процесс оказывает одновременно и стихийно развивающее, и целенаправленное воздействие на содержание и динамику процесса. Исторический опыт, конкретные примеры модернизационных изменений свидетельствуют о необязательно прогрессивной целенаправленности социальной трансформации. Сам процесс социокультурной трансформации непостоянен по содержанию и темпам развития: в нем ожидаемые качества могут быть стихийно возникающими, не поддающимися прогнозированию и алгоритмизации. В каждой конкретной сфере культуры трансформация происходит специфично, имеет свои скорости и объемы и, безусловно, пределы изменений.

Выводы: В сегодняшней непростой ситуации наиболее приемлемой и целесообразной остается задача культивирования консервативно-охранительных интенций, связанных с укреплением, восстановлением и развитием тех культурных оснований, которые прошли проверку временем и сохранили в себе огромный культурно-созидательный потенциал. Данная задача напрямую связана с противодействием унифицирующим трансформациям информационного общества, ведущим к виртуализации

* © Максимович В. А., 2021.

культурных форм и подмене их видимостями, мнимостями, симулякрами. Без этого невозможен собственно процесс преемственности и развитие инновационной составляющей.

Ключевые слова: социокультурная трансформация; социокультурная адаптация; социокод; кризис культуры; ценностные приоритеты.

Sociocultural Transformations in the Context of Information Society

Maksimovich Valery Aleksandrovich – Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of the Department of Philosophy of Literature and Aesthetics, Doctor of Philology, Professor, Minsk, Belarus.

Email: valery.maximovich@gmail.com

Abstract

Background: Temporary sociocultural transformations are large-scale interactive changes of a systemic type that have a total character. They directly affect the process of the formation of consciousness, ideological attitudes, norms and principles of life.

Results: Turning to the concept of “sociocultural transformation” gives the possibility of a more rational understanding of the changes taking place in society and culture, and competent managerial influence in order to stimulate, inhibit or correct the process as a whole or any of its individual structural elements. Social transformation as an ambivalent process has both a spontaneously developing and purposeful impact on the content and dynamics of the process. Historical experience, concrete examples of modernization changes indicate an optional progressive purposefulness of social transformation. The process of sociocultural transformation is unstable in terms of content and pace of development: the expected qualities can be spontaneously arising, not amenable to forecasting and algorithms. In each particular sphere of culture, transformation takes place in a specific way, has its own rate and extent and, of course, change limits.

Conclusion: In contemporary situation, the most acceptable and expedient task is to cultivate conservative-protective intentions related to the strengthening, restoration and development of those cultural foundations that have passed the test of time and retained a huge cultural and creative potential. This task is directly related to countering the unifying transformations of information society, leading to the virtualization of cultural forms and their substitution with semblances, fakes and simulacra. Without such countering, the actual process of continuity and the development of an innovative component is impossible.

Keywords: sociocultural transformation; sociocultural adaptation; sociocode; cultural crisis; value priorities.

Культура любого общества может рассматриваться не изолированно, а только с учетом всевозможных изменений в широком спектре происходящих процессов, что составляет в своей совокупности социокультурную динамику

данной общественной системы. Важной частью этих изменений являются социокультурные трансформации (от лат. *transformatio* – «преобразование, изменение формы, превращение, преображение»), напрямую влияющие на всю социальную систему, на каждую ее подсистему. Трансформация в сфере общественных практик подразумевает прежде всего действие или процесс изменения внутренней природы, характера социума, модификации его сущностных компонентов, всех сфер общественной жизни, что, в итоге, может приобрести как прогрессивную, так и регрессивную направленность. Отличительный признак трансформации заключен в преобразовании форм и содержания общественной жизни, ее институциональной сферы, норм, ценностей, менталитета и других сторон социума.

В том случае, когда изменениям подвергаются все стороны социума, мы имеем дело с «системной трансформацией» – перманентными, динамически развивающимися преобразованиями общественных структур при одновременном функционировании как старых, так и новых форм. При этом происходит постепенная трансформация устоявшихся структур, возникают новые социальные структуры [см.: 1].

Следует заметить, что само понятие социокультурной трансформации многогранно и полифункционально. Под «социальной трансформацией» понимается прежде всего процесс качественного изменения социума в целом или отдельных его социально значимых сегментов. Цели и результаты этого процесса могут приобретать двунаправленный характер, проявляющийся или в качественно более выразительной структурной организации трансформируемого объекта, или же в организации более низкой по сравнению с исходной.

Социокультурные трансформации представляют собой масштабные интерактивные социокультурные преобразования системного типа, имеющие тотальный характер. В большей степени они зависят от глобализационных процессов, напрямую влияющих на продвижение общества к новой стадии социокультурного развития. При этом создаются принципиально иные условия, в которых складываются и развиваются социальные отношения, возникают новые принципы взаимодействия, жизненные цели и ценностные ориентации, мотивы деятельности, эстетические вкусы, предпочтения и др. В культуре отражается процесс становления меняющегося сознания, сдвиг мировоззренческих установок, норм и принципов жизнедеятельности.

Социокультурная динамика любого общества проявляет себя в том числе посредством межкультурной коммуникации, что приводит к изменению культурного пространства и напрямую влияет на ценностное ядро данной культуры, ее субстанциальные основания, что может, при определенных условиях, привести к нежелательным последствиям, в том числе к деформации социокода общества. Все эти деструктивные проявления в культуре напрямую связываются с человеком, его ролью и значимостью в социокультурной парадигме времени. Личность, как известно, является совокупностью субъективного опыта, преломленного через культурные формы, результатом выбора поведенческих моделей, моделей восприятия и чувствования,

выработанных в процессе культурогенеза. Благодаря усвоению им как носителем социокультурного кода традиционных социокультурных ценностей, социального опыта, передаваемых от старших поколений младшим, становится возможным налаживание межпоколенческого диалога, межпоколенческой связи. Личности как одному из самых важных субъектов, ориентиров социокультурного развития отводится первостепенная роль, поскольку изменение внутреннего статуса личности предшествует изменению самого общества.

Большое значение в живом энергетическом насыщении культурного поля имеет и эмоционально-чувственная составляющая. «Культура как особая среда человеческого существования, как социотворческий феномен, как результат духовно-материальной деятельности людей формируется, существует и развивается, в первую очередь, за счет человеческих чувств и переживаний» [2, с. 119]. Т. Парсонс считает, что поведение человека осуществляется в трех конфигурациях. Во-первых, ориентация действий любого актора – это дифференцированная и интегрированная система личности. Во-вторых, действие отдельного актора входит в процесс взаимодействия с другими людьми, образуя социальную систему. В-третьих, объекты ориентации, культурные эталоны взаимодействия задаются культурой [см.: 3, с. 421–423].

Главным условием социокультурной трансформации является смена идейных установок и ценностных приоритетов. Социокультурная реальность находится в состоянии перманентного движения, обладает при этом динамической изменчивостью, что, в свою очередь, актуализирует проблему сохранения и трансляции абсолютных (вечных) ценностей, которые гармонизируют общественные отношения, придают целостность интенциональным способам деятельности людей и их отношению к миру. Человек в силу своей ангажированности находится в непрерывном поиске «упорядочивающих духовных энергий», оптимальных возможностей самоосуществления, самореализации, согласовывая и корректируя свои действия как с объективно существующими условиями, так и с находящимися в зоне желаний, усилий, смыслов и ценностей, составляющими в совокупности основу жизненной стратегии. Человеческий интеллект и сознание имеют метафизическую природу в том смысле, что стремятся в условиях перманентных социокультурных трансформаций вырабатывать и формировать (кодифицировать и рационализировать) определенные принципы, понятия, нормы, позволяющие ориентироваться в сложной, многомерной пространственно-временной системе социальных процессов. Смыслжизненные ценности выступают в качестве регулятивного механизма, имманентно присутствующего в мыслительном пространстве духовного бытия и охватывающего бесконечно новые возможности человека. Это является важнейшим фактором формирования личностной структуры, интегрирующим различные пласты бытия человека в единую систему и обеспечивающим обретение им собственной смысловой ниши и сохранение самоидентичности в потоке разнообразных внешних детерминаций [см.: 4, с. 3].

Социокультурные трансформации напрямую связаны с «социокультурным взаимодействием – межгрупповым и межиндивидуальным. Специфика социокультурных отношений заключается в том, что в них имеет место синтез социальных отношений и культуры. Этот процесс отражает меру владения культурным богатством общества и применения его в социальной деятельности отдельного индивида, конкретной социально-профессиональной группой и обществом в целом» [5, с. 175]. Социокультурное взаимодействие лежит в основе «микродинамических изменений и процессов, происходящих в контексте совместного существования людей на том уровне анализа, который принято обозначать как повседневность» [6, с. 72].

Стоит отметить, что повседневность (обыденность) имеет большое значение для человека. В. П. Козырьков обращает внимание на то, что «обыденный мир есть это сугубо человеческий, индивидуализированный, социокультурный способ освоения времени. Обыденность “привязывает” человека ко времени, наполняя его физические параметры однообразными (или веховыми), непрерывно повторяющимися (или преходящими) видами деятельности (или покоя)» [7, с. 54]. В самой незаурядной повседневности создаются материальные и духовные ценности, которые порой приобретают характер творческих открытий, прорывов, в высшей степени инноваций, выходящих далеко за рамки обыденности.

Социокультурная адаптация, как и социальная адаптация в целом, по своей внутренней направленности – процесс не только перманентный, но и достаточно дискретный. Он во многом зависит от субъективных предпочтений и предрасположенностей, влияющих на восприятие и освоение социокультурной среды в конкретных, как правило, нестандартных ситуациях. На степень социокультурной адаптации также оказывают свое влияние и постепенно возникающие потребности индивида, напрямую зависящие от внутренних изменений в нем самом и по большей мере обусловленные характером взаимосвязи с конкретной социокультурной средой. В данном случае принятые нормативы и предписания, заданные и контролируемые обществом, могут вступать в противоречие с «горизонтом ожидания» субъекта адаптации. Нормативно-регулирующие рычаги и механизмы воздействия среды объективно вызывают активное стремление к преодолению возникших преград и к установлению сбалансированных и гармонизированных отношений во взаимодействии сторон.

Обращение к понятию «социокультурная трансформация» открывает возможность более рационального осознания изменений, происходящих в обществе и культуре, и компетентного управленческого воздействия с целью стимулирования, торможения или коррекции процесса в целом или каких-либо его отдельных структурных элементов. В этой связи В. В. Кравченко отмечает, что «социальные трансформации оказываются показателями тех, по преимуществу, необратимых изменений, которые придают характерные черты современному человеческому обществу как целому, а также – отдельным социокультурным образованиям, которые, с одной стороны, испытывают влияние глобализирующих и унифицирующих тенденций, а с другой –

выявляют уникальные национально-этнические и региональные черты» [8, с. 83]. Согласно Кравченко, все большее количество людей ориентируется на известные или возобновленные программы социокода (аналога генетического кода), которые напрямую сегодня связаны с этническим менталитетом. В основе складывания нового глобального типа социокода лежат глубочайшие социокультурные и культурно-антропологические преобразования, связанные с достижениями информационного общества, результатами научно-технических инноваций, компьютеризацией не только производственно-экономической сферы, но и обыденной жизни людей. По определению М. К. Петрова, социокод интегрирует знаковые системы культуры, составляет механизм регламентации ее содержания и развития исторически сложившегося культурного типа [см.: 9, с. 45]. Социокод, по существу, выступает в роли базовой знаковой реалии наличествующей культуры, способствующей сохранению ее функциональных связей и отношений и обеспечивающей ее единство с традицией и целостность восприятия различных социальных систем и базовых типов отношений. Социокод трактуется как «свернутая» модель общения, общезначимый регулятор деятельности, механизм трансляции ценностей. Это устойчивое ядро цивилизации и «переведенный в общественное достояние продукт деятельности», способ существования «социально-генетической» памяти, наследующей культурно-эволюционные механизмы. «Социокоды для большинства людей оказываются проявленными в социальной оболочке, “одежде”, принятой “униформе” или “дресс-коде”, помогающих существовать и общаться с себе подобными. Базовые социокоды, например, стили одежды (классика, офисный, спортивный), используются каждым социальным слоем по мере необходимости; при этом всегда есть предпочтительный для отдельного индивида, одновременно признаваемый в том или ином сообществе. Зачастую индивидуальной редукции подвергаются моральные аспекты социокода, которые дают возможность личности осуществлять элементарный выбор собственного поведения и способствуют ее индивидуальному социальному “выживанию”» [цит. по: 8, с. 79–80].

Тезаурус социокультуры как целого сохраняет свою полноту благодаря культурной направленности данного общества, реализующего специфический, особенный культурный архетип. «Таким образом, если культурная трансформация, затрагивая разные сферы культуры, сохраняет ее культурный архетип, это позволяет воссоздать в новых условиях базисные для данной культуры формы социального взаимодействия, культурные темы и эстетические системы, формирующие социально одобряемые поведенческие стратегии, создающие в данной культуре тот конкретно-исторический тип человека, который способен формировать, воспринимать и сохранять эту культуру. Сохранение антропологического типа в социокультурных трансформациях позволяет сохранить тождество культуры и обеспечить ее трансмиссию в социокультурной динамике» [10].

С учетом реального потенциала самосовершенствования, применения инноваций в условиях существующего многообразия культурно-

антропологического наследия, деятельности как отдельного социокультурного индивида, так и целого ряда социальных групп и их элит, трансформации объективно ведут к постепенному изменению социокода данной общности в политической, социальной, художественной, научной и других областях. Трансформационный процесс имеет в качестве изначального посыла субъективированную компоненту, связанную с кардинальным «обновлением ума» (А. Пушкин) под нарастающим влиянием необратимо изменяющихся объективных обстоятельств. С течением времени, согласно утверждению К. Маркса, «идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой». Антропологический аспект глубокой трансформации социогуманитарных основ общественного развития проявляется в том, что в «рамках данного социума перестает формироваться тот конкретно-исторический тип человека, который способен формировать и творчески воссоздавать данную культуру. Таким образом, именно антропологический анализ социокультурных трансформаций представляется наиболее перспективным для уяснения возможностей сохранений культурной идентичности в условиях интенсивной межкультурной коммуникации» [10].

Социальная трансформация как амбивалентный процесс оказывает одновременно и стихийно развивающее, и целенаправленное воздействие на содержание и динамику процесса. Конкретно-исторические примеры существования общества, а также результаты модернизационных изменений, имеющих место быть, свидетельствуют о не обязательно прогрессивной целенаправленности социальной трансформации. «Трансформации в социокультурных институтах определенно самые сложные и по последствиям своим многозначны и труднопредсказуемы для современников и еще более – для потомков. Здесь часто самые благонамеренные замыслы могут быть в значительной мере нейтрализованы непредвиденными обстоятельствами или даже привести к обратным результатам. Сцепленность, органическая взаимозависимость феноменов культуры как живого организма требуют особой тонкости предваряющего культурологического дискурса и управленческих решений, духовно-нравственной их обоснованности. Сам процесс социальной трансформации непостоянен по содержанию и темпам развития, ожидаемые качества в нем прирастают неожиданными» [11, с. 142]. В каждой конкретной сфере культуры трансформация происходит специфично, имеет свои скорости и объемы и, безусловно, пределы изменений.

Конструктивные, приносящие положительные результаты трансформации с необходимостью опираются на традиционные национальные ценности. На их основе генерируются усовершенствования, создаются новые культурные продукты, бренды, артефакты, формируются отношения с иными свойствами и качествами. При этом традиция понимается не как некая рутинная константность, не способная к прогрессивным изменениям. Напротив, традиция в условиях стремительно изменяющейся реальности нацелена в будущее благодаря своему историко-культурному, творческому, духовно-созидающему потенциалу, тесной включенности в универсальные связи социального и естественно-природного миров. «При относительно “мягком”

развитии истории традиционные ценности устойчивы к влияниям времени и в течение жизни одного-двух поколений изменения в них незаметны. Трансформации деструктивные ищут опоры в несоприродных ценностях и разрушают систему национальной культуры. Они протекают с большим напряжением и в высоком темпе и даже взрывообразно и нацелены на приживание чуждого» [11, с. 142]. Они характеризуются неопределенностью, неравновесностью, неустойчивостью, бифуркационной креативной потенциальностью. Конструктивные трансформации тесно связаны с процессами прогнозирования и моделирования, четкого осознания общих интересов и ценностей, необходимостью обретения новых смыслов вовлеченного в процесс модернизации общества. В основе всех этих пертурбаций должна лежать идея усовершенствования, глобальная созидательная стратегия, базирующаяся на тесном взаимодействии общечеловеческого, национального и социального в системе ценностного восприятия мира. Направляющие векторы этого развития полагаются на конструктивное (конституирующееся) знание, составляющее основу для логического конструирования, моделирования и использования в социальной прагматике. Определяющим основанием деструктивной трансформации выступает унифицирующая трансформация, «...она служит стартовой площадкой для заключительной и последней цели – виртуализации культуры, подмены ее энергонесущих ценностей видимостями, мнимостями. Это уже роковая фаза – экспроприация культуры как некоего национально-особенного окна в мир – внешний и внутренний» [11, с. 144].

При разнообразии подходов к пониманию отмеченных явлений следует все же различать концепты «кризис культуры» и «социокультурная трансформация». Оба этих понятия, безусловно, характеризуют динамику культуры, процессы изменений, происходящих в ней. Но у них имеется кардинальное отличие. Некоторые исследователи полагают, что «социокультурная трансформация прежде всего связана с переходом системы культуры в новое качество, в то время как кризис культуры представляет собой изменения в самой культуре, без смены ее качественных характеристик, <...> не каждый кризис культуры может привести к социокультурной трансформации. Оба этих понятия характеризуют динамику культуры, процессы изменений, происходящих в ней» [12, с. 212].

Е. А. Ерохина понимает социокультурную динамику как «...диалектическое единство цивилизационного процесса и социокультурной трансформации конкретного (отдельного) общества. Понятие цивилизационного процесса отражает преобразование географического пространства в социокультурное в результате деятельного освоения определенной территории. Понятие социокультурной трансформации отражает преобразование свойств (качеств) отдельного общества под влиянием исторического процесса» [13, с. 18–19].

Согласно Ерохиной, социокультурная трансформация «представляет собой движение общества от традиции к современности, то есть, по сути, линейный прогресс социальных форм, имеющий универсальное значение.

Цивилизационный же процесс отражает локальную специфику социокультурной трансформации, иными словами, выражает то особенное, что привносит данная цивилизация в общее движение по единому пути развития» [цит. по: 10]. «Социально-историческая трансформация конкретных обществ... представляет собой систему, которая включает две стороны: усложнение и упрощение, прогресс и регресс, изменчивость и устойчивость» [13, с. 52]. Автор утверждает, что социокультурная трансформация оказывается усложнением общества и развитием новых форм, в которых особенным образом преломляются изменения, происходящие в культуuroобразующих структурах общества.

Противоположную точку зрения высказывает А. Н. Тарасов. В статье, посвященной концепции социокультурной трансформации, автор указывает, что «Кризис культуры представляет собой обязательный и закономерный этап в развитии любой культуры <...> Дальнейшее развитие культуры возможно... в двух направлениях. Первое из них – это изменение, приспособление культурной системы к новым условиям... Однако возможен и второй вариант, когда культура не способна адаптироваться к новым условиям, не сможет перестроиться, и в этом случае мы вправе сказать о “кризисе кризисов”, т. е. о необходимости кардинального изменения всей существующей культурной системы. Именно такие периоды, на наш взгляд, и следует определять как социокультурную трансформацию» [12, с. 211–212]. По мнению Тарасова, «если кризис культуры характеризует изменения структурного характера, изменения части, то социокультурная трансформация характеризует изменения системного характера, изменения целого» [12, с. 213]. Автор выделяет определенные закономерности перехода культуры в новое качество, которые приемлемы для всех эпох: социокультурная детерминация, закономерности протекания и проявления трансформации, общность итогов социокультурной трансформации. Он подчеркивает, что исследование этих теоретических позиций с методологической точки зрения имеет важное значение для теории культуры.

Автор предлагает свою характеристику социокультурной детерминации, которая, по его убеждению, «ставит своей целью выделить конкретные причины, которые оказали влияние на процессы перехода от одной эпохи культуры к другой. Любое явление действительности всегда детерминировано конкретно-историческими условиями. Анализируя эти условия в целом, мы можем сказать, что они носят социально-экономический характер. Именно социально-экономические условия приводят к изменениям в системе культуры. В зависимости от того, насколько масштабный характер будут иметь эти социально-экономические изменения, мы можем говорить либо о кризисе культуры, либо о социокультурной трансформации. Соответственно, чем масштабнее будут эти социально-экономические изменения, тем масштабнее будет кризис культуры. Если же эти изменения носят принципиально иной, качественно отличный от прежних, характер, то мы вправе говорить о социокультурной трансформации» [14, с. 205].

«Анализ закономерностей протекания и проявления социокультурной трансформации нацелен на выявление общих характеристик, отражающих принципы построения культурной среды в переходный период. С позиций теории культуры к числу таких закономерностей следует, на наш взгляд, относить: усиление субъективных тенденций в культуре, явный разрыв с предшествующей культурной традицией, эклектизм, культурный релятивизм и плюрализм, иронизм» [14, с. 205]. В ситуации критической неразрешенности возрастает культуростроительная роль ценностно-нормативных, художественно-символических, коммуникативных компонентов, призванных способствовать реорганизации и видоизменению транзитивной культуры. По словам В. Ионесова, «способность этих универсалий упорядочивать, артикулировать, сохранять и ретранслировать смыслообразы переходности позволяет рассматривать их как адаптивные факторы и механизмы семиотической переквалификации, социализации и реорганизации культуры» [15, с. 11].

В любом случае подходы к определению сущности кризисов и социокультурных трансформаций должны отличаться взвешенностью подходов, комплексным учетом всех имеющихся факторов и особенностей. На наш взгляд, во многом аргументированными и обоснованными выступают доводы П. А. Сорокина, американского социолога русского происхождения, который занимался вопросами общественного развития, что нашло отражение в его четырехтомном труде «Социальная и культурная динамика» (1937–1941), и ввел понятие социокультурной динамики в гуманитарную науку XX века. Ученый утверждал, что «...социальный мир складывается из цельных социокультурных систем (суперсистем), которые отличаются внутренним единством. Эта внутренняя интеграция обеспечивается двойным образом: то, что относится к обществу (социальная часть системы) – связано причинно-функциональным единством. То, что относится к культуре – логической интеграцией, посредством значений (через аналогии, исключения, общность стиля и т. д.). Чтобы понять происходящие в обществе процессы, необходимо не просто установить функциональную связь отдельных единиц, а выявить их логико-смысловое единство» [16, с. 109]. В указанное понятие Сорокин включает все социокультурные процессы, которые происходят в обществе. При этом автор обращает внимание, что «под процессом понимается любой вид движения, модификация, преобразование, перестройка или «эволюция», короче говоря, любое изменение данного логического субъекта во времени, касается ли оно изменения его места в пространстве, или речь идет о модификации его количественных или качественных аспектов» [17, с. 98].

Проведенный Сорокиным анализ применим к социокультурному процессу. В его исследовании Сорокин выделяет следующие его характеристики: то, что изменяется или находится в процессе («единица»); временные отношения, пространственные отношения, направление изменений [17, с. 97].

Особо внимание уделяется характеристике исследуемой социокультурной «единицы»: «Несмотря на то, что эта единица претерпевает изменение или

находится в процессе, она должна мыслиться как сохраняющая свою идентичность в течение всего процесса, в который вовлечена. Любая единица существует до тех пор, пока сохраняет свою тождественность или идентичность» [17, с. 98].

Внутренние причины социокультурных трансформаций имеют доминантный характер, в отличие от причин внешних. «Внешнее воздействие на сложную социокультурную систему запускает различные механизмы реагирования на это воздействие, которые активизируются или впервые создаются на основе действенных констант социокультуры, то есть определяются ее социокультурным пространством и временем. Социокультурное пространство генерирует фундаментальные условия включения коллективных субъектов в практическую деятельность, обеспечивая социальное развитие общества. Социокультурное время как одна из базовых констант социокультурного бытия задает условия социокультурной трансформации конкретных обществ» [цит. по: 10].

Социокультурная трансформация в своем проявлении имеет тотальный характер, поэтому при изучении трансформационных процессов социокультурной динамики можно рассматривать социальные и культурные трансформации отдельно. По утверждению Ерохиной, «...если культурная динамика отражает процесс смены типа воспроизводства культуры, то социальная динамика – смену типа социальной организации общества» [13, с. 118].

В современной социальной философии социальные трансформации представляются как «наиболее фундаментальные, коренные преобразования в обществе, которые, затрагивая все его стороны, существенно изменяют способ и принципы социальной организации, социальную структуру и характер взаимосвязей социальных субъектов» [18, с. 15]. Социосистемные социальные трансформации разделяют на «структурные изменения в современном обществе, изменение характера и принципов социальных взаимодействий, трансформация социальных норм и ценностей» [18, с. 9].

Трансформации социальной структуры общества заключаются в появлении новых социальных групп, редукции старых, а также в смене роли и места социальной группы в социальном пространстве. Трансформация социальных связей представляет собой направленное изменение социальных отношений и взаимодействий в обществе. Трансформация социальных норм какого-либо общества заключается в изменении регулирующего принципа существования и функционирования социального пространства. Как таковой, этот принцип выражается в культурном архетипе как одном из элементов целостного образа, представляющего в символической форме антропологический тип конкретной культуры. Сохранение культурной целостности данного общества возможно, если трансформации социальных норм происходят в тех границах, которые задаются культурным архетипом. Нормы социальной жизни, где отражаются и реализуются разные варианты культурного архетипа, делают возможным как трансмиссию культуры, так и

развитие новых потенций, имеющих все шансы для своего воплощения в жизнь [см.: 10].

Социальные трансформации всегда сопровождаются трансформациями культуры, которые, впрочем, не всегда имеют синхронный характер, единую форму выражения и предвидения результата. Современный российский исследователь В. И. Ионесов отмечает: «Трансформация культуры есть переходный процесс, в котором осуществляется радикальное, качественное преобразование культурной системы, направленное на преодоление и выстраивание границ посредством структурирования, реорганизации и опредмечивания культурных сущностей» [15, с. 10].

Упомянутый нами ранее П. Сорокин интегрирует в понятие социокультурной динамики любые изменения в обществе, используя общенаучное значение термина «динамика». Можно согласиться с мнением Н. Ищенко, которая предлагает использовать этот подход в изучении социокультурных трансформаций и считает «социокультурной трансформацией социетальной системы такие изменения, которые затрагивают все общество и большую часть его подсистем и приводят в результате к качественному изменению социокультуры, с сохранением, однако же, ее тождественности на всех этапах трансформации» [10].

Следует отметить, что «социокультурная трансформация характеризуется радикальными экспериментами в системе культуры. Можно сказать, что в этом отношении социокультурная трансформация есть процесс полного снижения уровня системно-иерархической структурированности, сложности и полифункциональности культурного комплекса в целом, то есть полная деградация данной культуры как системы. Вместе с тем, данный переход представляется явлением необходимым и закономерным. Подобные периоды в динамике культуры нужны, прежде всего, для того, чтобы культура имела возможность оттолкнуться, выйти на новый качественный уровень своего развития антропогенной направленности» [19].

Все сказанное лишней раз служит подтверждением того, что в сегодняшней непростой ситуации наиболее приемлемой и целесообразной остается задача культивирования консервативно-охранительных интенций, связанных с укреплением, восстановлением и развитием тех культурных оснований, которые прошли проверку временем и сохранили в себе огромный культурно-созидательный потенциал. Данная задача напрямую связана с противодействием унифицирующим трансформациям информационного общества, ведущим к виртуализации культурных форм и подмене их видимостями, мнимостями, симулякрами. Культура должна выполнять свою фундаментальную задачу – развивать «народозащитную» функцию, служить объединительным началом, культивировать духовно-нравственные идеалы, усиливать традиционную духовность как системообразующее основание жизни общества, без чего невозможен собственно процесс преемственности и развитие инновационной составляющей, воспринимаемой прежде всего в качестве определенной модели организации ценностно-мировоззренческой системы, поведения и деятельности личности. И на этом нелегком пути важная,

ответственная миссия ложится на национальную элиту, ученых-гуманитариев, призванных с опорой на историческое сознание брать на себя ответственность принятия стратегических решений, в том числе и в плане формирования культурной стратегии, активизации духовного развития социума. Опора на исторический опыт предшественников, сохранение и умножение ценностно-смысловых, национально-культурных паттернов является важным объединяющим и мобилизующим фактором, способствующим личностной и национальной идентификации, мировоззренческому росту самопознающего субъекта, стабилизации всего социокультурного организма.

Список литературы

1. Ламажаа Ч. К. Социальная трансформация // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 1. – С. 262–264.
2. Кравченко В. В. Симфония человеческой культуры. – М.: Аграф, 2017. – 384 с.
3. Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук // О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2002. – С. 415–562.
4. Тельнова Н. А. Метафизические основания человеческого бытия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2005. – № 2(11). – С. 3–12.
5. Антипов А. Г. Социокультурный фактор и его значимость в кризисном российском обществе // Питирим Александрович Сорокин и современные проблемы социологии: Материалы Международной научной конференции. – СПб., 2009. – С. 170–178.
6. Орлова Э. А. Социокультурная реальность: к определению понятия // Личность. Культура. Общество. Научно-практический журнал. – 2007. – Т. IX. – Вып. 1. (34). – С. 63–75.
7. Козырьков В. П. Освоение обыденного мира: социокультурный анализ. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 1998. – 340 с.
8. Кравченко В. В. Культурно-антропологические основания социальных трансформаций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. – 2019. – № 1. – С. 77–85. DOI: 10.18384/2310-7227-2019-1-77-85
9. Петров М. К. Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. – 328 с.
10. Ищенко Н. С. Проблемы теоретического осмысления социокультурных трансформаций // Философско-культурологические исследования. – Луганск, 2018. – №4. – URL: <https://fki.lgaki.info/2018/10/01/проблемы-теоретического-осмысления/> (дата обращения: 15.08.2021).
11. Марченко Ю. Г. Особенности бытия русской культуры в постсоветский период // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2008. – № 4. – С. 139–146.
12. Тарасов А. Н. Сущность концепта «социокультурная трансформация» // Исторические, философские, политические и юридические науки,

культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 7 (13). – Ч. II. – С. 211–213.

13. Ерохина Е. А. Этническое многообразие в социокультурной динамике России: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук: 09.00.11. – Новосибирск, 2015. – 451 с.

14. Тарасов А. Н. Теоретико-методологические аспекты аналитики социокультурной трансформации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8 (14). – Ч. II. – С. 204–206.

15. Ионесов В. И. Модели трансформации культуры: типология переходного процесса: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии: 24.00.01. – Самара, 2011. – 40 с.

16. Тьери Л. Социокультурная адаптация: сущность и функции // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 11 (54). – С. 109–112.

17. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.

18. Силина Е. В. Социальные трансформации в условиях глобализации (философский анализ): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.11. – М., 2013. – 27 с.

19. Тарасов А. Н. Н. А. Бердяев о роли искусства в отражении процесса социокультурной трансформации // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5171> (дата обращения: 15.08.2021).

References

1. Lamazhaa Ch. K. Social Transformation [Socialnaya transformatsiya]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* (Knowledge. Understanding. Skill), 2011, no. 1, pp. 262–264.

2. Kravchenko V. V. Symphony of Human Culture [*Simfoniya chelovecheskoy kultury*]. Moscow: Agraf, 2017, 384 p.

3. Parsons T. Toward a General Theory of Action: Theoretical Foundations for the Social Sciences [K obschey teorii deistviya. Teoreticheskie osnovaniya sotsialnykh nauk]. *O strukture sotsialnogo deystviya* (The Structure of Social Action). Moscow: Akademicheskiiy Proekt, 2002, pp. 415–562.

4. Telnova N. A. Metaphysical Foundations of Human Existence [Metafizicheskie osnovaniya chelovecheskogo bytiya]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* (Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University), 2005, no. 2(11), pp. 3–12.

5. Antipiev A. G. Sociocultural Factor and Its Significance in Crisis Russian Society [Sociokulturny factor I ego znachimost v krizisnom rossiiskom obschestve]. *Pitirim Aleksandrovich Sorokin i sovremennye problemy sotsiologii: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* (Pitirim Sorokin and Contemporary Problems of Sociology: Materials of International Scientific Conference), Saint Petersburg, 2009, pp. 170–178.

6. Orlova E. A. Sociocultural Reality: Toward a Definition of the Concept

[Sociokulturnaya realnost: k opredeleniyu ponyatiya]. *Lichnost. Kultura. Obschestvo* (Personality. Culture. Society), 2007, vol. IX, is. 1 (34), pp. 63–75.

7. Kozyrkov V. P. Mastering the Everyday World [*Osvoenie obydennoy mira: sotsiokulturnyy analiz*]. Nizhny Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 1998, 340 p.

8. Kravchenko V. V. Cultural and Anthropological Foundations of Social Transformations [Kulturno-antropologicheskie osnovaniya socialnykh transformatsii]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* (Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy), 2019, no. 1, pp. 77–85.

9. Petrov M. K. Language, Sign, Culture [*Yazyk, znak, kultura*]. Moscow: Nauka, 1991, 328 p.

10. Ischenko N. S. Problems of Theoretical Comprehension of Socio-Cultural Transformations [Problemy teoreticheskogo osmysleniya sotsiokulturnykh transformatsii]. *Filosofsko-kulturologicheskie issledovaniya* (Philosophical and Cultural Studies). Lugansk, 2018, no. 4. Available at: <https://fki.lgaki.info/2018/10/01/проблемы-теоретического-осмысления/> (accessed 15 August 2021).

11. Marchenko Yu. G. Features of the Existence of Russian Culture in the Post-Soviet Period [Osobennosti bytiya russkoy kultury v postsovetskii period]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* (Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science), 2008, no. 4, pp. 139–146.

12. Tarasov A. N. The Essence of the Concept “Social-Cultural Transformation” [Suschnost kontsepta “sotsiokulturnaya transformatsiya”]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* (Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice), 2011, no. 7 (13), part II, pp. 211–213.

13. Erokhina E. A. Ethnic Diversity in the Sociocultural Dynamics of Russia: Doctoral Degree Thesis in Philosophy [*Etnicheskoe mnogoobrazie v sotsiokulturnoi dinamike Rossii: dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni doktora filosofskikh nauk*]. Novosibirsk, 2015, 451 p.

14. Tarasov A. N. Theoretical-Methodological Aspects of Social-Cultural Transformation Analytics [Teoretiko-metodologicheskie aspekty analitiki sotsiokulturnoy transformatsii]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* (Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice), 2011, no. 8 (14), part II, pp. 204–206.

15. Ionesov V. I. Cultural Transformation Models: Typology of the Transition Process: Abstract of the Doctoral Degree Thesis in Cultural Studies [*Modeli transformatsii kultury: tipologiya perekhodnogo protsessa: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora kulturologii*]. Samara, 2011, 40 p.

16. Terry L. Sociocultural Adaptation: Essence and Functions [Sotsiokulturnaya adaptatsiya: suschnost i funktsii]. *Almanakh sovremennoy nauki i*

obrazovaniya (Almanac of Modern Science and Education), 2011, no. 11(54), pp. 109–112.

17. Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics [*Sotsialnaya I kulturnaya dinamika*]. Moscow: Astrel, 2006, 1176 p.

18. Silina E. V. Social Transformations in Conditions of Globalization (Philosophical Analysis): Abstract of the Ph. D. Degree Thesis in Philosophy [*Sotsialnye transformatsii v usloviyakh globalizatsii (filosofskii analiz): avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk*]. Moscow, 2013, 27 p.

19. Tarasov A. N. N. A. Berdyaev about the Art Role in Process Reflection Sociocultural Transformations [N. A. Berdyaev o roli iskusstva v otrazhenii protsessa sotsiokulturnoy transformatsii]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* (Modern Problems of Science and Education), 2011, no. 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5171> (accessed 15 August 2021).

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 612.89

Комментарий и примечания к статье В. С. Дерябина и Л. Н. Дерябина «О влиянии симпатической нервной системы на трофику скелетных мышц»^{*}

Забродин Олег Николаевич – Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации, кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ozabrodin@yandex.ru

ScopusID: 36909235400

Авторское резюме

Предмет исследования: Комментарий к неопубликованной статье В. С. Дерябина и Л. Н. Дерябина «О влиянии симпатической нервной системы на трофику скелетных мышц».

Результаты: В статье поднимается важный вопрос о трофическом влиянии симпатической нервной системы (СНС) на скелетную мускулатуру. Дан обзор развития представлений о таком влиянии в работах И. П. Павлова, Л. А. Орбели и его школы, а также альтернативные представления, согласно которым выключение симпатической иннервации скелетной мускулатуры не приводит к нарушению трофики последней.

С целью объяснения таких альтернативных представлений авторы статьи привлекли к объяснению последние данные о повышении чувствительности денервированных структур (впоследствии – адренорецепторов) к адреналину (А) и концепции У. Кеннона о единой симпатико-адреналовой системе (САС). Согласно этой концепции, гормон А начинает выполнять функции СНС, включая трофическую, в случае их выпадения, путем воздействия на общие для СНС и А адренорецепторы.

Выводы: Статья интересна как образец философско-методологического осмысления проблем физиологии. Авторы использовали диалектический подход и достигли снятия противоречий в представлениях о наличии или отсутствии трофической функции СНС в отношении скелетной мускулатуры.

Ключевые слова: трофическая функция симпатической нервной системы; симпатико-адреналовая система; повышение чувствительности денервированных структур к адреналину.

^{*} © О. Н. Забродин, 2021.

Comments and Notes to the Article by V. S. Deryabin and L. N. Deryabin “The Influence of the Sympathetic Nervous System on the Trophism of the Skeletal Muscles”

Zabrodin Oleg Nikolaevich – First Saint Petersburg State Medical University named after Academician I. P. Pavlov of the Ministry of Health of the Russian Federation, Department of Anesthesiology and Reanimatology, Senior Researcher, Doctor of Medical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

Email: ozabrodin@yandex.ru

Abstract

Subject of research: Comments on the unpublished article by V. S. Deryabin and L. N. Deryabin “The Influence of the Sympathetic Nervous System on the Trophism of Skeletal Muscles”.

Results: The article raises an important question about the trophic effect of the sympathetic nervous system (SNS) on skeletal muscles. An overview of the development of ideas about such an influence in the works of I. P. Pavlov, L. A. Orbeli and his school and some alternative concepts are presented. According to the latter, blocking the sympathetic innervation of skeletal muscles does not lead to a violation of the trophism.

In order to understand such alternative views, the authors of the article gave an explanation based on the latest data on the increased sensitivity of denervated structures (later – adrenoreceptors) to adrenaline (A) and used W. Cannon's concept of a single sympathetic-adrenal system (SAS). In accordance with this concept, hormone A begins to perform the functions of the SNS, including the trophic one, in case of their loss, by acting on the adrenoreceptors common to the SNS and A.

Conclusion: The article is interesting as an example of philosophical and methodological understanding of the problem. The authors used a dialectical approach and achieved the sublation of contradictions in the concept of the presence or absence of the trophic function of the SNS in relation to skeletal muscles.

Keywords: trophic function of the sympathetic nervous system; sympathetic-adrenal system; increased sensitivity of denervated structures to adrenaline.

Комментарий и примечания представляют своеобразный опыт реанимации статьи, написанной почти 70 лет назад, объяснения представленных в ней фактов с учетом современных данных, чему посвящены примечания.

Работа является продолжением двух других статей: Дерябин В. С. «Действие ацетилхолина на шагательные движения задних конечностей собак», 1963 [см.: 1] и Дерябин В. С., Дерябин Л. Н., Кашкай М.-Дж. «Действие ацетилхолина на мышцы задней конечности собаки при половинной перерезке спинного мозга», 1960 [см.: 2]. Вторая статья, направленная в 1953 г. в Т. III сборника статей сотрудников Института эволюционной физиологии Академии наук СССР «Материалы по эволюционной физиологии» вместе со статьей

В. С. Дерябина и Л. Н. Дерябина «О влиянии адреналина, ацетилхолина и удаления брюшных симпатических цепочек на шагательные рефлексы задних конечностей собаки с перерезкой спинного мозга», была отклонена редакторами сборника по независящим от авторов обстоятельствам. Только после обращения Л. Н. Дерябина (В. С. Дерябин умер в 1955 г.) к директору Института эволюционной физиологии, чл.-корр. АМН СССР А. Г. Гинецинскому и его ходатайства статья была напечатана в Физиологическом журнале СССР за 1960 г. [см.: 2]. Что касается статей В. С. Дерябина, Л. Н. Дерябина «О влиянии симпатической нервной системы на трофику скелетных мышц» и В. С. Дерябина, Л. Н. Дерябина «О влиянии адреналина, ацетилхолина и удаления брюшных симпатических цепочек на шагательные рефлексы задних конечностей собаки с перерезкой спинного мозга», то они по непонятным причинам не были опубликованы.

Первая из них, комментируемая в данной статье, является вводной и теоретическим обоснованием второй. И в наше время она представляет интерес для публикации ввиду важности для теоретической и практической медицины дальнейшей разработки проблемы нервной трофики. К сожалению, механизмы действия СНС как системы жизнеобеспечения организма и А (адреналина) – вещества, известного в широком лексиконе, входящих в единую САС, не известна читателю-непрофессионалу.

Толчком к написанию обеих статей явилась книга У. Кеннона и А. Розенблюта «Повышение чувствительности денервированных структур», 1951 [см.: 6], позволившая авторам с *диалектических позиций* объяснить противоречивость мнений при обсуждении проблемы о трофической функции СНС. Снятия противоречий альтернативных точек зрения на эту проблему удалось также достигнуть путем целостного ее понимания с привлечением концепции У. Кеннона о единой САС [см.: 5]. И это – с учетом ограниченных сведений о химической природе и физиологической роли нейрохимических посредников – нейромедиаторов (коротко – медиаторов: ацетилхолина и норадреналина – НА) в нервно-мышечной передаче. Так, статья о том, что медиатором в СНС является НА, появилась только в 1956 г. [см.: 7].

Комментируемая статья потребовала редактирования, приведения списка литературы в соответствие с современными требованиями и, в связи с новыми данными по проблеме, – примечаний, на которые даются ссылки в тексте. Примечания представлены в статье В. С. Дерябина и Л. Н. Дерябина постранично. Обсуждаемая этими авторами проблема симпатической регуляции трофики тканей и ее нарушений близка автору данного комментария, так как он занимался ею более 50 лет [см.: 3, 4].

Список литературы

1. Дерябин В. С. Действие ацетилхолина на шагательные движения задних конечностей собак // Физиологический журнал СССР. – 1953. – Т. 39. – Вып. 3. – С. 319–323.
2. Дерябин В. С., Дерябин Л. Н., Кашкай М.-Дж. Действие ацетилхолина на мышцы задней конечности собаки при половинной перерезке спинного

мозга // Физиологический журнал СССР. – 1960. – Т. 46. – № 12. – С. 1471–1475.

3. Забродин О. Н. Влияние адренергических веществ на развитие экспериментальной нейрогенной дистрофии стенки желудка у крыс // Фармакология и токсикология. – 1967. – № 4. – С. 430–433.

4. Забродин О. Н., Страшнов В. И. К нейродистрофическому компоненту острого послеоперационного панкреатита и его предупреждению с помощью эпидуральной анестезии // Обзоры по клинической фармакологии и лекарственной терапии. – 2018. – Т. 18. – № 4. – С. 61–66.

5. Кеннон В. Физиология эмоций: Телесные изменения при боли, голоде, страхе и ярости. – Ленинград: Прибой, 1927. – 173 с.

6. Кеннон В., Розенблют А. Повышение чувствительности денервированных структур. Закон денервации. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1951. – 263 с.

7. Euler U. S. von, Hillarp N.-A. Evidence for the Presence of Noradrenaline in Submicroscopic Structures of Adrenergic Axons // Nature. – 1956. – № 177. – pp. 44–45. DOI: 10.1038/177044b0

References

1. Deryabin V. S. The Effect of Acetylcholine on “Strided” Movement of the Hind Limbs of Dogs [Deystvie atsetilkholina na shagatelnye dvizheniya zadnikh konechnostey sobak]. *Fiziologicheskiy zhurnal SSSR* (Physiological Journal of the USSR), 1953, vol. 39, no. 3, pp. 319–323.

2. Deryabin V. S., Deryabin L. N., Kashkay M.-J. The Effect of Acetylcholine on the Muscles of the Hind Limb of Dogs at Half Transaction of the Spinal Cord [Deystvie atsetilkholina na myshtsy zadney konechnosti sobaki pri polovinnoy pererezke spinnogo mozga]. *Fiziologicheskiy zhurnal SSSR* (Physiological Journal of the USSR), 1960, vol. 46, no. 12, pp. 1471–1475.

3. Zabrodin O. N. Influence of Adrenergic Substances on the Development of Experimental Neurogenic Dystrophy of the Stomach Wall in Rats [Vliyanie adrenergicheskikh veschestv na razvitie eksperimentalnoy neyrogennoy distrofii stenki zheludka u kryis]. *Farmakologiya i toksikologiya* (Pharmacology and Toxicology), 1967, no. 4, pp. 430–433.

4. Zabrodin O. N., Strashnov V. I. To the Neurodystrophic Component of Acute Postoperative Pancreatitis and its Prevention with the Help of Epidural Anesthesia [K neyrodistroficheskomu komponentu ostrogo posleoperatsionnogo pankreatita i ego preduprezhdeniyu s pomoschyu epiduralnoy anestezii]. *Obzory po klinicheskoy farmakologii i lekarstvennoy terapii* (Reviews on Clinical Pharmacology and Drug Therapy), 2018, vol. 18, no. 4, pp. 61–66.

5. Cannon W. B. Bodily Changes in Pain, Hunger, Fear and Rage [*Fiziologiya emotsiy. Telesnye izmeneniya pri boli, golode, strakhe i yarosti*]. Moscow–Leningrad: Priboy, 1927, 173 p.

6. Cannon W. B., Rosenblut A. Increasing the Sensitivity of Denervated Structures. The Law of Denervation [*Povyshenie chuvstvitelnosti denervirovannykh struktur. Zakon denervatsii*]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1951, 263 p.

7. Euler U. S. von, Hillarp N.-A. Evidence for the Presence of Noradrenaline in Submicroscopic Structures of Adrenergic Axons. *Nature*, 1956, no. 177, pp. 44–45. DOI: 10.1038/177044b0

В. С. Дерябин, Л. Н. Дерябин
О влиянии симпатической нервной системы на трофику
скелетных мышц

*(авторские примечания – В. С. Дерябина и Л. Н. Дерябина;
публикация и редакторские примечания – О. Н. Забродина)*

V. S. Deryabin, L. N. Deryabin
The Influence of the Sympathetic Nervous System on the Trophism of
the Skeletal Muscles

*(Author's notes – V. S. Deryabin and L. N. Deryabin;
publication and editorial notes – O. N. Zabrodin)*

Сформулированный У. Кенноном закон повышения чувствительности денервированных структур [см.: 8]¹ затрагивает широкий круг явлений и дает объяснение некоторых физиологических реакций, казавшихся прежде непонятными. Как с частным проявлением этого закона мы встретились с повышением возбудимости шагательных рефлексов при опытах на собаках с перерезкой спинного мозга, у которых были удалены обе брюшные симпатические цепочки². Такое повышение моторных функций после десимпатизации затрагивает остававшийся до последнего времени спорный вопрос о влиянии симпатической нервной системы (СНС, симпатикус – О. З.) на трофику поперечнополосатых (скелетных) мышц. Представления о роли нервно-трофических влияний в жизни организма менялись в ходе развития физиологических знаний. В отечественной физиологии начало новому этапу в исследовании вопроса положило выступление П. П. Павлова в 1920 г. с докладом «О трофической иннервации» [см.: 11].

Исходя из фактов, установленных при исследовании работы сердца и многолетних наблюдений над последствиями оперативных вмешательств на собаках [см.: 10], он выдвинул гипотезу о существовании особых трофических нервов. И. П. Павлов писал по этому поводу: «Одни нервы усиливают этот процесс (химический жизненный процесс каждой ткани – О. З.) и тем самым повышают жизненность ткани, другие ослабляют его и при чрезвычайном их

¹ Монография У. Кеннона и А. Розенблюта «Повышение чувствительности денервированных структур» [см.: 8] вышла в свет в США в 1945 г., в год смерти Уолтера Кеннона, и, таким образом, явилась своеобразным посмертным памятником ему. У нас в стране книга была опубликована в 1951 г., в разгар холодной войны, когда научные связи ученых Советского Союза и зарубежных стран были свернуты. У. Кеннон являлся другом И. П. Павлова, считался другом нашей страны, и публикация его книги у нас стала значительным событием в научной жизни. Исследования У. Кеннона и А. Розенблюта позволили В. С. Дерябину снять противоречия во взглядах на наличие или отсутствие трофических влияний СНС на скелетную мускулатуру (прим. ред.).

² Статья наша «О влиянии адреналина, ацетилхолина и удаления брюшных симпатических цепочек...» направлена в печать в Т. III «Академия наук СССР МАТЕРИАЛЫ ПО ЭВОЛЮЦИОННОЙ ФИЗИОЛОГИИ» (прим. авт.).

раздражении лишают ткань способности сопротивляться разрушительным постоянно внутри и вне организма действующим влияниям всякого рода» [11, с. 578]³. Введя в физиологию представление об антагонистических парах трофических нервов, он указал на «возможное универсальное и постоянное их влияние».

Проблема, ввиду ее огромного значения в жизни здорового и больного организма, привлекла внимание ряда отечественных ученых и изучалась с разных сторон, исходя из различных точек зрения. Немало уделялось внимания вопросу о влиянии СНС на трофику скелетных мышц, но последний вопрос вызвал среди физиологов разногласия и до сих пор остается спорным.

Л. А. Орбели с сотрудниками провел обширные систематические исследования влияния СНС на трофические процессы в скелетных мышцах⁴. Согласно результатам этих исследований Л. А. Орбели [см.: 9], экспериментально доказано, что раздражение симпатических нервных волокон: устраняет утомление мышцы и повышает ее деятельность – А. Г. Гинецинский (так называемый «Феномен Орбели-Гинецинского» – О. З.), меняет порог возбудимости нервно-мышечного прибора (В. В. Стрельцов; Л. А. Орбели, Л. Лапик).

Раздражением симпатикуса может быть вызван ряд биохимических изменений в мышце: повышение потребления кислорода в изолированной кураризированной мышце⁵ (Л. А. Орбели); отклонение в ходе окислительных процессов в веществе мышцы на стороне, где раздражался симпатический нерв (А. Н. Крестовников). При раздражении симпатических волокон наблюдалось изменение электропроводности в мышце лягушки (А. В. Лебединский) и др. Мы не будем перечислять всех установленных в лабораториях Л. А. Орбели фактов, показывающих влияние СНС на физико-химические процессы в мышечной ткани.

Несмотря на многообразие этих влияний, Л. А. Орбели не считал участие СНС в динамике мышечного сокращения необходимым условием

³ Последующими исследованиями С. В. Аничкова и его школы это положение И. П. Павлова было уточнено [см.: 1, 3, 5]. Показано, что к «нарушению жизненности ткани» приводит не чрезвычайное раздражение нервов, понижающих ее, а таковое нервов, усиливающих симпатическую активацию трофических процессов, но приводящих вследствие «чрезвычайного» (сильного и продолжительного) раздражения к истощению своих резервных возможностей (прим. ред.).

⁴ В соответствии с темой статьи, авторы основное внимание уделяют влиянию СНС на трофику поперечнополосатой (скелетной) мускулатуры. Вместе с тем Л. А. Орбели и его сотрудники [см.: 9] развили учение об адапционно-трофической функции этой системы в отношении центральной и периферической нервной систем, органов чувств и главным образом в отношении поперечнополосатой мускулатуры. Согласно общим представлениям трофика – это питание тканей. Различные определения понятия «трофика» подчеркивают ее общее свойство: способность к поддержанию структуры и функции органов и тканей на оптимальном уровне. В процессе эволюции трофика оказалась подчиненной нервному контролю («нервная трофика»). Согласно одному из обобщающих определений: «Под нервной трофикой следует понимать свойство нервной системы (и в первую очередь симпатического отдела) к поддержанию в клетке, ткани, органе и организме в целом интенсивности энергетических и пластических процессов, структурной целостности, функциональной готовности и функционального постоянства, резистентности к повреждающим воздействиям, а также ее свойство активировать восстановление структуры и функции после их нарушения» [4, с. 112–113] (прим. ред.).

⁵ «Кураризированная мышца» – мышца, подвергнутая действию нервнопаралитического яда кураре (прим. ред.).

функционирования поперечнополосатой мускулатуры [см.: 9]⁶. Взгляды Л. А. Орбели относительно влияния СНС на трофику тканей в свое время вызвали возражения со стороны Такихаши, Кеннона, Коатса и Тирс, Бериташвили и др., основанные также на экспериментальных исследованиях.

Cannon W. B. et al. [см.: 15]⁷, удаляя у котят пограничный симпатический ствол с одной или обеих сторон, от шейных узлов до последнего крестцового, нарушений трофических функций в отношении кожи и мускулатуры не наблюдал⁸.

В лаборатории И. С. Беритова у щенков удаляли поясничную и крестцовую симпатические цепочки. Задняя лапа, лишенная симпатической иннервации, росла так же, как и другие конечности. Никаких трофических расстройств не отмечалось. Однако в течение первых месяцев отмечался даже более быстрый рост десимпатизированных конечностей, что автор объясняет более сильным током крови в сосудах, лишенных тонического сужения. В работоспособности десимпатизированная конечность не уступала контрольной. Она развивала даже большее напряжение и утомлялась позднее нормальной [см.: 6]⁹.

Поэтому И. С. Беритов [см.: 2, с. 577–578] на основании своих опытов отрицает непосредственную трофическую функцию СНС, но допускает, что она осуществляет трофические влияния путем физико-химических изменений в составе крови и лимфы, не посылая непосредственных трофических импульсов.

Две группы ученых, опираясь на экспериментальные данные, приходят к противоположным результатам: к признанию или отрицанию трофической функции СНС.

С одной стороны, факты, говорящие о наличии трофической роли симпатикуса, остались не опровергнутыми; с другой стороны, нельзя отрицать отсутствия существенных трофических расстройств после удаления боковых симпатических стволов.

⁶ Согласно учению Л. А. Орбели [см.: 9] об адаптационно-трофической функции СНС, так называемые функциональные нервы, вызывающие специфическую деятельность ткани или органа (например, двигательные нервы скелетных мышц) управляют лежащими в основе указанной деятельности процессами обмена веществ; симпатические же нервы регулируют уровень этих процессов, возбудимость и работоспособность тканей и органов в условиях различных сильных и продолжительных нагрузок (адаптация). Поэтому десимпатизация не должна существенно влиять на трофические процессы в мышцах в покое (прим. ред.).

⁷ У. Кеннон [см.: 16] создал учение о единой симпатико-адреналовой системе, в которую, кроме СНС, входит адреналовая система – мозговой слой надпочечников, в котором синтезируется и из которого выделяется в кровь гормон А, по химическому строению и функции очень близкий медиатору (нейрохимическому посреднику между нервными окончаниями и мышечной тканью) СНСы норадреналину (НА). Недаром У. Кеннон называл А «жидким симпатикусом». Как НА-медиатор непосредственно, так и А-гормон через кровь воздействуют на чувствительные к ним тканевые рецепторы (иное название – адренорецепторы) [см.: 12]. При известном различии в действии НА и А на адренорецепторы разных тканей (НА взаимодействует с альфа-адренорецепторами, А – в большей степени реагирует с бета-адренорецепторами), их действие на поперечнополосатую мускулатуру однотипно. Таким образом, А-гормон в денервированной мышце берет на себя функцию НА-медиатора (прим. ред.).

⁸ Отметим здесь, что после разработки им проблемы повышения чувствительности денервированных структур У. Кеннон к вопросу о трофической роли симпатикуса не возвращался (прим. авт.).

⁹ Результаты опытов W. B. Cannon et al. [см.: 15] с десимпатизацией котят и Е. П. Закаряя [см.: 6] с десимпатизацией щенков можно объяснить тем, что у них СНС еще не была развита, в отличие от эволюционно более ранней гормональной адреналовой системы. При этом в условиях десимпатизации А принимает на себя функцию СНС (прим. ред.).

Мы полагаем, что кажущееся противоречия – признания или отрицания трофической роли СНС, устраняются, если к толкованию фактов, установленных по данному вопросу, подойти с точки зрения повышения чувствительности денервированных структур. Экспериментаторы, удалявшие цепочку симпатических узлов, ожидали, что операция повлечет за собой устранение трофической функции симпатикуса на стороне операции. Отсутствие же проявлений нарушения трофики в десимпатизированных конечностях рассматривалось ими как доказательство того, что СНС не обладает трофической функцией. Но в отношении симпатикуса такой взгляд представится неправильным.

Повышение возбудимости денервированных структур при наличии действия циркулирующего в крови А создает условия для сохранения функции органов, изолированных от центральных симпатических влияний.¹⁰

А, выделяющийся мозговым слоем надпочечников при энергичной мышечной работе, при эмоциях, боли и др., вызывает широко распространенную реакцию СНС во всем организме [см.: 7], в том числе и в десимпатизированных мышцах. Возбудимость их при этом не только сохраняется, но даже повышается. Об этом говорят и наши опыты, указанные выше (ссылка на первой странице на неопубликованную статью В. С. Дерябина и Л. Н. Дерябина «О влиянии адреналина...» – О. З.). Вследствие этого, хотя денервированные мышцы лишаются симпатических импульсов, идущих от симпатических центров, но принимают участие в общей мышечной деятельности организма.

Скорость биохимических реакций в тканях, иннервируемых СНС, поддерживается при этом на достаточной высоте или даже повышается¹¹. На это указывает тот факт, что, как отметил Е. П. Закаря, десимпатизированная конечность развивала даже большее напряжение и утомлялась позднее. Если принять во внимание повышение возбудимости денервированных симпатических структур к А, то результаты опытов с экстирпацией цепочек симпатических узлов не дают основания отрицать трофической функции СНС.

Список литературы

1. Аничков С. В., Заводская И. С., Морева Е. В. Веденева З. И. Нейрогенные дистрофии и их фармакотерапия. – Л.: Медицина, 1969. – 238 с.
2. Беритов И. С. Общая физиология мышечной и нервной систем. Т. 1. – М.: Медгиз, 1959. – 600 с.
3. Забродин О. Н. Влияние фармакологических веществ на развитие геморрагических эрозий и уровень норадреналина в стенке желудка у крыс // Фармакология и токсикология. – 1978. – № 1. – С. 32–36.

¹⁰ См. сноску 6 (прим. ред.).

¹¹ Согласно Л.А. Орбели [9], СНС регулирует в интересах организма, как целого, использование его резервов и мобилизует энергетические ресурсы. Установлено, что через альфа- и бета-аденорецепторы осуществляются активирующие влияния СНС, НА и А на трофические - пластические [14] и -энергетические [13, 17] процессы в тканях (прим. ред.).

4. Забродин О. Н. Проблема нервной трофики в трудах С. В. Аничкова и его школы // Физиологический журнал им. И. М. Сеченова. – 1993. – Т. 79. – № 12. – С. 109–114.

5. Заводская И. С., Морева Е. В. Фармакологический анализ механизма стресса и его последствий. – Л.: Медицина, 1981. – 214 с.

6. Закаряя Е. П. К проблеме симпатической иннервации скелетной мускулатуры в связи с операциями при спастических явлениях // Физиологический журнал СССР. – 1933. – Т. 16. – Вып. 4. – С. 675–692.

7. Кеннон В. Физиология эмоций. Телесные изменения при боли, голоде, страхе и ярости. – Л.: Прибой, 1927. – 173 с.

8. Кеннон В., Розенблют А. Повышение чувствительности денервированных структур. Закон денервации / Под ред. член-корреспондента АН СССР Х. С. Коштыянца. – М.: Издательство иностранной литературы, 1951. – 263 с.

9. Орбели Л. А. О некоторых достижениях советской физиологии. Избранные труды. Т. 2. – М.–Л.: АН СССР, 1962. – С. 587–606.

10. Павлов И. П. Лабораторные наблюдения над патологическими рефлексам с брюшной полости // Полное собрание сочинений. Т. I. – М.–Л.: АН СССР, 1951. – С. 550–563.

11. Павлов И. П. О трофической иннервации // Полное собрание сочинений. Т. I. – М.–Л.: АН СССР, 1951. – С. 577–582.

12. Ahlquist R. P. A Study of the Adrenotropic Receptors // American Journal of Physiology. – 1948. – Vol. 153. – № 3. – Pp. 586–600. DOI: 10.1152/ajplegacy.1948.153.3.586

13. Bell C., Seals D. S., Monroe M. B., Day D. S., Shapiro L. F., Johnson D. G., Jones P. P. Tonic Sympathetic Support of Metabolic Rate Is Attenuated with Age, Sedentary Lifestyle and Female Sex in Healthy Adults // The Journal of Clinical Endocrinology and Metabolism. – 2001. – Vol. 86. – № 9. – Pp. 4440–4444. DOI: 10.1210/jcem.86.9.7855

14. Bevan R. D. Influence of Adrenergic Innervation on Vascular Growth and Mature Characteristics // American Review of Respiratory Infections. – 1989. – Vol. 140 (5). – Pp. 1478–1482. DOI: 10.1164/ajrccm/140.5.1478

15. Cannon W. B., Nowton H. F., Brig E. M., Menken V., Moore R. M. Some Aspects of Physiology of Animals Surviving Complete Exclusion of Sympathetic Nerve Impulses // American Journal of Physiology. – 1929. – Vol. 89. – Pp. 84–107. DOI: 10.1152/ajplegacy.1929.89.1.84

16. Cannon W. B. Wisdom of the Body / Ed. by N. G. Norton. 2nd ed. – New York: W.W. Norton & Company, 1939. – 312 p.

17. Monroe M. B., Seals D. R., Shapiro L. F., Bell C., Johnson D., Parker Jones P. Direct Evidence for Tonic Sympathetic Support of Resting Metabolic Rate in Healthy Adult Humans // American Journal of Physiological Endocrinology and Metabolism. – 2001. – Vol. 280. – № 5. – Pp. 740–744. DOI: 10.1152/ajpendo.2001.280.5.e740

References

1. Anichkov S. V., Zavodskaya I. S., Moreva E. V., Vedeneeva Z. I. Neurogenic Dystrophies and Their Pharmacotherapy [*Neyrogennyye distrofii i ikh farmakoterapiya*]. Leningrad: Meditsina, 1969, 238 p.
2. Beritov I. S. General Physiology of Muscular and Nervous Systems. Vol. 1. [*Obschaya fiziologiya myshechnoy i nervnoy sistem. Tom 1*]. Moscow: Medgiz, 1959, 600 p.
3. Zabrodin O. N. Influence of Adrenergic Substances on the Development of Experimental Neurogenic Dystrophy of the Stomach Wall in Rats [Vliyanie farmakologicheskikh veschestv na razvitie gemorragicheskikh eroziy i uroven noradrenalina v stenke zheludka u krys]. *Farmakologiya i toksikologiya* (Pharmacology and Toxicology), 1978, no. 1, pp. 32–36.
4. Zabrodin O. N. The Problem of Nervous Trophism in the Works of S. V. Anichkov and His School [Problema nervnoy trofiki v trudah S. V. Anichkova i ego shkoly]. *Fiziologicheskij zhurnal* (Russian Journal of Physiology), 1993, vol. 79, no. 12, pp. 109–114.
5. Zavodskaya I. S., Moreva E. V. Pharmacological Analysis of the Mechanism of Stress and Its Consequences [*Farmakologicheskij analiz mekhanizma stressa i ego posledstviy*]. Leningrad: Meditsina, 1981, 214 p.
6. Zakaraya E. P. On the Problem of Sympathetic Innervation of Skeletal Muscles in Connection with Operations for Spastic Phenomena [K probleme simpaticheskoy innervatsii skeletnoy muskulatury v svyazi s operatsiyami pri spasticheskikh yavleniyakh]. *Fiziologicheskij zhurnal SSSR* (Journal of Physiology of USSR), 1933, vol. 16, no. 4, pp. 675–692.
7. Cannon W. B. Bodily Changes in Pain, Hunger, Fear and Rage: An Account of Recent Researches Into the Function of Emotional Excitement [*Fiziologiya emociy. Telesnye izmeneniya pri boli, golode, strakhe i yarosti*]. Leningrad: Priboy, 1927, 173 p.
8. Cannon W. B., Rosenblut A. The Supersensitivity of Denervated Structures: A Law of Denervation [*Povyshenie chuvstvitelnosti denervirovannykh struktur. Zakon denervatsii*]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1951, 263 p.
9. Orbely L. A. About Some Achievements of the Soviet Physiology [O nekotorykh dostizheniyakh sovetskoy fiziologii]. *Izbrannye trudy, Tom 2* (Selected Works, Vol. 2). Moscow–Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1962, pp. 587–606.
10. Pavlov I. P. Laboratory Observations of Pathological Reflexes from the Abdominal Cavity [Laboratornye nablyudeniya nad patologicheskimi refleksami s bryushnoy polosti]. *Polnoe sobranie sochineniy. Book I* (Complete Works, Vol. 1). Moscow–Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 550–563.
11. Pavlov I. P. About Trophic Innervations [O troficheskoy innervatsii]. *Polnoe sobranie sochineniy. Book I* (Complete Works, Vol. 1). Moscow–Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 577–582.
12. Ahlquist R. P. A Study of the Adrenotropic Receptors. *American Journal of Physiology*, 1948, vol. 153, no. 3, pp. 586–600. DOI: 10.1152/ajplegacy.1948.153.3.586

13. Bell C., Seals D. S., Monroe M. B., Day D. S., Shapiro L. F., Johnson D. G., Jones P. P. Tonic Sympathetic Support of Metabolic Rate Is Attenuated with Age, Sedentary Lifestyle and Female Sex in Healthy Adults. *The Journal of Clinical Endocrinology and Metabolism*, 2001, vol. 86, no. 9, pp. 4440–4444. DOI: 10.1210/jcem.86.9.7855

14. Bevan R. D. Influence of Adrenergic Innervation on Vascular Growth and Mature Characteristics. *American Review of Respiratory Infections*, 1989, vol. 140, pp. 1478–1482. DOI: 10.1164/ajrccm/140.5.1478

15. Cannon W. B., Nowton H. F., Brig E. M., Menken V., Moore R. M. Some Aspects of Physiology of Animals Surviving Complete Exclusion of Sympathetic Nerve Impulses. *American Journal of Physiology*, 1929, vol. 89, pp. 84–107. DOI: 10.1152/ajplegacy.1929.89.1.84

16. Cannon W. B. *Wisdom of the Body*. New York: W.W. Norton & Company, 1939, 312 p.

17. Monroe M. B., Seals D. R., Shapiro L. F., Bell C., Johnson D., Parker Jones P. Direct Evidence for Tonic Sympathetic Support of Resting Metabolic Rate in Healthy Adult Humans. *American Journal of Physiological Endocrinology and Metabolism*, 2001, vol. 280, no. 5, pp. 740–744. DOI: 10.1152/ajpendo.2001.280.5.e740

УДК 1(091)

Русская позитивно-реалистическая идея*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-011-00398 «Второй позитивизм в России: философская проблематика, влияние, критика».

Коробкова Светлана Николаевна – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Санкт-Петербург, Россия.

Email: korobkova@hf-guap.ru
SPIN: 4542-8623

Авторское резюме

Состояние вопроса: Современные когнитивные исследования, фокусирующиеся на изучении феномена сознания, вновь обращаются к психофизиологической проблеме. Необходимость определения онтологических оснований интеллекта, информации и связанных с ними явлений стимулируют поиск «общего знаменателя» для связи разнородных элементов действительности и определения границ духовного и материального.

Результаты: Идея русского философского реализма о корреляционной связи мира физического и мира психического, сосредоточение именно на изучении качеств и форм этих динамических отношений дает возможность реально построить объемную модель картины мира. Это существенно расширит горизонты нашего «видения».

Сторонники реалистического мировоззрения убеждены, что уяснение принципа всеобщей связи явлений целого дает ключ к пониманию эволюции; а это, в свою очередь, поможет дать адекватную оценку вновь образующимся феноменам действительности.

В своей исторической форме, на рубеже XIX–XX в., философский реализм при решении обозначенной задачи опирается на понятие «энергия», воспринятое в результате активного усвоения отечественной наукой идей эмпириокритицизма.

Вывод: Исследование философским реализмом необходимой связи теории и опыта сохраняет актуальность до сих пор. Для фактического решения насущных задач требуется разработка релевантной методологии познания с учетом трех моментов: новейших достижений науки и технологий, уровня интеллектуально-эволюционного развития человека, постоянной динамики среды. Ключевая позиция познающего субъекта должна принадлежать человеку.

* © Коробкова С. Н., 2021.

Ключевые слова: позитивизм; реализм; материализм; идеализм; корреляция физического и психического; познание; познающий субъект.

Russian Positivist and Realistic Idea

Korobkova Svetlana Nikolaevna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Saint Petersburg, Russia.

Email: korobkova@hf-guap.ru

Abstract

Background: Modern cognitive research, focusing on the study of the phenomenon of consciousness, turns again to the psychophysiological problem. The need to determine the ontological foundations of intelligence, information and related phenomena stimulates the search for a “common denominator” for connecting heterogeneous elements of reality and defining the boundaries of the spiritual and the material.

Results: The idea of Russian philosophical realism about the correlation between the physical and mental world, focusing on the study of the qualities and forms of these dynamic relations makes it possible to create a three-dimensional model of the world picture. This will expand significantly the horizons of our “vision”.

Supporters of a realistic worldview are convinced that understanding the principle of the universal connection of the phenomena of the whole gives the key to evolution interpretation. This, in turn, will help to give a careful assessment of the newly emerging phenomena of reality.

In its historical form, at the turn of the 19th – 20th centuries, philosophical realism in solving the problem mentioned above relies on the concept of “energy”, perceived as a result of the active acceptance of the ideas of empiriocriticism by Russian science.

Conclusion: The study of the close relationship between theory and experience by philosophical realism remains relevant up to now. For the solution of urgent problems, the development of a relevant methodology of cognition is required, taking into account three points: the latest achievements of science and technology, the level of intellectual and evolutionary development of human being, and the constant dynamics of the environment. The key position of the cognizing subject must belong to the person.

Keywords: positivism; realism; materialism; idealism; correlation of physical and mental; cognition; cognizing subject.

Корреляция физического и психического – это «старая» проблема, которая все еще остается актуальной для современного знания. Ибо с научной точки зрения все еще непонятно, как физическое внешнее воздействие и инструментально измеряемые процессы высшей нервной деятельности

человека трансформируются в сознании, не имеющем локализации в материальном мире.

В информационном обществе это вопрос определения границ человеческого как такового (читай, субъективного естественного сознания) и контролируемости этих границ: позволительно ли человеку, нормально ли для человека «выйти» за пределы своего сознания? Этой проблематикой занимаются когнитивные исследования, изучающие среди прочего и опыт психических нарушений (см., например, исследования К. Анохина, Т. Черниговской).

С другой стороны, очевидно, и нет надобности перечислять исторические примеры, когда воля отдельной личности, вдохновленная идеей-фикс, субъект сознания, прямым и непосредственным образом изменяли реальный, фактический ход истории. Социально-интеллектуальный аспект эволюции общества учитывают в современных исследованиях как синергетика, так и сфера NBIC-S-технологий.

До недавнего времени продуцирование знания считалось прерогативой человека. В настоящее время объемы информации не позволяют этого эффективно делать, а устраняют эту проблему интеллектуальные системы (условно говоря, думающие машины). На повестке дня – Big data, интеллектуальная обработка больших данных. Вопрос: где место думающего человека (познающего субъекта, субъекта сознания)?

Из субъективных наблюдений можно сделать вывод, что общество все еще находится на стадии накопления информации, но уже активно обсуждает вопрос о том, как ее систематизировать. В одном из произведений Стругацких содержится сюжет о «Великом опыте» по архивации и оцифровке всего объема знаний и информации профессора в момент его перехода из мира действительного, реального, в мир потусторонний, трансцендентный, дабы в этой трансформации сознания не «потерять» накопленный опыт (читай, не проходить вновь тот же путь познания, который занимает в настоящем непозволительно много времени). Да, конечно, это научная фантастика, но, во-первых, современные исследователи все чаще стали говорить о здравых интуициях писателей-фантастов [см.: напр., 1]; во-вторых, философия давно «крутится» вокруг идеи: что может быть мысленно представлено, то может быть реализовано – можно сделать осязаемым и воплотить в действительность (создать предмет); в-третьих, насущная проблема современного человека – быстрее проходить путь передачи знания, которое даже в момент передачи возрастает.

Сопряженно возникает вопрос субъекта и объекта: кто (что) есть истинный носитель информации и самосознающий субъект.

Для философии это не новая, но никак не решающаяся проблема. В материалистической традиции она носит название «психофизиологическая проблема» и имеет внушительную историографию. В метафизическом контексте – это вопрос психофизического параллелизма. А вот с позиции реализма – это идея корреляции физического и психического. Истоки этой идеи можно найти у И. Канта, А. И. Герцена; импульс к развитию в русской мысли

она получила благодаря рефлексии идей позитивизма – критическому осмыслению данных опыта.

Реализм – «непризнанный феномен» отечественной философии и, как следствие, не имеющий «прописки» в мировой философии. А между тем это течение мысли, мировоззрение, занимающее «срединное положение» не столько между материализмом и идеализмом (при поверхностном взгляде), но и между позитивизмом (эмпириокритицизмом) и западным критическим реализмом (при историческом подходе), и, шире, между европейской и восточной ментальностью (с концептуальной точки зрения).

Права философского реализма (отличного от «социально-революционного» писаревского варианта) в свое время отстаивали «запрещенный» царской цензурой философ-математик М. М. Филиппов и ученый мирового значения Д. И. Менделеев.

Филиппов впервые дает философское определение «реализма» в своем научно-энциклопедическом словаре: «Реализм – ново-латинское выражение, употребляемое в философских науках, в противоположность идеализму. Следует отличать практический реализм (житейский) от теоретического. Теоретический реализм может быть основан на теоретико-познавательной почве или на метафизике. Метафизический реализм, принимает отвлеченные понятия, категории нашего рассудка, за истинную сущность и основу всех вещей. От него резко отличается теоретико-познавательный реализм, имеющий разные оттенки: в самой грубой форме это так называемый наивный реализм, принимающий вещи такими, какими мы их воспринимаем. Более глубокий критический реализм согласен с идеализмом в том, что наши восприятия не дают понятия о вещах в себе, но тем не менее признает независимое от нас существование этих вещей» [2, стлб. 2849].

Д. И. Менделеев прямо ставит перед собой задачу утвердить реализм как философское основание естествознания, которое, в свою очередь, вносит существенный вклад в познание действительности, а на основании этого знания строится представление о необходимом жизненном пути и движении истории. «...Реализм лежит в основании всего естествознания, а от него и во всей совокупности развития современных мыслей», – утверждает ученый [3, с. 53].

Философский реализм Д. И. Менделеева держится на «трех китах» – постулировании единства трех субстратов бытия: материи, души и энергии. В этом можно усмотреть влияние гегелевской философии: тезис, антитезис, синтез. Однако в основе философской теории реализма лежит не принцип противоречия, как у Гегеля, а принцип аналогии. Всё есть части целого, состоящего из трех: сущее, должное, наличное; содержание, форма, энергия; природа, идеал, социум; материя, дух, действительность; тело, душа, жизнь; физическое, психическое, реальное; существующее, желаемое, текущее; опыт, умозрение, практика и т. п. Процессы бытия имеют аналогичную структуру, причем низшие дают ключ к пониманию высших.

Любопытно, что Менделеев считает реализм более свойственным русскому уму, чем другие формы мировоззрения. Он пишет: «...русский народ... представляет лучший пример народа реального, народа с реальными

представлениями» [3, с. 254]. Основано это убеждение на аналогии «срединности»: срединность реализма как умозрения и срединность географического положения России. Как наша история представляет пример сочетания азиатских и европейских идей, так и реализм представляет собой сочетание материалистических и идеалистических представлений. С одной стороны, русский народ всегда стремится во всем к воплощению идеала, с другой стороны, народ не может игнорировать свои материальные потребности, и только реализм, по мнению ученого, лишенный всякой односторонности, «внушает» необходимость сочетания того и другого.

В 1904 г. свет увидел сборник статей по философии «Очерки реалистического мировоззрения» [см.: 4], вокруг которого возникла широкая идеологическая дискуссия на предмет материалистических или идеалистических позиций. Однако в фокусе внимания этого сборника были а) вопросы теоретико-практических оснований познания, и б) вопросы системы познания. В этом ключе сборник имел, безусловно, прогрессивное значение для русской мысли, поскольку выводил отечественную философию на новый уровень рефлексии. Один из советских исследователей, А. Н. Иезуитов, анализируя опубликованную в этом сборнике работу Луначарского «Основы позитивной эстетики» писал: «...Необходимо сделать некоторые разъяснения относительно самого понятия «реализм»... Реализм в широком плане представляет собою учение о взаимоотношениях между природой и человеком, Я и средой, организмом и условиями его бытия. ...Сущность реализма как философско-эстетического явления составляет идея *зависимости*, внутренне объединяющая природу и человека, Я и среду, характер и обстоятельства» (курсив мой – С. К.) [5, с. 27]. Категория «отношения» (зависимости, связи) вычленяется как принципиальная.

В 1910 г. в Санкт-Петербургском издательстве, в серии «Библиотека самообразования» выходит сборник философских рассуждений, переводная книга с предисловием М. М. Ковалевского, «Родоначальники позитивизма» [см.: 6]. Среди авторов первого выпуска – совсем не те имена, которые могло бы ожидать философское сообщество. Первая статья в сборнике – «Идея всеобщей истории» И. Канта [см.: 6, с. 1–28], вторая и третья – работы французских просветителей, Д'Аламбера и А. Тюрго. Что связывает этих философов, по мнению мыслителей-издателей, с реалистически-позитивистской традицией? Не что иное, как постановка вопроса о корреляции физического (материального) и психического (духовного). Нет необходимости подробно разбирать работы из этого сборника, однако стоит обратить внимание на некоторые суждения.

Кант постулирует наличие всеобщего закона природы, которому подчинено всякое природное явление. Эта аксиома дает немецкому философу положительный ключ относительно прогнозирования человеческой истории (индивидуальной практической жизни и судьбы общества): если нет возможности с помощью естествознания «узнать» конкретные бытийные планы людей («разумный замысел»), то можно путем рационального упорядочивания казалось бы хаотичных действий человека и законов природы постичь замысел

самой природы и тем самым «привести» действия людей к определенному «плану природы». Эта блестящая мысль реализуется в современных когнитивных исследованиях, когда ученые, пытаясь проникнуть в суть сознания человека, моделируют искомое на сходных по принципу связи объектах. Но, тем не менее, момент перехода образа в практику (плана – в историю) остается все еще непонятным.

На это счет интересно рассуждение Д'Аламбера в «Очерке происхождения и развития наук» [см.: 6, с. 100–168]. Утверждается, что источник первичного знания – наши ощущения (позиция, совпадающая с материализмом); далее, ощущения наши многочисленны, и невозможно каждому ощущению противопоставить действительный предмет, который и вызывает это ощущение, невозможно путем рассуждения найти действительный переход от одного к другому, от ощущения к предмету. Этим как раз и занялись реалисты – стали искать корреляцию того и другого на практике, через опыт. Сам Д'Аламбер предположил, что только инстинкт «более верный, чем сам разум, мог бы заставить перепрыгнуть через такое громадное расстояние» [6, с. 101].

Тюрго в своем докладе, читанном в Сорбонне в декабре 1750 г. «Последовательные успехи человеческого разума» [см.: 6, с. 29–46], признавал поступательный ход развития знания и приводил в соотношение с ним и рост самого человечества: «Руководимые инстинктом и воображением, они [люди – С. К.] постепенно улавливали отношения между человеком и предметами природы, отношения, являющиеся единственными основаниями красоты» [6, с. 45]. Параллельность и взаимозависимость интеллектуального развития человека и общества и естественной природы – краеугольный камень реалистической теории.

Так сложилось, что в искусстве, которое настроено на творческое постижение эстетики и гармонии целого, учение реализма сыграло ключевую историческую роль. Отрадно, что все-таки и в философии рубежа веков реализм как умонастроение привлекал к себе внимание даже таких ортодоксальных деятелей, как В. И. Ленин. В известной работе «Материализм и эмпириокритицизм» [см.: 7] Ленин показывает, что одним и тем же словом «реализм» может называться и в основе своей материалистическая, и в сущности идеалистическая концепция, ибо сама идея зависимости может иметь различный смысл как в гносеологическом (теоретико-познавательном), так и в социологическом аспектах.

Важно качество *отношения* сознания человека к познаваемому им миру. Если занимается такая исследовательская позиция, что внешний мир существует независимо от человеческого сознания, но при этом, воздействуя на него, провоцирует к преобразовательной деятельности, мы имеем материалистическую картину мира. Если исследователь занимает позицию первого русского реалиста, А. И. Герцена, исходя из того, что бытие без мышления – часть, а не целое, и наше мышление уже есть проектирование внешнего мира, то он оказывается на месте гносеологического идеализма, и с этой точки зрения мир видится иначе. Но в любом случае утверждается

активная роль познающего субъекта. Человек в системе реализма – действительная созидаящая и трансформирующая сила!

Реализм не устанавливает приоритетов материального и духовного – он рассматривает материальное и идеальное (конкретное и абстрактное) в диалектической взаимосвязи через призму человеческого действительного бытия.

Таким образом, объектом реализма как философской концепции является отношение: материального и идеального, действительного и мыслимого, естественного и создаваемого, физического и психического, личного и общественного, человека и Бога, жизни и искусства, опыта и теории и т. п. Этим вполне объясняется многообразие форм и направлений реализма.

Действительно, в *гносеологическом* плане реалистические философские концепции ставили вопрос о критериях и методах познания действительности. При этом мыслители исходили из представления о том, что действительность есть система, элементы и структуры которой находятся между собой в закономерной взаимосвязи. Цель познания – изучить связи внутри целого, чтобы иметь возможность прогнозировать эволюцию этого целого и отдельных его элементов. Проблема истинности знания решалась эмпирически. Отличительная особенность реалистического понимания действительности – гносеологический релятивизм, то есть принципиальный отказ от абсолютности знания (идеал-реализм Л. Франка, Н. Лосского).

В *онтологическом* аспекте русский философский реализм принимает вундовскую точку зрения о разных уровнях бытия и гипостазирует жизнь как реальное бытие. Философский реализм – это жизненная философия, где категория «жизнь» выступает как центральная. В отличие от экзистенциальных теорий, реалистическая философия исследует не пограничные, особые состояния, а, наоборот, выявляет естественный ход бытия, закономерное. Реально то, что есть. Единство бытия обеспечивается разнообразием форм материи: вещество (физическая материя), энергия (динамическая материя), мысль, идеи (идеальная материя). Ярким примером этого является концепция С. А. Суворова [см.: 4, с. 1–113].

В *социально-антропологическом* плане с позиции философского реализма человек есть часть природы, включенная в общую систему бытия и имеющая конкретный моральный и социально-исторический статус в этой системе. Объектом изучения здесь становится триада «природа – человек (общество) – идеал» (школа И. Сеченова – И. Павлова, теории И. Мечникова, А. Ухтомского, А. Богданова, Д. Менделеева, М. Филиппова и др.).

Русский реализм конца XIX – начала XX в. подчиняет основания двух фундаментальных философских систем – материю и дух – более общему принципу, энергии. В этом выразилось абсолютное влияние факта открытия физикой одного из универсальных законов – закона сохранения и превращения энергии (Ю. Р. Майер), закона постоянства энергии или «единства сил природы» (Г. Гельмгольц), а также чрезвычайная популярность работ эмпириокритицистов, которые инспирировали активные идейные дискуссии.

«Энергия» – понятие, которое становится методологически принципиальным для представителей реалистического направления. Было установлено, что все виды энергии – механическая, тепловая, электрическая и магнитная – переходят друг в друга, а это, в свою очередь, означает количественную соотнесенность всех явлений. Энергия – реальное основание всеобщей связи явлений действительности. Физик А. Г. Столетов, отмечая роль Гельмгольца в науке, писал: «...оценку энергии и подсчет баланса мы смело прилагаем и к таким процессам, о механизме которых мы не составили себе подробных и ясных представлений. ...нет надобности знать или воображать себе, что здесь делается с частями вещества... мы можем оставаться на фактической почве и тем не менее сказать нечто важное и точное о процессе. Мы должны только подметить, какими доступными опыту величинами (параметрами) можно охарактеризовать энергию процесса... Такой способ верно рассуждать о явлении, не покушаясь составить его отчетливый, но гадательный рисунок, представляет методологическую новость, которая выгодно оттеняет весь дальнейший ход науки» [8, с. 311].

Именно с помощью «энергичности» объяснялось единство материального и идеального. Отметим, что у Гельмгольца, а ранее у Канта энергия как сила есть проявление материи. Освальд «уничтожил» материю, превратив энергию в онтологическую субстанцию. Ученые-реалисты восприняли понятие «энергии» методологически, сделав вывод, что «качественно различные порядки явлений стоят в определенном количественном отношении друг к другу» [4, с. 66]. Таким образом, наука пришла к двум универсальным понятиям – материя и энергия, окончательно установив динамическую картину мира. Эволюция во всех сферах бытия осуществляется по степеням и уровням: уровень эволюционного развития зависит от степени накопления энергии того или иного фактора (физического, биологического, экономического, психического или интеллектуального). Это тезис был положен в основу теории многофакторного развития М. М. Филиппова [см., напр.: 9].

Физик А. А. Эйхенвальд в своей речи на XII съезде естествоиспытателей (6 января 1910 г.), посвященной доказательству «родства» материи и энергии как двух универсальных понятий, отмечал, в чем состоит интерес ученых, направляющих свои силы на поиск единых принципов и закономерностей: «...Они видят, что связанные ими области вовсе не так резко отличаются друг от друга, как это казалось при начале их изучения; оказывается, что между ними очень много общего, что они находятся даже в некотором родстве, в таком же гармоническом родстве, как родственны, например, два звука одного аккорда. И чем выше научный принцип, тем не только большее число разнородных областей знаний соединяется воедино, но тем больше гармонии в этом единстве. Наступает совершенно особого рода цельное, эстетическое наслаждение, которое и увлекает к научной работе...» [10, с. 12–13].

Теория энергетизма нашла свое отражение в русской школе физики А. Столетова – Н. Умова – П. Лебедева, монистической теории В. Бехтерева, философско-религиозных взглядах Святителя Луки и др. Некоторые

современные исследования в области синергетики также строятся на понятии «энергия» (см.: напр., работы С. С. Хоружего).

Итак, в наследство от реализма, инспирированного позитивизмом, русской философии достались следующие принципиальные установки:

- мир есть целое, имеющее одно основание (холизм, монизм);
- разнородные элементы целого диалектически взаимосвязаны;
- мир многомерен и подвижен.

Однако этого недостаточно. С точки зрения русского реализма, любая теория имеет значение настолько, насколько она дает материал для практической жизни. В этом смысле наука и философия равноценны как формы мировоззрения. Философия обозначает контуры парадигмы, в рамках которой решаются задачи, наука поставляет «сырье», конкретный материал, с помощью которого возможно решение актуальных задач. Результатом диалога философии и науки, с позиции реализма, должна быть некоторая социальная теория, представляющая концепцию эволюции (прогресса) человека и общества. Причем важно то, что никакая теория не является окончательной и абсолютной. «Путь» развития и содержательное понимание идеала (цели) развития всегда находятся в движении и могут корректироваться в зависимости от качества и объема фундаментального знания. Философский реализм как теоретическая концепция – система представлений о возможных путях эволюции, как практическое учение – научно обоснованные суждения о цели развития, о благе.

Актуальным является пропаганда философским реализмом необходимой связи теории и опыта. Реализм – самобытный и продуктивный результат рецепции позитивизма в русской философии.

В результате рассуждений о реализме приходит устойчивое убеждение, что в настоящее время необходима разработка релевантной методологии познания с учетом трех моментов: новейших достижений науки и технологий, уровня интеллектуально-эволюционного развития человека, постоянной динамики среды. Это уже не может быть какая-то одна точка зрения (позиция) и даже плоскость наблюдения (срез, дискурс) – это должно быть объемное видение (голографический мир – «все в каждой части»). И роль познающего субъекта здесь только увеличивается. Человек обладает уникальной способностью благодаря сознанию игнорировать физическое время и пространство и соединить в целую картину то, что в действительности не соприкасается – человек обладает способностью мыслить в хронотопе бытия.

Список литературы

1. Горохов П. А. Философские представления о «человеке будущего» в мировой фантастике // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2019. – № 3. – С. 28–46. – URL: <http://fikio.ru/?p=3700> (дата обращения 01.09.2021).

2. Научно-энциклопедический словарь: в 3-х т. Т. 3 / под ред. М. М. Филиппова. – СПб.: журнал «Научное обозрение», 1901. – 2689–4208 стб.

3. Менделеев Д. И. Заветные мысли // Собрание сочинений: в 25 т. Т. 24. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. – С. 253–454.
4. Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. – С.-Пб.: Издание С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1904. – 676 с.
5. Иезуитов А. Н. Ленин и Луначарский // А. В. Луначарский / исследования и материалы. – М.: Наука, 1978. – С. 27–38.
6. Родоначальники позитивизма / Пер. И. А. Шапиро; с предисл. проф. М. М. Ковалевского. – Вып. 1. – СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1910. – 171 с.
7. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. – М.: Издательство политической литературы, 1967. – 383 с.
8. Столетов А. Г. Гельмгольц и современная физика // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. – М. – Л.: Гостехиздат, 1941. – С. 307–340.
9. Коробкова С. Н. Социально-экономическая теория К. Маркса в объективе русского критического реализма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2015. – № 6. – С. 71–85. – URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2015-6/5-korobkova.pdf> (дата обращения 01.09.2021).
10. Эйхенвальд А. А. Материя и энергия. Речь, произнесенная на заключительном общем собрании XII съезда естествоиспытателей и врачей в Москве. – М.: Типография И. Н. Кушнерев и К, 1910. – 16 с.

References

1. Gorokhov P. A. Philosophical Ideas about the “Humans of the Future” in World Science Fiction [Filosofskie predstavleniya o “heloveke buduschego” v mirovoy fantastike]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2019, no. 3, pp. 28–46. Available at: <http://fikio.ru/?p=3700> (accessed 01 September 2021).
2. Filippov M. M. (Ed.) Scientific and Encyclopedic Dictionary: in 3 vol. Vol. 3 [*Nauchno-entsiklopedicheskiy slovar: v 3 t. T. 3*]. Saint Petersburg: zhurnal “Nauchnoe obozrenie”, 1901, col. 2689–4208.
3. Mendeleev D. I. Cherished Thoughts [Zavetnye mysli]. *Sobranie sochineniy: v 25 t. T. 24* (Collected Works: in 25 vol. Vol. 24). Moscow – Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1952, pp. 253–454.
4. Essays on a Realistic Worldview: Collected Articles on Philosophy, Social Science and Life [*Ocherki realisticheskogo mirovozzreniya. Sbornik statey po filosofii, obschestvennoy nauki i zhizni*]. St. Petersburg: Izdanie S. Dorovatovskogo i A. Charushnikova, 1904, 676 p.
5. Iezuitov A. N. Lenin and Lunacharsky [Lenin i Lunacharskiy]. in A. V. Lunacharskiy. *Issledovaniya i materially* (A. V. Lunacharsky. Research and Materials). Moscow: Nauka, 1978, pp. 27–38.
6. The Founders of Positivism. Iss. 1 [*Rodonachalniki pozitivizma. Vyp. I*]. Saint Petersburg: Brokgauz i Efron, 1910, 171 p.
7. Lenin V. I. Materialism and Empirio-criticism [*Materializm i empiriokrititsizm*]. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1967, 383 p.

8. Stoletov A. G. Helmholtz and Modern Physics [Gelmgolts i sovremennaya fizika]. *Sobranie Sochineniy: v 3 t. T. 2* [Collected Works: in 3 vol. Vol. 2]. Moscow: Gostekhizdat, 1941, pp. 307–340.

9. Korobkova S. N. The Socio-economic Theory of Marx in the Focus of Russian Critical Realism [Sotsialno-ekonomicheskaya teoriya K. Marksa v obektive russkogo kriticheskogo realizma]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* (Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being), 2015, no. 6, pp. 71–85. Available at: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2015-6/5-korobkova.pdf> (accessed 01 September 2021).

10. Eykhenvald A. A. Matter and Energy. Speech Delivered at the Final General Meeting of the XII Congress of Naturalists and Doctors in Moscow [*Materiya i energiya. Rech, proiznesennaya na zaklyuchitelnom obschem sobranii XII sezda estestvoispytateley i vrachey v Moskve*]. Moscow: Tipografiya I. N. Kushnerev i K, 1910, 16 p.

УДК 1(091); 141.1

Проблематика философии жизни в русском эмпириокритицизме*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 19-011-00398 «Второй позитивизм в России: философская проблематика, влияние, критика».

Рыбас Александр Евгеньевич – Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, кафедра русской философии и культуры, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия; Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, ассоциированный научный сотрудник, Санкт-Петербург, Россия.

Email: alexirspb@mail.ru

SPIN: 5531-0040

ORCID: 0000-0003-2120-2667

ResearcherID: N-2482-2013

Scopus ID: 57197709027

Авторское резюме

Состояние вопроса: Одной из особенностей русского эмпириокритицизма является введение понятия «жизнь» в качестве фундаментальной философской категории, позволяющей обосновать наличие когнитивного доступа к реальности. На Западе и Авенариус, и Мах, а также их последователи считали такую задачу заведомо невыполнимой, полагая, что всякий разговор о безусловном непременно приведет к реставрации метафизики. В России же сторонники второго позитивизма попытались, с одной стороны, найти такое основание, а с другой – не допустить возврата к метафизике. В результате возникла оригинальная философская школа, сочетающая в себе черты европейской и русской традиций мысли. В исследовательской литературе «русский махизм», как правило, изучается преимущественно в контексте идейного влияния со стороны европейской философии, в то время как оригинальность ему придает специфика русской философской культуры.

Результаты: Следует выделить основные специфические черты «жизни», позволяющие использовать этот термин в контексте позитивной философии: 1) эмпирическое происхождение содержания данного понятия, обуславливающее тождество мысли и жизни; 2) акцент на конкретном, случайном без противопоставления его всеобщему и необходимому; 3) возможность преодоления метафизического дуализма и построения научной (позитивной) философии. Эта концепция «философии жизни», представленная в статье С. А. Суворова, открывающей сборник «Очерки реалистического мировоззрения» (1905), непосредственно связана с теориями «живого опыта» А. А. Богданова и эмпириосимволизма П. С. Юшкевича.

* © Рыбас А. Е., 2021.

Выводы: Проблематика жизни является характерной для второго позитивизма в России в целом. Можно говорить об особой позитивной философии жизни, которая выступает общим теоретическим базисом для различных версий русского эмпириокритицизма.

Ключевые слова: русский позитивизм; эмпириокритицизм; научная философия; философия жизни; история русской философии.

Problems of Philosophy of Life in Russian Empiriocriticism

Rybas Aleksandr Evgenievich – Saint Petersburg State University, Institute of Philosophy, Russian Philosophy and Culture Department, PhD (philosophy), associate professor, Saint Petersburg, Russia; Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – branch of the RAS FSRSC, Associate Research Fellow, Saint Petersburg, Russia.

Email: alexirspb@mail.ru

Abstract

Background: One of the features of Russian empiriocriticism is an attempt to use the concept of “life” as a fundamental philosophical category that allows us to substantiate the cognitive access to reality. In the West, both R. Avenarius and E. Mach, as well as their followers, considered such a task obviously impracticable, believing that referring to the unconditional essences will inevitably lead to the restoration of metaphysics. In Russia, however, the supporters of the second positivism tried, on the one hand, to find such an access, and on the other, to prevent a return to metaphysics. As a result, an original philosophical school emerged, combining features of the European and Russian traditions of thought. In research literature, “Russian Machism” is usually studied primarily in the context of ideological influence exerted by European philosophy, while its originality was determined by the specificity of Russian philosophical culture.

Results: The specific features of “life” are shown, which make it possible to use this term in the context of positive philosophy: 1) the empirical origin of the content of this concept, which determines the identity of thought and life; 2) an emphasis on the concrete, the accidental without opposing it to the universal and necessary; 3) the possibility of developing a scientific (positive) philosophy due to the overcoming of metaphysical dualism. The author analyzes the “philosophy of life” presented in the work by S. Suvorov, which opens the collection “Essays on a Realistic Worldview” (1905); parallels are drawn between his philosophy of life and the theories of “living experience” by A. A. Bogdanov and the empirio-symbolism by P. S. Yushkevich.

Conclusion: The problem of life is characteristic of the second positivism in Russia as a whole. There is a special positive philosophy of life, which serves as a general theoretical basis for various versions of Russian empiriocriticism.

Keywords: Russian positivism; empiriocriticism; scientific philosophy; philosophy of life; the history of Russian philosophy.

Если рассматривать русский эмпириокритицизм в контексте европейского, то сразу же можно заметить существенные расхождения между ними [см.: 7; 10]. Одно из кардинальных различий заключается в том, что «большинство русских позитивистов, в отличие от традиции Западной Европы, стремились к тому, чтобы выявлять личностные моменты интеллектуального освоения людьми окружающей их действительности» [5, с. 132]. Это привело к рассмотрению познания прежде всего в контексте его общественного использования и вытекающей отсюда ценности для жизни человека, что, в свою очередь, актуализировало задачу обоснования его объективности. Таким образом, русские «махисты» не отказались от поиска предельного основания для познания с целью показать возможность когнитивного доступа к реальности. На Западе и Авенариус, и Мах, а также их последователи считали такую задачу заведомо невыполнимой, полагая, что всякий разговор о безусловном непременно приведет к реставрации метафизики. В России же сторонники второго позитивизма попытались, с одной стороны, найти такое основание, а с другой – не допустить возврата к метафизике. В результате возникла весьма специфическая философская позиция, позволяющая обосновать познаваемость мира и в то же время сохранить его принципиальную открытость.

Так, А. А. Богданов, аргументированно критикуя непоследовательность Р. Авенариуса в преодолении традиционного метафизического дуализма [см.: 6, с. 75–80], вводит понятие «живого» опыта, подчеркивая, что «опыт» изначально имеет не только теоретический, но и практический смысл [см.: 1]. Как отмечает М. В. Локтионов, «философия живого опыта не может быть представлена идеализмом и материализмом, поскольку эти явления отдаляли “материю”, отражающую сопротивление активности объекта, от “идеи”, которая создает формы активности» [4, с. 78]. Несмотря на то, что материализм и идеализм представляют собой противоположные философские позиции, они являются одинаково метафизическими, потому что используют категории «материя» и «дух» исключительно теоретически, не сопоставляя их с практической деятельностью человека.

Понятие «опыт», утверждает Богданов, имплицитно содержит в себе как свое условие труд человека, потому что образуется в результате совокупной трудовой активности всего человечества, направленной на преодоление сопротивлений со стороны «материальности» природы. Кроме того, в понятии «опыт» содержится и указание на цель труда, которая заключается в достижении оптимально организованной сферы человеческой деятельности – «мира», в котором человек живет и который он делает предметом своего познания. Таким образом, трудовой опыт – это опыт динамический, постоянно изменяющийся, или «живой». Он лежит в основе как «объективной» реальности – социально согласованного опыта, так и «субъективного» мира – личного опыта человека, что позволяет «связать психический и нервно-физиологический ряды в один “процесс”, различно воспринимаемый, но целостный, не психический и не физиологический, но психофизиологический, – как человеческое тело не есть комплекс зрительный или тактильный, но

зрительно-тактильный» [2, с. 32]. «При этом, – пишет Богданов, – теряет смысл и самое противопоставление “физического” и “психического”. Опыт, организованный индивидуально, входит в систему опыта, организованного социально, как его нераздельная часть, и перестает составлять особый мир для познания. “Психическое” исчезает в объединяющих формах, созданных познанием для “физического”, но и физическое перестает быть “физическим”, как только у него нет его постоянной антитезы – психического. Единый мир опыта выступает как содержание для единого познания. Это – эмпириомонизм» [2, с. 33].

П. С. Юшкевич обнаруживает когнитивный доступ к реальности, проясняя ее действительное содержание [см.: 9]. Он критикует субстанциализм – идеологию «возведенных в абсолют осязательных ощущений» [9, с. 145] – и приходит к выводу, что единственной реальностью, которая дана человеку и частью которой он является, следует признать реальность символического. Поскольку в действительности «есть только эмпириосимволы» [9, с. 126], то деление содержания опыта на чистые факты, или абсолютно данное, и чистые символы, или абсолютно созданное, является неверным, так как допустимо говорить лишь о делении эмпириосимволов по виду и степени символизации. Очевидно, что при таком делении мы получим не две онтологически разнородные сферы опыта, а два противоположные направления, в которых можно исследовать единую и непрерывную реальность. «Вообще быть реальностью, – пишет Юшкевич, – значит собственно быть известным эмпириосимволом. Так называемая же настоящая реальность, бытие “само по себе”, – это та инфинитная, предельная система символов, к которой стремится наше познание» [9, с. 136]. И чистое бытие, и чистая символизация представляют собой пустые абстракции, они возникают вследствие желания упростить предметность познания, найдя точку опоры в беспрестанном потоке становления. Так же обстоит дело и с идеей «данности» сущего как объекта знания. «Если уже говорить о данном, – утверждает Юшкевич, – то основное, первичное и даже единственное данное – это поток сознания, всепроникающая взаимная связь и соотносительность переживаний. Все связано со всем, все может означать все, все потенциально символизирует все» [9, с. 125]. Понятно, что данное не может мыслиться, причем не только как нечто конкретное. Оно не может также считаться реальностью, потому что все то, что существует, существует постольку, поскольку оно осмыслено, и настолько, насколько оно познано. «Иррациональность, иллогичность данного преодолевается рациональностью эмпириосимволов, которые и являются нашим Логосом» [9, с. 146]. Как отмечает С. С. Гусев, предложенный Юшкевичем эмпириосимволизм «пытался связать понятие “объективной реальности” не с объединением чувственных восприятий, из которых Мах намеревался построить “элементы мира”, а с логическими отношениями между понятиями, с помощью которых ученые конструируют межсубъективное знание» [3, с. 308].

С. А. Суворов прямо говорит о «жизни», под которой он понимает то, что стоит и за живым опытом, и за реальностью эмпириосимволов. Важный для философской эволюции русского эмпириокритицизма сборник статей «Очерки

реалистического мировоззрения» (1905) не случайно открывается программной работой Суворова «Основы философии жизни». Очевидно, здесь выражается общий для всех авторов сборника взгляд, согласно которому «жизнь» может быть понята как предельная философская категория, позволяющая обосновать возможность познания истины, избежав апорий метафизического мышления.

Сразу же можно указать на ряд специфических черт «жизни», позволяющих понять уместность использования этого термина в контексте позитивной философии.

Во-первых, жизнь – это понятие, содержание которого имеет всецело эмпирическое происхождение: жизнь переживается – и поэтому мыслится; мышление и переживание жизни – одно и то же в акте мысли. Отсюда следует вывод о тождестве мысли и жизни – тезис, который кардинальным образом противопоставляется известному метафизическому положению о тождестве мысли и бытия. Если последнее располагает к построению системы абстракций, которые рано или поздно обнаружат свою фиктивность, то первый ведет к преодолению дуализма и пониманию философии как творчества жизни исходя из ее действительного познания.

Во-вторых, понятие «жизнь» помогает акцентировать внимание на конкретном, индивидуальном, случайном, не противопоставляя его всеобщему и необходимому. Разум при этом понимается как форма жизни, в том числе конкретного человека, а не как трансцендентальный субъект. Познание с этой точки зрения представляет собой процесс жизнедеятельности, причем верификация познанного ведется посредством анализа состоявшихся форм жизни.

В-третьих, «жизнь» как основополагающая категория, обуславливающая когнитивный доступ к реальности, делает философию «позитивной», или «научной». Таким образом, философия жизни не может быть иррациональной, как это принято зачастую считать, она представляет собой результат разумного познания. Соответствуя критериям научности, философия жизни утверждается как система относительных истин, однако это не мешает ей быть полным знанием, потому что завершенность истолковывается в данном случае как условие разумности мышления конкретного человека (эпохи, школы, человечества в целом) в конкретных обстоятельствах, то есть исходя из его индивидуального (социального) опыта. В результате снимается противопоставление вещи в себе и явления, и система определенностей предстает не как покрывало Майи, обман, иллюзия, а как истинное – объективное – знание, насколько оно доступно человеку.

Суворов, интерпретируя положительную философию как философию жизни, утверждал, что понять познание и связанный с ним язык можно только как явления жизни. «С точки зрения философии жизни, – продолжал Суворов, – не только процесс познания, но и все содержание сознания слагается из проявлений жизненного процесса, из *переживаний*» [8, с. 29]. Переживания разделяются на три вида: непосредственно данные (содержание субъективного и объективного опыта), познавательные определенные и чувственные. Это не значит, однако, что переживания существенно отличаются друг от друга – речь

идет только о различных определениях переживаний, и разделение их является условным. «Все переживания можно прежде всего рассматривать как непосредственно данное: восприятие внешних явлений, процесс познания, состояния воли и чувства» [8, с. 29].

Переживания разложимы на элементы – ощущения, которые Суворов определяет как «первичные испытывания процесса жизни с его реакциями на воздействия среды» [8, с. 41]. Если ощущения не сложились в чувственные образы, то они не образуют опыта, а являются только его элементами, которые имеют уже познавательное содержание, или качество (различия вкусов, звуков, цветов и т. п.), и чувственный тон (окраска приятного или неприятного). Синтез ощущений образует восприятие (образ), которое выступает начальным моментом объективации: «Объективация содержания совершается самим актом созерцания: данное и сущее сливаются в единство наличного явления» [8, с. 48]. Затем при помощи абстракции из богатого содержанием данного переживания создаются представление и понятие, которое закрепляется в слове. Таким образом, слово – это символическая фиксация переживания в понятии посредством представления.

Согласно Суворову, понимание переживаний и созданных из них представлений и понятий является интуитивным. Понятийному мышлению предшествует и затем существует наряду с ним образное мышление – досоциальная форма познания, непосредственное понимание явлений. Более того, «интуитивная деятельность ума представляет основу и материал для рассудочного мышления, органически связанного с формами речи» [8, с. 51]. С помощью интуиции понимаются не только элементарные переживания и слова, но и сложные отношения между комплексами элементов, причем интуитивное понимание может быть намного быстрее и правильнее рассудочного. «В интуитивном познании выражается та непосредственная мощь живой природы, примерами которой служат и инстинкты животных, и сметливость простого народа, и созерцание гения» [8, с. 51].

Признавая жизненное содержание любой мысли и утверждая ее тесную связь с языком, Суворов, однако, не соглашается с положением М. Мюллера о том, что «нет разума без языка, нет языка без разума», поскольку на начальном этапе развития речи формы выражения психического опыта не являются понятийными. Эволюцию языка Суворов представляет в виде последовательного прохождения трех этапов.

На первом этапе психические переживания проявляются без сознательного намерения сообщить о них другим людям: таковы «выражающие движения» (мимика, жесты, движения частей тела, меняющаяся окраска кожи и т. д.) и «выражающие звуки» (крики боли, испуга, радости и пр.). На втором этапе выражающие движения и звуки преобразуются в формы сообщения – язык жестов и язык звуков: это уже средство общения, однако оно является всецело интуитивным, так как за определенными звуками или жестами еще не закрепляются соответствующие значения. Наконец, на третьем этапе возникает язык в полном смысле этого слова. Первыми понятиями были звукоподражательные корни, которые образовались при помощи абстракции от

выражающих звуков: по мере того, как модуляция тона и артикуляция звука вносят множество оттенков в выражающие звуки, которые при этом используются для общения, язык звуков утрачивает свою первоначальную изобразительность и трансформируется в членораздельную речь, элементы которой представляют общие действия людей, необходимые для существования социума, а также повторяющиеся явления внешней среды, имеющие жизненное значение для человека. Затем из звукоподражательных корней создаются все остальные понятия.

Для доказательства своих воззрений Суворов ссылается на данные сравнительного языкознания и прежде всего на теорию Л. Нуаре, согласно которой язык образовался из возгласов, сопровождавших общественно-трудовые акты людей. По Нуаре, когда первобытные люди занимались какой-нибудь однородной работой, особенно ритмической, они сопровождали свои действия (движения тела) вибрациями голоса. Эти звуки, во-первых, были знаками повторяющихся актов и, во-вторых, были понятны для всех. Общепонятный знак повторяющегося акта – это и есть зародыш слова, звукоподражательный корень – первое понятие, содержание которого представляло многие акты как один акт.

Возникновение языка Суворов связывал с необходимостью выработки мифологического мировоззрения – исторически первой формы идеологического единения людей. Согласно Суворову, слова обозначали сначала собственные действия и состояния людей, а потом стали использоваться для обозначения действий и состояний объективного мира. Ключом к пониманию всей действительности послужил человеку его субъективный, личный опыт, и все существующее стало представляться человеку сообразно с тем, что было более всего ему знакомо. «В создании мифов деятельность воображения не является произвольной и случайной, – писал Суворов, – она проникнута внутренней закономерностью и смыслом. Основой мифологического творчества является действительность, как содержание опыта; из нее черпается материал воображения, по ее образу, под ее влиянием и ради ее объяснения создаются мифы. Мифический мир есть отраженный мир опыта, подчиненный субъективному принципу объяснения» [8, с. 16].

По мнению Суворова, основной механизм создания мифологического мировоззрения представляет собой по форме аналогию (заключение от сходства явлений к сходству производящих их причин), по содержанию – метафору (перенос содержания субъективного опыта на опыт объективный), по принципу объяснения – обусловленность в форме мотивации (трактовку явлений по образу человеческих действий). Этот же механизм является и механизмом создания первого языка, который зафиксировал отношение людей к действительности и позволил им расширить их самочувствие и самосознание до чувства и сознания жизни всеобщей. Благодаря языку был создан новый мир – мир поэтического отражения человеческой жизни, взятой во всей совокупности ее возможного содержания. «Он населен был могучими, прекрасными и грозными существами, олицетворявшими стихийную мощь

природы и великие силы, движения и формы жизни» [8, с. 18].

Дальнейшее развитие языка и мышления привело к трансформации мифологии в метафизику. Метафизическое мировоззрение характеризуется прежде всего догматизацией поэтических определений сущего, превращением их в трансцендентные сущности и дуалистическим объяснением мира. В результате мифологические теогония и космогония преобразуются в метафизические теологию и космологию, содержание опыта интерпретируется при помощи сверхопытных инстанций, причем «самый вывод временных явлений из вечной первоосновы совершается или непосредственно, или через посредство вторичных сущностей, соответствующих отдельным явлениям или классам явлений» [8, с. 20].

Подобно Авенариусу, Суворов демонстрирует опытную основу метафизических понятий и объясняет их происхождение применением логической операции отрицания. Это отрицание бывает двояким: прежде всего, могут отрицаться содержательные признаки предметов, и тогда метафизические понятия будут представлять собой простое отрицание эмпирических свойств (таковы все атрибуты духовных субстанций – простота, неделимость, неосязаемость и т. д.); в другом случае отрицаются не признаки предметов, а признаки их признаков, например конечность, неотделимая от всякого опытного содержания, вследствие чего то или иное качество предмета становится абсолютным (таким способом образуются все метафизические понятия, имеющие безусловное значение). Так или иначе, но, «оторванные от той почвы, из которой они выросли, отвлеченные понятия становятся самобытными сущностями, получают значение высших реальностей, скрытых за эмпирическим бытием» [8, с. 20].

Развитие метафизики приводит к появлению ее высшей формы – метафизического универсализма, который создает условия для возникновения положительного мировоззрения – научно-философского реализма, или философии жизни. Положительная философия, согласно Суворову, заимствует у метафизики идею универсальной системы знания, обнимающей все сущее в своих высших определениях, и приступает к преобразованию метафизических понятий при помощи критики языка. В результате все метафизические категории утрачивают статус сверхопытных реальностей и становятся лишь общими определениями содержания опыта: «Им придается уже не субстанциальное, а только методологическое значение» [8, с. 22].

Позитивная философия жизни изображается Суворовым как своего рода итог интеллектуального развития человечества. Здесь сходятся воедино философские и научные достижения, эстетические и моральные ценности, идеалы и цели – все, что было создано человеком в течение его истории. Позитивная философия жизни позволяет преодолеть «разрывы» опыта, восстановить его целостность, в результате чего извечная мечта человечества обрести единое мировоззрение становится вполне достижимой. «Единство мировоззрения имеет существенное значение для жизни как необходимое условие ее полной гармонии и свободного развития, – пишет Суворов. – Объединяя в высших принципах законы нормальной жизни среди природы и

общества, внося единство в основные мотивы жизни, устраняя ее внутренние противоречия, колебания и сомнения, обессиливающие людей, монистическое мировоззрение освещает путь и открывает свободный простор для полного и гармоничного расцвета жизни, в которой реализуется разумно понятый идеал жизни» [8, с. 108–109].

Цельное позитивное мировоззрение дает человеку адекватное «разумение жизни», которое Суворов называет мудростью. «Мудрость есть разумное развитие наибольшего содержания человеческой жизни; это – сама жизнь, осмысленная и уравновешенная, проникнутая сознанием общих жизненных законов и свободно им следующая... Истинная мудрость проникнута могучим и непрерывным кипением жизни, сосредоточенной силой переживаний, неутомимым активным стремлением к правде и душевной ясности, к гармонической полноте жизни» [8, с. 109]. Достигая мудрости, человек вырывается на свободу, полностью реализовывает себя как творческое существо и, становясь «героем», «переживает великую, поэтическую жизнь» [8, с. 112], способствует освобождению других людей; по мере единения поэзии, мудрости и гуманности «торжествует победу свободная жизнь» [8, с. 113].

Список литературы

1. Богданов А. А. Философия живого опыта. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. Популярные очерки. – М.: КРАСАНД, 2010. – 272 с.
2. Богданов А. А. Эмпириомонизм: Статьи по философии. – М.: Республика, 2003. – 400 с.
3. Гусев С. С. От «живого опыта» к «организационной науке» // Русский позитивизм: В. В. Лесевич, П. С. Юшкевич, А. А. Богданов. – СПб.: Наука, 1995. – С. 287–352.
4. Локтионов М. В. Александр Богданов: между марксизмом и позитивизмом. – М.: ИФ РАН, 2018. – 135 с.
5. Локтионов М. В. Александр Богданов: неизвестный марксизм. – М.: ГАУГН-Пресс, 2018. – 288 с.
6. Рыбас А. Е. Позитивная философия в России конца XIX – первой трети XX вв. – Mauritius: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017. – 324 с.
7. Стейла Д. Наука и революция. Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910). – М.: Академический Проект, 2013. – 363 с.
8. Суворов С. Основы философии жизни // Очерки реалистического мировоззрения: Сборник статей по философии, общественной науке и жизни. Изд. 2-е. – СПб.: Тип. Монтвида, 1905. – С. 1–113.
9. Юшкевич П. С. Современная энергетика с точки зрения эмпириосимволизма // Русский позитивизм: В. В. Лесевич, П. С. Юшкевич, А. А. Богданов. – СПб.: Наука, 1995. – С. 107–164.
10. Soboleva M. A. Bogdanov und der philosophische Diskurs in Russland zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Zur Geschichte des russischen Positivismus. – Hildesheim: G. Olms, 2007. – 277 p.

References

1. Bogdanov A. A. The Philosophy of Living Experience: Popular Outlines [*Filosofiya zhivogo opyta. Materializm, empiriokrititsizm, dialekticheskiy materializm, empiriomonizm, nauka buduschego. Populyarnyye ocherki*]. Moscow: KRASAND, 2010, 272 p.
2. Bogdanov A. A. Empiriomonism: Articles on Philosophy [*Empiriomonizm: Stati po filosofii*]. Moscow: Respublika, 2003, 400 p.
3. Gusev S. S. From “Living Experience” to “Organizational Science” [Ot “zhivogo opyta” k “organizatsionnoy nauke”]. *Russkiy pozitivizm: V. V. Lesevich, P. S. Yushkevich, A. A. Bogdanov* (Russian Positivism: V. V. Lesevich, P. S. Yushkevich, A. A. Bogdanov). St. Petersburg: Nauka, 1995, pp. 287–352.
4. Loktionov M. V. Aleksandr Bogdanov: Between Marxism and Positivism [*Aleksandr Bogdanov: mezhdumarkszizmom i pozitivizmom*]. Moscow: IPh RAS, 2018, 135 p.
5. Loktionov M. V. Aleksandr Bogdanov: Unknown Marxism [*Aleksandr Bogdanov: neizvestnyy marksizm*]. Moscow: GAUGN-Press, 2018, 288 p.
6. Rybas A. E. Positive Philosophy in Russia at the End of the 19th – First Third of the 20th Centuries [*Pozitivnaya filosofiya v Rossii kontsa XIX – pervoy trety XX vv.*]. Mauritius: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2017, 324 p.
7. Steila D. Science and Revolution. Reception of Empiriocriticism in Russian Culture (1877–1910) [*Nauka i revolyutsiya. Retseptsiya empiriokrititsizma v russkoy kulture (1877–1910)*]. Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2013, 363 p.
8. Suvorov S. Fundamentals of the Philosophy of Life [Osnovy filosofii zhizni]. *Ocherki realisticheskogo mirovozzreniya: Sbornik statey po filosofii, obschestvennoy nauke i zhizni* (Essays on a Realistic Worldview: Collected Articles on Philosophy, Social Science and Life). St. Petersburg: Tipografiya Montvida, 1905, pp. 1–113.
9. Yushkevich P. S. Modern Energetic Theory from the Point of View of Empiriosymbolism [Sovremennaya energetika s tochki zreniya empiriosimvolizma]. *Russkiy pozitivizm: V. V. Lesevich, P. S. Yushkevich, A. A. Bogdanov* (Russian Positivism: V. V. Lesevich, P. S. Yushkevich, A. A. Bogdanov). St. Petersburg: Nauka, 1995, pp. 107–164.
10. Soboleva M. *A. Bogdanov und der philosophische Diskurs in Russland zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Zur Geschichte des russischen Positivismus*. Hildesheim: G. Olms, 2007, 277 p.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Шаблон для оформления статьи можно скачать по ссылке: [шаблон](#). Более подробная информация о требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом, как правило, до 80 000 знаков (2 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. Редакция журнала не принимает статьи, опубликованные ранее или находящиеся на рассмотрении в других журналах, а публикуемая статья должна обладать научной новизной и актуальностью. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Редакторы имеют право вносить в статьи исправления, не меняющие их смысл.

2) Основной текст:

- формат листа – А4, ориентация – книжная
- формат файла – doc или rtf

- шрифт – Times New Roman
- масштаб – 100%
- интервал – обычный
- смещение – нет
- отступы от полей – 0 см
- междустрочные интервалы перед и после абзаца – 0 пт
- междустрочный интервал – одинарный
- размер шрифта – 14 пт
- поля – по 2,0 см со всех сторон
- абзацный отступ – 1,25 см

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации (не аббревиатура), место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание, город, страна. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – коды автора (при наличии): SPIN, ResearcherID, ORCID, ScopusID. Далее приводятся авторское резюме (обычно 100-250 слов – подробнее см. пункт 7) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Данная информация, кроме УДК и кодов автора, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 и ГОСТ 7.32–2017. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.», «,» и «:». Знаки «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Использование сокращений нежелательно (например, правильное написать не «J Clin Endocrinol», а «Journal of Clinical Endocrinology & Metabolism»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной

Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации рекомендуем воспользоваться сайтом <https://translit.ru>: в поле «мой транслит» в окошке в верхнем правом углу ввести номер настроек 45848 и нажать кнопку «Войти» (при переходе по приведённой гиперссылке данные настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Orlov»), либо по другим, если их иное написание является более распространённым и встречается в англоязычных источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey», «Ignatyev» вместо «Ignatev»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

При составлении списка литературы желательно не пользоваться автоматической нумерацией, а проставлять цифры вручную.

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Издательство Пермского университета, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow: Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow: Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm: Izdatelstvo Permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [*Транслитерированное название книги*]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. Monadology [*Monadologiya*]. *Sochineniya. Tom 1* (Works. Vol. 1). Moscow: Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [*К критике политическоy ekonomii*]. *Sochineniya. T. 13* (Works. Vol. 13). Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1–784.

Pavlov I. P. Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals [*Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatelnosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatelnosti (povedeniya) zhivotnykh*]. *Polnoe sobranie sochineniy. T. III. Kn. 2* (Complete Works. Vol. III. Book 2). Moscow – Leningrad: AN SSSR, 1951, pp. 383–408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [*Printsip dominanty*]. *Sobranie sochineniy. T. 1* (Collected Works. Vol. 1). Leningrad: LGU, 1950, pp. 197–201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3–19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Problems of Philosophy), 2012, no. 10, pp. 3–19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб.: СПбГУ. – 2008. – С. 109–116.

Игнатъев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98–106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город: Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschenny 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg: SpbGU, 2008, pp. 109–116.

Ignatyev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98–106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта. – URL: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева. URL: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [*Транслитерированное название статьи курсивом*]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, vol. 41, pp. 309–329. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без дополнительных скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, pp. 102–254.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3–5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объёму, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;
- имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в

заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О. В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>.

Пример оформления авторского резюме и списка ключевых слов

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложенный подход к концепции информационного общества является попыткой сформулировать некоторые фундаментальные идеи философского материализма, необходимые, с точки

зрения автора, для построения научной теории современного этапа общественного развития.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Рисунки должны быть предоставлены редакции отдельными файлами в форматах jpg или png и должны быть пронумерованы в том порядке, в каком появляются в тексте.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, всегда без пробелов, например, «сине-зелёный»; выглядит коротко) и тире (ставится между словами, обозначениями и т. п., например, «с. 45–48»; выглядит длинно). Тире между цифрами ставится без пробелов, в любом другом случае перед и после тире должны стоять пробелы (например, «1950–1960 годы», «движение – жизнь»). Также необходимо обращать внимание, что между инициалами, в сокращениях и в других случаях, когда несколько слов или символов неразрывно связаны друг с другом, между ними ставится неразрывный пробел, который сохраняет соседние слова на одной строчке и не делает большое расстояние между ними при выравнивании по ширине (ctrl+shift+пробел; например, «и т. п.», «№ 8», «А. А. Иванов»).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме также необходимо указать дополнительный способ связи с автором (например, телефон).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ivanovip@aanet.ru

SPIN: 0000-1111

Researcher ID: A-0000-1111

ORCID: 0000-1111-2222-3333

Scopus ID: 12345678901

Иванов Пётр Иванович – Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, кафедра истории и философии, аспирант, Санкт-Петербург, Россия.

Email: ivanovpi@aanet.ru

SPIN: 1111-0000

Авторское резюме

Текст резюме 100–250 слов (см. п. 7).

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, PhD (Philosophy), Saint Petersburg, Russia.

Email: ivanovip@aanet.ru

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student, Saint Petersburg, Russia.

Email: ivanovpi@aanet.ru

Abstract

Text of abstract (100–250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...
2. ...

References

1. ...
2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ № ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

Email: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2021.